

МУХАММАД НАРШАХИ

ИСТОРИЯ БУХАРЫ

(Перевод 1897 г.)

От переводчика

В статье своей “Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии” (Читана в открытом заседании Туркестанского Кружка любителей археологии 3 июня 1896 года и напечатана в “Средне-Азиатском Вестнике” (Июнь, 1896)). Б. В. Бартольд высказал, что “появление русского перевода “Истории Бухары” Наршахи (X в.), дошедшей до нас в персидском переводе XII в., было бы крайне желательным, потому что сочинение это имеет первостепенное значение для истории и топографии Средневековой Бухары”.

На основании этого указания переводчик надеялся, что имеет перед собой не позднейшую компиляцию, а первоисточник по истории соседнего с нашими среднеазиатскими владениями государства; можно было наперед сказать, что, говоря о средневековой истории Бухары, автор сочинения, предлагаемого вниманию читателя, назовет древними именами те города и села, которые доступны теперь лишь археологическому исследованию и только имена которых сохранились отчасти в памяти Бухарского народа. Такие даже отрывочные сведения о прошлом территории Бухары могли бы служить путеводной нитью в работах Туркестанского археологического кружка и потому необходимо было сделать чтение книги доступным и лицам, не знакомым с персидским языком подлинника.

Сочинение Наршахи в 1892 г. было издано в Париже (Description topographique et historique de Boukhara, par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs a la Trausoxiane. Texte persan publie par Charles Schefer, membre de l'Institut. Paris 1892. IV+ *** стр. 8° (= Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivaates, III-e Serie, vol. XIII)). по двум рукописям, из которых одна относится к XVIв., [6] другая — к новейшему времени. Ни та, ни другая, по словам издателя, не свободны от ошибок, тем не менее издатель, даже в собственных именах, не приводит никаких вариантов к своему тексту. С текстами Парижского издания мы сопоставили еще две другие рукописи, тоже сравнительно позднего происхождения и, как оказалось при сравнении, не представляющие и по

полноте ничего замечательного. Во всяком случае, рукописи эти помогли исправить некоторые неточности в издании Шефера.

Текст сочинения Наршахи оказался изобилующим архаическими оборотами речи и требовал обстоятельных исторических справок и примечаний. Не имея возможности на месте пользоваться всеми необходимыми для того источниками, я обратился к Б. В. Бартольду с просьбой помочь мне в обработке моего перевода для печати. В. В. Бартольд любезно согласился принять на себя труд редакции перевода в отношении верности передачи текста и снабжения перевода историческими примечаниями; при этом редактор не касался ни стилистики, ни транскрипции встречающихся в тексте собственных имен.

Вот история перевода. Наша общая работа перед судом читателя. Со своей стороны я считаю долгом искренней признательности глубоко благодарить В. В. Бартольда, пришедшего мне на помощь своими знаниями и немало потрудившегося над переводом любителя-новичка...

Нил Лыкошин.

21-го Апреля 1897 г., гор. Ташкент.

ТАРИХ'И-БУХАРА

Абу-Бакра Мухаммада, сына Джафара Наршахи (Абу-Бакр Мухаммад. сын Джафара Наршахи, как показывает его прозвание, происходил из селения Наршаха, в окрестностях Бухары. Он родился в 286 (899) году и умер в сафаре 348 (весной 959) г. См. словарь Самъани, рук. Аз. муз. 543а., л.434)

Во имя Бога, милостивого, милосердного! Слава Богу, всевышнему, величайшему, сотворившему миры, знающему все тайны, подающему все необходимое всем тварям и держащему в своей власти небо и землю.

Славословие избранному из людей, последнему из пророков — Мухаммаду, чистейшему, — да пребывает милость Божия на нем, его домочадцах, друзьях, последователях, приверженцах и да будет всеми ими доволен Бог!

Говорит Абу-Наср Ахмад, сын Мухаммада. сына Насра Кубави (Кубави — значит уроженец города Куба. Куба - большой город в Фергане (ныне небольшое селение Кува в Маргеланском уезде Ферганской области)), что Абу-Бакр Мухаммад, сын Джафара Наршахи написал книгу в честь амира Хамида Абу-Мухаммада Нуха, сына Насра, сына Ахмада, сына Исмаила Самани (Саманид Нух I (943—954 г.г.)),—да будет к ним милостив Бог,—о состоянии Бухары, ее достоинствах, прелестях, обо всем, что есть в Бухаре и ее окрестностях из удобств жизни и что вообще до нее относится; он излагает предания о ее превосходстве, дошедшие к нам от пророка,— да благословит и да приветствует его Бог, — от его [8] учеников, последователей и от учителей веры, — да будет всеми ими доволен Бог.

Эта книга была сочинена на арабском языке очень красноречивым слогом в 332 году (по лунному летосчислению) (943 — 4г.). В виду того, что (теперь) люди большею частью не питают склонности к чтению арабских книг, мои друзья просили меня перевести эту книгу на персидский язык; я согласился и перевел книгу в месяце джумади-л-аввал 522 г. (1128 г.). Так-как в арабской рукописи местами встречались известия о событиях малоинтересных, чтение которых возбуждает скуку, я исключил такие повествования.

В 574 (1178—9) году, незначительнейший человек Мухаммад, сын Зуфара, внук Умара, изложил содержание книги в сокращенном виде для высокого собрания садра (Титул министров и высших представителей духовенства. Бухарские садры во второй половине XII в. соединили в своих руках светскую и духовную власть. См. Ibn-el-Athir ed. Tornberg. XII, 170, 171.) садров мира, ходжи-имама, величайшего, святейшего, авторитета общины и веры, меча ислама и правоверных, оружия имамов во всех мирах, властителя шариата, опоры халифата, имама области Мекки и Медины, муфтия востока и запада, потомка знатного рода по мужской и женской линии, обладателя высоких и достойных качеств, Абдул-Азиза, сына Садрул-Имама Ал-Хамида-Бурхануддина Абдул-Азиза, — да освятит Бог дух покойного (отца) и благословит живого почетом и величием!

Рассказ о людях, бывших казиями в Бухаре.

(Из них) был Сибавейхи, сын Абдул-Азиза Бухари, грамматик (Едва ли бухарский казий был тождествен с знаменитым грамматиком Абу-Бишр-Амром, сыном Усмана, Сибавейхи, умершим в конце VIII в. Биографы грамматика Сибавейхи ничего не упоминают о его пребывании в Бухаре.); от Мухаммада, сына Аюна известно, что он лично слышал от Абдуллы Мубарака о том, что Сибавейхи [9] был казием в Бухаре и никому не причинил вреда, даже на два диргема; впрочем два диргема (слишком) много, добавил Абдулла Мубарак; этот казий во всю свою жизнь не причинил никому вреда и на пылинку (Зарра — пылинка, видимая в воздухе, когда луч солнца проникает через небольшое отверстие в темное помещение).

Был казием и Мухаллад, сын Умара много лет, пока не умер шахидом (Шахидом у мусульман называют всякого умершего в бою, а также несправедливо убитого самими мусульманами. Такая смерть обеспечивает человеку райское блаженство). Потом место казия занимал Абу-Даим Хазым Садуси (Садус — название арабского племени), которому был прислан от халифа диплом на эту должность. Другой — Иса, сын Мусы Таими, более известен под именем Ганджара (Умер в 184 (800)г), — да будет к нему милостив Бог. Когда ему предложили занять должность казия, он отказался от этой чести. Царь просил Ису, если он сам не желает быть казием, рекомендовать подходящего для этого звания человека по своему усмотрению, но Иса и от этого уклонился. Тогда приказал царь в присутствии Исы произносить поочередно имена всех лиц, которые могли рассчитывать на назначение, но после каждого произнесенного имени Иса говорил: *не годится*. Наконец, когда было произнесено имя Хасана, сына Усмана, из Хамадана, Иса промолчал и присутствующие решили, что молчание с его стороны равносильно согласию. Назначили Хасана, сына Усмана, казием и за все время его служения не было в городах Хорасана людей, которые могли бы сравниться с ним по глубине познаний и благочестию. Потом был Амир (Собственное имя — ***) сын Умара, внук Амрана; затем Исхак, сын Ибрагима, внук Хити. После своей отставки, Исхак умер в Тусе (Тус — город в Хорасане, около нынешнего Мешхеда) в 208 (823—4) году. Казием был назначен Са'ид, сын Халафа Балхского, в конце джумади-л-аввала 213 (828) года. Этот человек так безупречно исполнял обязанности казия, что его ставили в [10] пример, как образец беспристрастия, справедливости и милостивого отношения к созданиям Божиим. При нем народ усвоил себе хорошие нравы; между прочим он с свойственной ему справедливостью установил плотины (***) — вероятно арабская форма, множ. число от персидского слова ***) и разделение воды между жителями Бухары, так чтобы сильный не обижал слабого. После был казием Абдул-Маджид, сын Ибрагима Наршахи, — да будет милостив к нему Бог, — которого причисляли к праведникам; далее, должность казия перешла к Ахмаду, сыну Ибрагима Баркади (В словаре Самьяни (л. 51) названы два бухарские казия с именем ***: 1) Абу-Джафар Мухаммад, сын Ахмада, был казием при Исмаиле Самани, умер в Зул-хиджа 289 (902) г. 2) Абу Хафс Мухаммад, сын Ахмада.) — да будет милостив к нему

Бог. Он был казием в царствование Ахмада, сына Исмаила Самани (907—914 г.г.) и был одновременно законоведом и подвижником.

Впоследствии на должность казия был назначен Абу-Зар Мухаммад, сын Юсуфа Бухари, который был учеником имама Шафия (да будет к нему милостив Бог). Это был человек очень ученый, благочестивый, святой жизни. Его ставили выше всех бухарских ученых; его всячески старались соблазнить тайными взятками. Но как ни старались враги, он ничем не запятнал себя; его беспристрастие и справедливость только яснее обнаруживались с каждым днем. Состарившись, Абу-Зар Мухаммад просил освободить его от службы в должности казия, отправился на поклонение святыням Мекки и, совершив “хадж”, остался на некоторое время жить в Ираке (*Ирак*; были две провинции этого имени: Ирак арабский, с городами Багдадом и Басрой, и Ирак персидский с городами Испаганом и т. п. (там же ныне Тегеран); Здесь, очевидно, имеется в виду Ирак арабский), где занимался изучением преданий (хадисов), дошедших к нам от пророка, — да благословит и да приветствует его Бог, — и (вообще) учился. Потом он возвратился в Бухару и пожелал остаток дней своих провести в уединении, — да будет милостив к нему Бог. [11]

Потом был казием Абу-Фазл, сын Мухаммада, внук Ахмада Марвази Сулами. Он был знаток шариата (факых) (да будет милостив к нему Бог); он написал книгу „Мух-тасари-Кяфи” и долго исполнял обязанности казия в Бухаре. Во все время службы своей он не заслужил ни малейшего упрека, а беспристрастие и справедливость его ко всем без различия были таковы, что во время его службы у него не было соперников по учености и святой жизни. После должности казия, он был назначен визирем султана и умер шахидом (мученически). Да будет милостив Бог ко всем им, вышеупомянутым.

Автор этой книги говорит, что если бы он вздумал описать жизнь всех ученых Бухары, то описание это заняло бы несколько книг, поэтому он ограничился лишь некоторыми, именно такими, о которых предание от пророка, да благословит и да приветствует его Бог, гласит: “ученые между моими последователями будут так же возвеличены, как пророки из потомства Исраиля”. *Фасл* (Фасл — параграф, деление текста. Мухаммад, сын Джафара, Наршахи не написал в своей книге этого фасла (Примечание в тексте)). Абул-Хасан Абдул-Рахман, сын Мухаммада-ан-Нишабури, в книге “Хазаин-ул-улум” (Сокровищницы наук) говорит, что на том месте, где теперь область Бухара, раньше была болотистая низина, часть ее представляла площадь, поросшую камышом и деревьями. Там было много птиц, но во многих местах были такие трясины, что никакой зверь не мог пройти. Это происходило от того, что в горах, окружающих Самарканд, таял снег и вода стекала туда. И так, около Самарканда есть большая река по имени Масаф (Томашек (Sogdiana 19—20), на основании китайской транскрипции На-мп, полагает, что древнее название Заряфшана было *Намик* (от древне-арийского корня *нам* “почитать, преклоняться”). В рукописи автора IXв. Якуби (Bibl. Geogr. Arab. VII, 293) стоит *** очень возможно, что здесь и у нашего автора следует читать ***), очень многоводная. Вода во многих местах размывала землю и несла с собой много земли, так что те болота были совершенно занесены илом. Много притекало воды, но много и земли приносила она [12] с собой до Битика и Фараба (Два селения на берегу Аму-Дарьи, против Чарджуя, сохранившие свое название до настоящего времени.), так что другие воды (т. е. болота) совсем пересохли; место, где находится Бухара, занесло землей, и площадь была сравнена. Так образовалась великая река Согд, а в занесенной илом области возникла Бухара; люди стали собираться туда со всех сторон, и место приняло веселый вид.

Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось

переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше и больше людей, и переселенцы стали возводить постройки. Собралось очень много народа, и они выбрали из своей среды одного и сделали его амиром. Имя его было *Абруй*. Самого города еще не было, но уже было несколько деревень, каковы: Нур (Существует теперь (Нур-ата)), Харкан-руд (Собств. название арыка (у арабск. географов Харган-руд); селение *Харган-кет* находилось недалеко от Кермине), Вардана (Ныне Варданзи), Таравджа (Вероятно, уменьшительное от *Тараб* — селение к Ю. З. от Бухары, по дороге в Хорасан), Сафна, Исвана.

Большое селение, где жил сам царь, называлось *Пайкенд*, а городом называли *Кала-и-дабуси* (Или *Дабусия* — крепость около нынешнего Зинуддина). По прошествии некоторого времени, власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так что терпение жителей истощилось. *Дихканы* (Под именем “дихканов” известны были представители земельной аристократии; среди них было немало потомков царствовавших родов) и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза (Город около нынешнего Аулие-ата), где выстроили город и назвали его *Хамукат*, потому что великий дихкан, бывший во главе переселившихся, назывался *Хамук*, что на языке бухарцев означает жемчуг, [13] а *кат* значит город; таким образом, название это означало “город Хамука”. Вообще бухарцы “хамуками” называют вельмож.

Оставшиеся в Бухаре послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя. Вельможи и дихканы обратились за помощью к правителю турков, по имени *Кара-Джурин-Турк*, которого, за его величие, народ прозвал Биягу. Биягу тотчас послал своего сына *Шири-Кишвара* (В переводе “лев страны”) с большим войском. Тот прибыл в Бухару, в Пайкенд схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, отчего он и умер. Шири-Кишвару очень понравилась завоеванная им страна, и он послал своему отцу письмо, в котором просил назначить его правителем этой области и разрешить ему поселиться в Бухаре. Вскоре он получил ответ, что Биягу отдает ему область. Шири-Кишвар отправил посла в Хамукат, чтобы он уговорил вернуться на родину всех бежавших из Бухары с их семействами. Он написал грамоту, в которой обещал, что Все возвратившиеся по его приглашению из Хамуката в Бухару, станут его ближними людьми. Это обещание было вызвано тем, что Все богачи и знатные дихканы выселились, а бедные и низшее сословие оставались в Бухаре.

После этого бежавшие в Хамукат возвратились на родину, в Бухару, а оставшиеся в Бухаре бедные люди стали слугами возвратившихся из Хамуката. Среди последних в то время был один великий дихкан, которого называли Бухар-худат (Т. е. “господин Бухары”), потому что он происходил из древнего дихканского рода. Земельные участки большею частью принадлежали ему, и большинство остальных людей были или крестьянами или слугами его.

Шири-Кишвар основал город Бухару и селения: Мамастин (У географов Мастин — деревня к западу от Бухары, по дороге в Хорасан. (Bibl. Geogr. Arab. YJ, 19. 156; Jacut IV, 393)), Сакматин, Самтин и Фараб. Шири-Кишвар [14] царствовал 20 лет, а после него был другой царь, который основал селения Искаджкат, Шарг (Искаджкат и Шарг — селения расположенные рядом верстах в 25-ти от Бухары по дороге в Самарканд (Jacut III, 106, 276).) и Рамтин. В то же время было основано селение Фарахша (На расстоянии одного дня пути от Бухары по дороге в Хорезм Bibl. Geogr. Arab. I, 338)). Когда в Бухару привезли в качестве невесты дочь китайского царя, то с ней привезли из Китая пагоду с идолами, которую и поместили в Рамтине.

Во время халифата амира правоверных Абубакра Сиддыка (Первый халиф (632—634 г.г.)), — да будет им доволен Бог, — в Бухаре впервые вычеканили монету из чистого серебра, а до того времени монеты в Бухаре не было.

В царствование Муавии (Моавия умер уже в 680г.; походы Кутайбы были значительно позже; см. ниже.) Бухара бала завоевана Кутайбой, сыном Муслима. Тахшада стал царем и правил Бухарой 32 года в зависимости от Кутайбы, сына Муслима. Кутайба был убит в Самарканде Абу-Муслимом (Очевидно здесь пропуск в тексте,; Абу-Муслпм убил не полководца Кутайбу, а бухар-худата Кутайбу, сына Тахшады. См. ниже стр. 17).

Во время правления в Хорасане Насра, сына Сайяра (Наср был наместником Хорасана в течение 10-ти лет. (738—748 г.г.)), после смерти Кутайбы, Тахшада (II) десять лет правил Бухарой, но и его убил Абу-Муслим (Винovníк движения, вследствие которого династия Омайядов сменилась династией Аббасидов. Абу-Муслим был убит, по приказанию халифа Мансура, в 755 году) — да будет милостив к нему Бог.

После него царствовал 7 лет брат его *Сукан*, сын Тахшады, он был убит в своем дворце в Фарахше, по повелению халифа, а именно: произошли смуты, во время которых он и был убит в своем дворце в месяце рамазан. Он в это время держал перед собой тетрадь и читал Коран; в таком положении его убили и похоронили в том же дворце. После Сукана, семь лет царствовал брат его *Буннат*, сын Тахшады. [15] Он также был убит во дворце в Фарахше, по приказанию халифа; о причине этого убийства будет упомянуто.

После этого, Бухара находилась в руках потомков Тахшады, его слуг и внуков, и только в царствование амира Исмаила Самани царская власть исчезла из рук потомства Бухар-Худата, а как это случилось, будет рассказано ниже.

Рассказ о женщине, которая была царицей Бухары, и о детях ее, после нее царствовавших.

Мухаммад, сын Джафара, говорит: Бухар-Худат-Бидун умер, и после него остался грудной сын, по имени Тахшада. Женщина, которая была матерью Тахшады вступила на престол и 15 лет была царицей. В ее царствование в Бухаре стали появляться арабы. Каждый раз царица заключала с ними мир и платила дань. Говорили, что в ее время не было человека мудрее ее: она мудро управляла, и подданные ее были ей преданны.

Царица имела обыкновение каждый день выезжать за крепостную стену Бухары и останавливаться у ворот Ригистана, которые назывались “воротами продавцов сена”. Она садилась на трон, перед ней стояли рабы (Слово *гулям* прилагалось тоже к царской гвардии; в этом смысле оно, по-видимому, употреблено здесь.) и придворные, т. е. евнухи и высокопоставленные лица. Она установила правило для сельского населения, чтобы ежедневно на службу являлись 200 молодых людей из дихканов и потомков царских родов. Они являлись опоясанные золотыми поясами, с саблями, привешенными к поясу, и становились в отдалении. Выходила царица, и все приветствовали ее. Молодые люди становились в два ряда. Царица обсуждала государственные дела и отдавала приказания и кому хотела — выдавала награду, а кому находила нужным — [16] назначала наказание. Так проходило время от намаза “бамдад” (Намаз “бамдад”— первая из пяти обязательных мусульманских ежедневных молитв (намаз), совершается одновременно с восходом солнца) до времени завтрака, а потом царица возвращалась в крепость и посылала угощение и пищу своим приближенным.

Вечером царица таким же порядком выходила (за крепостную стену) и садилась на трон. Перед ней в два ряда становились для службы дихканы и потомки царских родов, до тех пор, пока не заходило солнце. После заката солнца, царица вставала, садилась на лошадь и отправлялась домой, а те возвращались по домам в селения. — На другой день приходили другие люди и исполняли службу тем же порядком, и так, по очереди, пока не приходил черед позванных впервые. В течение года каждому таким образом приходилось служить четыре дня.

Наконец, женщина умерла, а сын ее Тахшада достиг возраста, когда уже сам мог царствовать. Всякий в это время рассчитывал овладеть престолом. Из Туркестана еще раньше пришел в Бухару визирь, по имени Вардан-худат, владевший областью Вардана. Кутайба должен был много воевать с ним. Вардан-худат умер, а Кутайба овладел Бухарой. Несколько раз Кутайба изгонял Вардана из Бухары, так что тому приходилось удалиться в Туркестан. Кутайба отдал Бухару Тахшаде, поставил его правителем, очистил для него царство (от смут) и у всех врагов Тахшады отнял силу. Тахшада принял ислам из рук Кутайбы и правил Бухарой при жизни Кутайбы и после его смерти, при Насре, сыне Саяра, всего 32 года. После обращения в ислам, у Тахшады родился сын, которого, в честь своего друга, он назвал тоже Кутайбой.

После смерти Тахшады, сын его, Кутайба, вступил в управление Бухарой. Несколько времени он был мусульманином, но отрекся от ислама во время Абу-Муслима, — да будет к нему милостив Бог. Абу-Муслим узнал об отступничестве Кутайбы и убил его. Он убил также брата его со всеми [17] его приверженцами, после чего сын Тахшады Буниат, рожденный уже в то время, когда отец его принял ислам, стал правителем Бухары. Он некоторое время исповедовал мусульманскую религию до появления Муканной и восстания “людей в белых одеждах” (***) Об этом движении, происшедшем около 780г., подробно говорится ниже) в сельских окрестностях Бухары. Буниат почувствовал к ним расположение и оказал им помощь. “Люди в белых одеждах” с его поддержкой почувствовали под собой почву и стали одерживать верх. Тогда заведующий почтовым сообщением довел об этом до сведения халифа. Халифом в то время был Махди (775—785 г.г.). Покончив с Муканной и “людьми в белых одеждах”, Махди послал (в Бухару) конницу. Буниат в это время сидел в Фарахше, в своем дворце, и с гостями пил вино. С высоты, он издали завидел быстродвигающуюся по направлению к ним конницу. Он понял, что это были воины халифа. Он хотел принять меры, но в это время конница приблизилась, и воины, ни слова не говоря, бросились на него с обнаженными саблями и обезглавили его. Это было в 166 г. (782 — 3 г.). Весь его отряд разбежался, а те всадники также все возвратились (к халифу). Когда сын Тахшады Кутайба за отступничество от ислама был убит Абу-Муслимом, вместе с своим братом и родственниками, Абу-Муслим отдал все его поместья и арендные земли сыну Тахшады Буниату. До царствования амира Исмаила Самани все это находилось в руках Буниата (т. е. его рода). После отступничества и убиения Буниата, эти поместья находились в руках потомков Бухар-Худата.

Последним владельцем Бухары был Абу-Исхак, сын Ибрагима, внук Халида, правнук Бутата. Ибрагим (Вероятно ошибочно, вместо *Исмаил*; последний управлял Бухарой, в зависимости от своего брата Насра, жившего в Самарканде. Наср умер в 892 г.), живя в Бухаре и владея царством, ежегодно посылал часть урожая [18] в Маварау-и-нагр своему брату Насру, а тот уже пересылал (эту подать) амиру правоверных Муктадиру (Халиф Муктадир (908—932 г.г.) вступил на престол уже после смерти Исмаила (907 г.)). Амир Исмаил Самани отобрал у Абу-Исхака все поместья и пашни. Поводом к отобранию послужило то, что Ахмад, сын Мухаммада, внук Ляйса, бывший во то время военным

начальником, однажды спросил Исмаила Самани: “Амир! От кого досталось Абу-Исхаку такое прекрасное поместье, приносящее такое количество зернового хлеба?”.

— Эти поместья не принадлежат им (т. е. потомкам бухар-худатов), а составляют собственность правительства, отвечал амир Исмаил Самани.

Ахмад, сын Мухаммада, внук Ляйса возразил на это амиру, что поместья принадлежали бы им лично, но, в виду отступничества их предка от ислама, халиф заблагорассудил отобрать у них все и, взяв в казну все их имения, отдал их потом им же во временное пользование, как жалованье за службу и на удовлетворение их расходов. Абу-Исхак не отправляет службы, как бы следовало, и считает эти поместья своей собственностью. Во время этого разговора амира с Ахмадом, явился Абу-Исхак, сын Ибрагима.

Амир Исмаил Самани спросил его: “Абу-Исхак! Скажи мне, сколько дохода получаешь ты ежегодно с твоих имений?”

— С большим трудом и старанием, я получаю всего 20 тысяч диргемов в год, отвечал Абу-Исхак. Амир Исмаил приказал Ахмаду, сыну Мухаммада, внуку Ляйса, принять в управление всю область, бывшую в руках Абу-Исхака; аризу (Должностное лицо, заведывавшее раздачей жалованья воинам и чиновникам) Абуль-Хасану амир приказал передать распоряжение, чтобы Абу-Исхаку ежегодно выплачивалось по 20 тысяч диргемов. Так земельная собственность Абу-Исхака была у него отнята и уже больше к нему не возвращалась. Абу-Исхак умер [19] в 301 (913 — 4) году, а потомки его остались в селениях Суфна и Сиванч.

Описание Бухары и прилегающих к ней местностей.

Абуль-Хасан Нишабури в книге “Хазаину-л-улум” (Сокровищницы наук) сообщает, что город Бухара, хотя и отделен рекою Джайхун, но принадлежит к Хорасану.

Гор. Кярмина принадлежит к Бухарским волостям (***) — термин, употребляющийся для обозначения группы поселений); вода его составляет часть бухарской воды и поземельная подать с этого города причисляется к бухарской. В то же время Кярмина имеет собственную волость; в нем есть также соборная мечеть. Кярмина был родиной многих литераторов (Понятие *** соответствует нашему понятию о “гуманитарных” науках) и поэтов. Есть поговорка, по которой гор. Кярмина в древности носил название *Бадгиа-и-хурдак* (Буквально “кувшинчик”). От Бухары до Кярмина считается 14 фарсахов.

Нур большое селение; там есть соборная мечеть и много рабатов (Здания, первоначально служившие помещением для “борцов за веру”, охранявших границы мусульманских владений и предпринимавших вторжения в страны кафиров. Впоследствии это слово означало просто гостиницу, караван-сарай.). Ежегодно жители Бухары и других мест отправляются туда на поклонение святыням и считают это путешествие весьма душеспасительным для себя. Говорят даже, что сходявший на поклонение в Нур совершает столь же богоугодное и спасительное дело, как “хаджи” (исполнивший религиозное паломничество в Мекку).

По возвращении богомольца из селения Нур, город украшают венками, в ознаменование возвращения из такого благословенного места. Это селение Нур в других областях называют “светом Бухары” (Нур по-арабски значит свет. Туземцы говорят: Ташкент-суп, Бухара-нури, т. е. Ташкент славен обилием воды, а Бухара — селением Нур), потому что там погребено много [20] “табиин”, (людей, при жизни видевших “сахаба” —

современников-самовидцев Мухаммада), — да будет всеми ими доволен Бог до судного дня.

Таваиса (У географов Тававис; о местоположении см. ниже) — другое селение. Раньше оно называлось “Аркуд” (У Якута (I, 209 — 210) *Арфуд* — селение вблизи Кермине, по дороге в Бухару.). В этом селении были богатые люди, жившие роскошно; одним из признаков роскоши было, что каждый хозяин у себя дома содержал 1—2 павлинов.

Арабы прежде не видели павлинов; увидав в этом селении множество этих птиц, они назвали селение “зат-и-таваис” (Собственно *таваис* (мн. число от *тавус* - павлин)), т.е. место, изобилующее павлинами. Скоро прежнее название селения забылось и, отбросив слово “зат-и”, селение стали называть Тавис. Там есть соборная мечеть и большой город. В прежнее время в этом селении ежегодно осенью бывала ярмарка, продолжавшаяся 10 дней. Эта ярмарка отличалась тем, что на ней продавали всякие ткани, именно: занавесы, покрывала и др., не смотря на все их недостатки, но возвращать товар не было ни возможности, ни способа и на это, ни при каких условиях, не соглашались ни продавец, ни покупатель. Ежегодно, на эту ярмарку собиралось более 10,000 челов., приобретавших товары для торговли и таких, которые делали запасы для себя лично. Приходили на ярмарку жители Ферганы, Джаджа (Т.е. Ташкента)) и других местностей и все возвращались с значительной прибылью. Поэтому благосостояние жителей селения Тавис увеличивалось, и богатство свое они приобретали посредством торговли, а не земледелием. Селете Тавис находилось на большой Самаркандской дороге, в семи фарсах от Бухары.

Искаджкат имеет большое укрепление, жители его были богаты; но их благосостояние не зависело от земледелия, так как все земельные участки этой деревни, обработанные и [21] необработанные занимали менее тысячи джифтов (Джифт — “пара быков”, т. е. пространство земли, которое может быть возделано парой быков в один день (как лат. *jugum*)). Все жители этого селения занимались торговлей и из селения вывозится очень много бумажных материй. Каждый четверг в это селение съезжались на базар. Селение Искаджкат принадлежало к имениям правительства; Абу-Ахмад Муваффах-биллях (Муваффах управлял халифатом в царствование своего брата Мутамида (870—892 гг.) и умер в 891 г.) отдал его в качестве лена, Мухаммаду, сыну Тагира, амиру Хорасана (862—873 гг.), а потом продал за деньги Саглю, сыну Ахмада, Дагуни-Бухари. Сагль выстроил там баню и в одном месте, на низменном берегу реки, построил большой дворец. Остатки этого дворца существовали до нашего времени и назывались Ках-и-Дагуни (Т. е. “Дворец Дагуни”). Но (теперь) река его подмыла и разрушила. Селение Искадж-кат представляло вотчину Сагля, сына Ахмада Дагуни, и жители его ежегодно уплачивали Саглю 10.000 диргемов, согласно раскладки по домам. Наконец, жители селения решили не платить подати Саглю, не вносили следующих с них сборов в течение 2 — 3 лет и затем обратились к правительству, прося у него помощи против Сагля. Наследники Сагля, сына Ахмада, в подтверждение своих прав, представили документы царствовавшему тогда Исмаилу Самани, который, рассмотрев документ, признал его правильным. Однако, спор по этому делу тянулся уже долго, высокопоставленные лица города явились посредниками между жителями селения Искаджкат и наследниками Дагуни; наконец, состоялась мировая сделка, по которой наследники получили 170.000 диргемов. Таким образом, жители выкупили селение и освободились от подати, заплатив упомянутую сумму.

В селении никогда не было соборной мечети до царствования Шамсу-ль-Мульк-Насра, сына Ибрагима Тамгадж-хана (Второе *** в изд. Шефера лишнее, Ибрагим Тамгадж хан умер в 460 /1067—8) г.; его сын Шамс-уль-мульк Наср — в Зу-ль-када 472 (1080)г.). [22] В

Искаджкате жил ходжа, по имени Хан-Салар. Это был человек уважаемый, у которого было очень много слуг; он был сборщиком податей правительства. Вот он-то и построил на свои собственные средства очень хорошую мечеть, израсходовав на ее сооружение большую сумму денег и совершил в этой мечети пятничную молитву. Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что слышал от хатиба селения Шарг, что в соборной мечети селения Искаджкат молитва в пятницу была совершена только один раз, а потом имамы Бухары нашли, что там нельзя совершать пятничное богослужение, и соборная мечеть осталась без всякого употребления. Когда Кадар-хан Джабраил, сын Улара, внук Тогрул-хана (Умер в 1102 г) сделался амиром Бухары, его имя было Тогрул-бек, а прозвище Куляртакин. Он купил у наследников Хан-Салара лес, употребленный на постройку мечети, разрушил мечеть, перевез деревянные части в Бухару и выстроил из этого леса мадраса, недалеко от Чуба-и-бакалян, израсходовав на эту постройку очень много денег. Эта Мадраса называется Куляртакин и выстроивший его амир был погребен в этом Мадраса.

Селение *Шарг* расположено напротив Искаджката; между ними нет садов и земель, а только большой канал, который называли Руд-и-Самчан. Теперь канал называется Руд-и-Шарг, а некоторые называют его Харам-кам. На этой реке был большой мост между этими селениями. В селении Шарг никогда не было соборной мечети. В царствование Арслан-хана Мухаммада, сына Сулеймана (1102—1130 г.г.), по его повелению, мост через Руд-и-Шарг переделали и выстроили очень прочный из жженного кирпича, а также на собственные средства Арслан-хана была выстроена соборная мечеть. На стороне Искаджката (т. е. на другом берегу канала) хан приказал выстроить рабат (караван-сарай для [23] остановки проезжающих) для удобства путешественников. В этом селении находится большая крепость, по величине не уступающая городу. Мухаммад, сын Джафара, вспоминает, что на этом месте в прежнее время был базар, куда ежегодно, зимой, на 10 дней, съезжались купцы из отдаленных областей и торговали. Вывозили отсюда, преимущественно халву из орехов, на сиропе, много кустарника (***) — молодой, сырой лес, сильно дымящийся при горении), лесу, соленой и свежей рыбы, шуб, сделанных из обыкновенной овчины и из мерлушки, и потому сюда собиралось очень много торговцев!”. В наше время, в этом селении бывает базар каждую пятницу, и из города и его окрестностей сюда приезжает много торговцев. Вывозятся из этой деревни купцами в разные страны теперь медь и бумажные материи. Мухаммад, сын Джафара, сообщает, что амир Исмаил Самани, — да будет на нем милость Божия, — купил это селение со всеми возделываемыми полями и угодьями. Все это он пожертвовал в вакф на содержание гостиницы, построенной им у Самаркандских ворот, внутри Бухары. В наше время не существует ни гостиницы этой (рабат), ни завещанного Исмаилом вакфа. Шарг и Искаджкат были красивейшими селениями Бухары, — да сохранит их Бог! *Зандана*. В этом селении есть значительная крепость, большой базар и соборная мечеть. Каждую пятницу в мечети совершается намаз “джума”, а на базаре происходит торг. Вывозятся отсюда так так потому, что выделываются в этом селении. Материя хороша и в тоже время выделывается в большом количестве. Во многих селениях Бухары ткут такую же материя и называют также “Занданичи”, потому что раньше всех начали выделывать эту материя жители этого селения. Бумажные материи отсюда вывозят во все области: в Ирак, Фарс, Кирман (Области в Персии), Индустан и другие. Все вельможи и цари [24] шьют из нее себе одежды и покупают ее по той же цене, как парчу. Да сохранит Бог это селение цветущим!

Вардана — большое селение. Там есть большая сильная крепость. С древнейших времен там жили цари, но в наше время там уже нет царской резиденции. Селение это древнее города Бухары; оно основано Шахпур-Маликом (Имя Шахнур носили три царя из династии Сассанидов (241—272 г.г., 309—379 г.г. и 383—388 г.г.). Здесь, впрочем,

вероятно говорится о Сассанидском царевиче, о котором см. ниже (стр. 30 в изд. Шефера)) и находится на границе с Туркестаном. В этом селении каждую неделю был один базарный день, торговцев собиралось очень много; вывозилась оттуда тоже ткань Занданичи, хорошо сделанная.

Афшина состоит из большого города и сильной крепости. К городу принадлежит несколько селений и там бывает еженедельно базар в определенный день. Земли этого города, возделанные и пустынные, составляют вакф “ищущих знания” (т. е. учеников Мадраса), и Кутайба, сын Муслима, выстроил там соборную мечеть. Мухаммад, сын Васи, выстроил также мечеть, и молитвы, возносимые там, угодны Богу. Народ ходит туда из города и считает место это священным.

Баркад. Большое, древнее селение. Там находится большая, древняя крепость. Селение это называют “Баркад-и-Алавиян” (т. е. Баркад Алидов), потому что амир Исмаил Самани купил это селение и завещал его в вакф: десять частей в пользу потомков Алия и потомков Джафара Садыка (Джафар Садык, потомок Алия, шестой из 12-ти шиитских имамов, по некоторым известиям был учителем Абу-Ханифы, известного у суннитов под именем Имама Агзама. Основатель секты ханифитов, или “Аль-киас”, Абу-Ханифа Ногман, сын Сабита, род. в Куфе, древней столице Ирака, в 80-м году хиджры (702 г.). Али, когда ему представили малолетнего Абу-Ханифу, благословил его и предрек о нем, что “из его тела выйдет свет, который прольет свои лучи на все страны, исповедующие ислам”), две части в пользу беднейших жителей города Бухары и две части в пользу своих наследников.

Рамтин (И теперь существует вблизи Бухары, но называется Рамитан) имеет большую крепость; это укрепленное [25] селение. Оно древнее Бухары и в некоторых книгах даже упоминается под именем Бухары. В Рамтине издревле была резиденция царей, а когда основан был город Бухара, цари стали проводить в этом селении только зиму. В мусульманскую эпоху продолжалось то же самое. Абу-Муслим, — да будет милость Божия на нем, — дошел до этого места и жил в Рамтине, а основано было это селение Афрасиабом, который при посещении Бухары всегда останавливался только в Рамтине.

В персидских книгах говорится, что Афрасиаб жил 2000 лет и был чародей. Он принадлежал к потомству царя Нуха. Афрасиаб убил своего зятя Сияуша, а у Сияуша был сын Кай-Хысрау. Для того, чтобы отомстить за убийство своего отца, Кай-Хысрау пришел в эту область с большим войском. Афрасиаб поспешил укрепить селение Рамтин в течение двух лет выдерживал осаду селения войсками Кай-Хысрау. Против Рамтина Кай-Хысрау выстроил также селение и назвал его Рамуш (Произношение этого названия у Якута (II, 737). Персидское слово *** значит “радость, веселие”). Такое название дали этой деревне за красоту ее местоположения. Селение это и теперь еще населено. В селении Рамуш, Кай-Хысрау построил храм огнепоклонников; маги говорят, что этот храм древнее бухарских храмов. Кай-Хысрау, после двухлетней осады, овладел городом Афрасиаба и убил его самого (История борьбы Кай-Хысрау с Афрасиабом рассказана в Шахнаме совсем иначе.). Могила Афрасиаба находится в Бухаре у ворот Маабид (поклонения), на большом кургане, прилегающем к кургану Ходжи-Имама Абу-Хавса великого, — да будет к нему милостив Бог. Жители Бухары на смерть Сияуша, отца Кай-Хысрау, сложили удивительные песни; музыканты называют эти песни Кин-и-Сияуш (т. е. “борьба Сияуша”). Мухаммад, сын Джафара, говорит, что с того времени прошло 3000 лет. Бог знает лучше!.. [26]

Варахша ((Выше Фарахша), Очень вероятно, что название селения сохранилось в названии колодца Варахчин, в песках Кимирек-Кум.) — одно из больших селений. Оно прежде по величине не уступало городу Бухаре и по времени основания древнее Бухары.

В некоторых книгах, вместо Варахши это селение называется Раджфандун. Там была резиденция царей; там находится также сильная крепость, потому что цари несколько раз укрепляли это место. Прежние стены селения по размерам равнялись стенам Бухары. В Раджфаидуне, или Варахше, есть 12 арыков (оросительных каналов); селение находится внутри бухарской стены (Имеется в виду большая стена, окружавшая Бухару вместе с окрестными селениями. Об этой стене см. ниже). Там же находился красивый дворец, красота которого вошла в поговорку; он был выстроен Бухар-Худатом более тысячи лет тому назад. Давно уже дворец этот пришел в упадок и разрушение, когда Хунук-Худат возобновил его. После возобновления, дворец снова успел разрушиться, но Бухар-Худат Буниат, сын Тахшады, в эпоху ислама, отстроил дворец заново и жил там, пока не был убит в этом дворце. Амир Исмаил Самани, — да будет милостив к нему Бог, — призвал к себе жителей этого селения и сказал им, что он согласен дать 20 тысяч диргемов и необходимый для постройки лес и материал (к тому же часть здания еще была цела) с тем, чтобы они переделали этот дворец в соборную мечеть; но жители не согласились на это предложение, сославшись на то что селение их не нуждается в соборной мечети и не настолько значительно, чтобы здесь строить соборную мечеть. Дворец Буниата существовал до времени амира Ахмада (Этот царевич не царствовал; после смерти Нуха правили один за другим его сыновья Абдул-Малик (954—901) и Мансур (961—970 г.г.)), сына Нуха, внука Насра, правнука Ахмада, праправнука Исмаила Самани. Этот амир Ахмад воспользовался лесом из этого дворца, перевез деревянные части в город и употребил их для того, чтобы отстроить свой дворец у ворот бухарской крепости. [27]

В этом селении через каждые 15 дней бывает базар, а в конце года бывает ярмарка, продолжающаяся 20 дней. На 21-й день празднуют новый год, и этот день называется новым годом земледельцев, потому что земледельцы Бухары с этого дня начинают счет (для определения времени производства известных сельскохозяйственных работ) и полагаются на это определение времени. Новый год для магов наступает только через пять дней.

Байкенд тоже считался городом, и жители Байкенда не любили, чтобы его называли селением. Если жителя Байкенда, пришедшего даже в Багдад, спрашивали, откуда он, то всегда получали в ответ: “из Байкенда”; никто не говорил, что он из Бухары. В Байкенде есть большая соборная мечеть и много высоких построек. До 240 года (854—5), у ворот Байкенда было много постоянных дворов (рабатов), и Мухаммад, сын Джафара, в одной книге упоминает, что в Байкенде было больше тысячи подворий по числу селений Бухары. Причина этого следующая: Байкенд был большим, хорошим местом; жители каждого селения построили там по одному постоянному двору, поставили там нескольких людей, которым и посылали содержание из селения. Зимой, когда собиралось много язычников (т. е. тюркских кочевников из степи), из всех селений Бухары сходилось в Байкенд много людей для того, чтобы воевать с неверными, и вот тогда-то жители каждого селения останавливались в своем подворье.

Жители Байкенда все были купцы; они вели торговлю с Китаем и морскую, поэтому были очень богаты. Кутайба, сын Муслима, должен был приложить много усилий, чтобы овладеть этим селением, так как город был сильно укреплен. Место это называли “медным городом”. Байкенд древнее Бухары. Все цари, приходившие в эту область, выбирали Байкенд для своей резиденции. От Байкенда до Фараба простирается песчаная пустыня в 12 фарсахов длины. [28]

Арслан-хан Мухаммад, сын Сулеймана (См. выше стр. 22), во время своего царствования, распорядился вновь отстроить Байкенд.

Люди стали собираться туда и строить хорошие здания. Арслан-хан приказал построить для себя очень роскошный дворец. Там протекает канал Харамкам. Рядом с Байкендом находятся заросли камыша и большие водоемы, которые носят название “Баргини-Фарах (Буквально: “обширный водоем” (по-персидски)), или “Кара-куль (Т.е. “черное озеро” (по-тюркски)). Я слышал от заслуживающих доверия людей, что оно простирается на 20 фарсахов. В книге “Масалик-ва-Мамалик” (Т.е. “Пути и государства”, обыкновенное название географических сочинений) говорится, что это место называлось озером Самчан, что и вода, остающаяся в избытке от орошения Бухары, стекает туда же. В озере водятся водяные животные; во всем Хорасане нигде нельзя найти такого количества птиц и рыб, как здесь.

Арслан-хан приказал вырыть отдельный канал для Байкенда, имея при этом в виду, чтобы вода из этого канала доходила до самых зданий города, так как вода канала Харам-кама иногда доходила до города, иногда не доходила. Байкенд стоит на горе, но гора эта не высока. Хакан приказал провести воду на гору и, когда принялись рыть арык, почва оказалась очень крепкой каменистой породы, без всяких трещин. Рабочие встретили затруднение при исполнении этой работы и, чтобы размягчить камень, истратили очень много сала и уксусу, но все-таки не могли вырыть больше одного фарсаха. Очень много погибло здесь людей, много потрачено было усилий и средств, но все-таки пришлось оставить это дело за невозможностью выполнить работу. О том, как Байкенд был взят мусульманами, будет рассказано ниже, если Бог позволит.

Фараб принадлежит к числу отдельных городов с особым округом. Город отстоит на один фарсах от берега реки Джайхуна, а во время разлива вода иногда [29] подходит на расстояние 1/2 фарсаха от города, а то и к самому городу. В Фарабе находится большая соборная мечеть; стены и крыша выстроены исключительно из жженого кирпича, так что во всей постройке нет совсем дерева. В этом городе был амир, которому ни для какого дела не нужно было отправляться в Бухару (Т. е. который обладал самыми широкими полномочиями); там же был казий, постановлявший приговоры с несправедливостью Шаддада (Мифический древне-арабский царь, жестокость которого вошла в поговорку). Число селений около Бухары весьма значительно, но мы упомянули только о наиболее замечательных и древних.

Рассказ о ткацком заведении, которое было в Бухаре и еще существует.

В Бухаре, между крепостью и городом, возле соборной мечети, была большая мастерская, где ткали ковры, занавесы, ткань Иезди (Получила название от персидского города Иезда, где, преимущественно, выделывалась), подушки, подстилки для молитвы (джай-намаз) и ткани для покрывания пола во дворце халифа. Все эти ткани выделялись такого высокого достоинства, что за одну занавесь можно было отдать всю поземельную подать Бухары. Из Багдада ежегодно приезжал отдельный сборщик податей, и все подати Бухары получал сотканными там одеждами. Настало однако время, когда эта мастерская закрылась, производство прекратилось, и люди, которые выделяли эти материи, разошлись в разные стороны. В Бухаре было много хороших мастеров, особо назначенных для этого дела. В Бухару приезжали торговцы и, как выше сказано было про Занданичи, отсюда вывозили материи в Шам (Т. е. в Сирию), Египет и города Рума. Ни в одном [30] городе Хорасана не умели ткать таких хороших материй. Удивительно то, что ткачи из Бухары отправились в Хорасан, взяли с собой все нужные для ткань этих материй приспособления. устроили там ткацкие мастерские и ткали материи, но по виду и качеству они далеко уступали вытканым в Бухаре. Не было царя, амира, раиса, чиновника, который не носил бы одежды из этой материи. Материи выделялись красного, белого и

зеленого цветов. В наше время во всех областях ткань Занданичи пользуется большей известностью, чем эти материи.

Рассказ о базаре Мох

(В словаре “Шамсу-ль-лугат”, слову “мох” придано значение “обманщик и низкопробная монета”; базар очевидно назван по имени царя).

В Бухаре был базар, который назывался базаром Мох. Два раза в год по одному дню бывал там торг. Каждый раз на этом базаре продавали *идолов*; в течение одного дня успевали торговать больше чем на 50 тысяч диргемов. Мухаммад, сын Джафара, в своей книге рассказывает, что еще в его время существовал этот базар, и он очень удивлялся, для чего введен такой обычай. Когда он спрашивал у стариков и шейхов Бухары, что за причина такого обычая, они отвечали ему, что жители Бухары в древности были идолопоклонниками, и тогда вошла в обыкновение торговля идолами на этом базаре; обычай этот сохранился. Абул-Хасан-Нишабури, в книге “Хазаину-ль-улум”, упоминает, что в Бухаре в древности был царь, по имени Мох (По другому известию, Мох был огнепоклонником, он принял ислам и превратил свой дом в мечеть (Jacut IV, 380). Мечеть Моха, как показывают слова арабских географов, находилась в юго-восточной части города), и он приказал устроить этот торг. Этот царь повелел, чтобы все плотники и ваятели целый год, от базара до базара, [31] выделяли идолов и в назначенный для торга день доставляли на базар и продавали, чтобы люди могли покупать идолов. Каждый, кто потерял, или сломал своего идола, или у кого он пришел в ветхость, все приходили в день торга и покупали себе новых идолов, а старых выбрасывали.

Там, где теперь находится мечеть Моха, была равнина на берегу реки, где было очень много деревьев, так что торговля происходила в тени деревьев. Царь выходил на базар и садился на трон на том месте, где теперь находится мечеть Моха, чтобы поощрять людей к покупке идолов. Каждый покупал себе идола и уносил его в свой дом. Впоследствии на этом месте было капище огнепоклонников; в дни, назначенные для торга, люди собирались сюда, все входили в капище и поклонялись огню. Это капище существовало до водворения здесь ислама, когда мусульмане, усилившись, построили на этом месте свою мечеть, и теперь это одна из замечательных мечетей Бухары.

Объяснение названий Бухары.

Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что Бухара известна под многими названиями; в своей книге он называет этот город *Нумуджкат*, в других же местах я встречал название *Бумискат*. В некоторых книгах Бухара по-арабски называется “Мадинату-с-суфрийя” т.е. “медный город”; в других, тоже на арабском языке, этому городу присвоено название города купцов; но название “Бухара” известно более всех других. В Хорасане нет другого города со столькими названиями. В предании от пророка Бухара называется *Фахира*. Ходжа, имам, отшельник, проповедник Мухаммад, сын Алия, Нухабади, приводит предание от Салмана Фарси (Перс, спутник Мухаммада), — да будет [32] им доволен Бог, — который сказал следующее: “пророк, — да благословит и да приветствует его Бог, — сказал: я слышал от Гавриила, — благословение Божие ему, — что на востоке есть место, называемое Хорасан, и в этой области есть три города, которые предстанут в день страшного суда, украшенные яхонтом и кораллами. Города эти будут сиять светом, по сторонам их будет много ангелов, и эти последние, славословия Бога, представят означенные города на суд украшенными, с почетом, как невесту, которую ведут в дом жениха. В каждом из этих трех городов будет по 70 тысяч знамен, под каждым знаменем будут 70 тысяч шахидов; по заступничеству каждого шахида, 70 тысяч

исповедывающих единого Бога, говорящих по-персидски, получают спасение. — Ко времени страшного суда, в каждую сторону от этих городов, вправо, влево, вперед и назад, на расстоянии 10 дней пути все будут шахиды.

Пророк, — да благословит и да приветствует его Бог — сказал: “Гавриил! скажи имена этих городов”. Гавриил, — мир ему, — отвечал: один из этих городов называется по-арабски *Касымия*, а по-персидски *Бишкард*, другой по-арабски *Самаран*, а по-персидски *Самарканд*, а третий по-арабски называется *Фахира*, а по-персидски *Бухара*.

Пророк, — да благословит и да приветствует его Бог, — спросил: “Гавриил! — отчего город этот называется *Фахира*?” Гавриил ответил: “потому что в день страшного суда город этот будет чувствовать гордость (фахр) перед всеми другими городами, по множеству (погребенных в Бухаре) шахидов”. Пророк, — да благословит и да приветствует его Бог, — сказал: “Боже! пошли изобилие городу Фахира, сердца его обитателей очисти благочестием, содей чистыми их поступки, а самих их милосердными к моим последователям”. Поэтому-то везде, от востока до запада, Бухарцев всегда ставят в пример за их милосердие, веру и чистоту нравов. [33]

Рассказ о постройке в Бухаре крепости и ее достопримечательностях.

Ахмад, сын Мухаммада, сына Насра, говорит, что Абдул-Хасан-Нишабури в книге “Хазайну-ль-улум” так рассказывает о причине постройки крепости в Бухаре: “Сияуш, сын Кайкауса бежал от своего отца, переправился через реку Джайхун и явился к Афрасиабу. Афрасиаб очень хорошо принял Сияуша, выдал за него свою дочь и даже, говорят, отдал ему все свои владения. Сияуш, получивший таким образом во временное владение область Бухары, пожелал, чтобы здесь осталось какое-нибудь воспоминание о его владычестве; поэтому он выстроил эту крепость и там преимущественно жил. Завистникам удалось поссорить Сияуша с Афрасиабом, и Афрасиаб убил Сияуша. В той же крепости, около входа через восточные ворота, внутри ворот продавцов соломы (их называют также воротами Гуриян), он был похоронен. Бухарские маги по этой причине относятся с большим уважением к этому месту; ежегодно, в день нового года, еще до восхода солнца, каждый мужчина, по обычаю, закаляет здесь, в память Сияуша, одного петуха. У жителей Бухары есть песни об убиении Сияуша, известные во всех областях; музыканты сочинили к ним мотив и поют их; декламаторы называют эти песни “плачем магов”.

Со времени этого события прошло более 3000 лет. Итак, по этому сказанию, крепость в Бухаре основана Сияушем. Некоторые историки утверждают, что крепость была построена Афрасиабом. Крепость пришла в разрушение и долго оставалась в развалинах, до тех пор, пока не вступил на престол Бидун Бухарь-Худат, муж той женщины, о которой выше было рассказано, и отец Тахшады. Он прислал человека, который возобновил крепостную стену и построил бывший там дворец. Строитель начертал свое имя на железной плите, которую прибил к воротам дворца. Доска эта сохранилась [34] на воротах дворца до времени жизни переводчика этой книги (522 г.), но Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что потом крепость разрушили, и ворота также уничтожили.

Ахмад, сын Мухаммада, сына Насра, сообщает со слов Джафара и Абул-Хасана Нишабури, что когда Бидун Бухар-Худат построил этот дворец, он тотчас же разрушился; сколько раз ни возобновляли постройку, она тотчас разрушалась. Тогда собрали ученых и спросили их совета, какими средствами можно добиться, чтобы возведенная постройка не разрушалась?

Ученые с общего согласия дали совет возвести постройку по плану на подобие созвездия Большой Медведицы, на 7-ми каменных столбах. И действительно, когда окончили постройку дворца по указанному учеными плану, постройка не разрушилась. Удивительно еще и то, что со времени постройки этого дворца ни один царь, живший в нем, не был побежден, но всегда одерживал верх. Кроме того, со времени постройки дворца, ни один царь ни из язычников, ни из мусульман не умер в нем: как только приближалось предопределенное время смерти царя, тотчас же, помимо его воли, какая-нибудь причина заставляла его на время выехать из дворца в другое место, где его и заставлял смертный час. Со времени постройки и до разрушения крепости из этого правила не было ни одного исключения. В крепости было двое ворот: восточные и западные; восточные назывались воротами “Туриян”, а западные — воротами “Ригистан”, а ко времени перевода этой книги их стали называть “воротами продавцов сена”. Посреди крепости от одних ворот до других пролегал дорога. Крепость служила местопребыванием царей, амиров и начальников; тут же помещалась тюрьма и царские канцелярии. Во дворце издревле жил царь; тут же был сераль и казначейство. Во время жизни переводчика этой книги крепость лежала в развалинах; но несколько лет тому назад Арслан-хан приказал ее вновь исправить, избрал ее своим местопребыванием и одного [35] знатного амира назначил комендантом крепости, чтобы он, согласно данной ему инструкции, заведывал укреплением и охранял его. Все сознавали важность этой крепости.

Когда в 534 году (1139 — 40г.) в Бухару пришел Харазм-шах (Харазм-шах-Атсыз (1128—1156 гг.), восставший против султана Санджара). халифом (т. е. наместником) был амир Занги-Али, который управлял Бухарой, в качестве наместника султана Санджара (Знаменитый сельджукский султан (1119—1157 г.г.)). Харазм-шах взял в плен и умертвил Занги-Али и разрушил крепость, и она более двух лет находилась в развалинах. В 536 (1141 — 42) году Алп-Тегин сделался наместником Гурхана (Титул государя кара-китаев, которые в 1141 г. завоевали Мавараннагр) в Бухаре и в том же году приказал исправить крепость и сам избрал ее своим местопребыванием. Крепость после исправления стала еще лучше, чем прежде. В месяце Рамазане 538 (1144) года пришли в Бухару наемники из гузов (Тюркское племя, из которого произошла сельджукская династия. Наемники из гузов находились на службе у Санджара); Айн-уд-даула, Карача.-бек и визирь Шахаб были осаждены в крепости. После упорного и продолжительного сражения гузские наемники овладели крепостью, убили визиря Шихаба и разрушили крепость, которая долго оставалась в развалинах. В 560 (1164 — 65) году признано было необходимым оградить Бухару стеной, причем фундамент следовало возвести из жженого кирпича. Фундамент и башни крепости были построены из жженого кирпича; их сняли и употребили на постройку городских стен Бухары. Так крепость была сразу разрушена, а от упомянутого дворца не осталось никаких следов.

В 604 (1207 — 8) году Харазм-шах Мухаммад (1200—1220 г.г.), сын султана Такаша, овладел Бухарой и снова восстановил крепость. Китаи были побеждены. В 616 (1219 — 20) году (Завоевание Бухары монголами произошло в феврале 1220 года) пришло [36] войско татар под начальством Чингиз-хана; у ворот крепости произошло сражение, продолжавшееся 12 дней. Крепость была взята Чингиз-ханом и разрушена.

Описание царских дворцов, находившихся в Бухаре.

Все место, простирающееся от западных ворот крепости до ворот Маабид

(т. е. “место поклонения”. Здесь праздновался Курбан-байрам) в Бухаре называется Ригистаном. Здесь издревле, “со времен неведения” (т. е. до Мухаммада) помещались царские дворцы.

В царствование династии Саманидов, амир Саид Наср (914—943 г.г.), сын Ахмада, внук Исмаила Самани, приказал построить дворец в Ригистане, и был построен очень хороший дворец, потребовавший громадных расходов. У ворот своего дворца амир приказал построить здания для должностных лиц. У каждого из последних был особый диван (канцелярия) в собственном здании, у ворот царского дворца. Таковы: диван визиря, диван мустауфи (Начальник финансового управления), диван столпа царства (Уполномоченного сановника, стоявшего во главе внутреннего управления), диван военного начальника, диван начальника почты (Чтение *** не дает смысла. Правильное чтение *** в рук. Аз. Муз. ab. 574 ag, f. 39), диван мушрифов (Лица, наблюдавшие за сохранением порядка во дворце и докладывавшие обо всем государю), диван государственных имуществ, диван мухтасиба, диван вакуфов и диван судей. В таком порядке амир приказал выстроить (здания) диванов, и это было исполнено.

В царствование Абдул-Малика (954—961 г.г.), сына Нуха, внука Насра, правнука Ахмада, праправнука Исмаила, его визирь Ахмад, сын Аль-Хасана Аль-Утби (Автор смешивает визиря Абу-Джафара-Утби с историком Абу-Насром-Утби, автором “Тарихи-Ямин”. Последний жил значительно позднее и написал свою книгу для султана Махмуда (997—1030 г.г.)), — да будет к нему милостив [37] Бог, — автор книги “Ямини”, могила которого находится в квартале Дарваза-и-Мансур, около ханской бани, насупротив мадрасы (Высшее учебное заведение) построил очень хорошую мечеть, которая составила украшение этой местности. Благословенный амир упал с лошади и умер; в ночь его смерти рабы вошли в его дворец и стали его грабить. Произошли споры среди приближенных и служанок амира; дворец был зажжен и сгорел до тла. Все золотые и серебряные вещи, находившиеся во дворце исчезли во время пожара, и от самой постройки не осталось никаких следов. В месяце Шаввале 350 [961] года на престол воссел амир Саид-Мансур, сын Нуха, в местности Джуи-Муллиан, он приказал вновь выстроить эти здания. Все, что было уничтожено пожаром, было возобновлено еще лучше прежнего, и амир Саид поселился в этом дворце.

Не прошло еще и года, как в одну праздничную ночь, по древнему обычаю, развели большой огонь; искра огня попала на крышу дворца, который вторично сгорел до тла. Амир Саид принужден был ночью удалиться в Джуи-Муллиан и приказал своему визирю в ту же ночь вынести из дворца казну и сокровища и с верными людьми отослать все это в Джуи-Муллиан. Настал день, и тогда убедились, что во время пожара из вещей ничего не пропало, кроме одной золотой чаши. Визирь сделал на свой счет чашу и прислал в казну. Эта чаша весила 700 золотников. После этого, Ригистан остался в развалинах.

Другой царский дворец был в Джуи-Муллиан. В Бухаре нет места и жилища лучше, чем прекрасное, похожее на рай, Джуи-Муллиан, потому что вся эта местность занята дворцами, парками, цветниками, фруктовыми садами и водами, постоянно текущими по ее рощам. Каналы пересекаются между собой и проведены по тысяче направлений в сторону рощ и цветников. Каждый человек, которому приходилось видеть такое [38] обилие проточной воды, дивился, откуда она приходит и куда уходит (В настоящее время Джуи-Муллиан представляет небольшое селение в 2-х верстах от Бухары. Все жители составляют один приход и имеют одну мечеть. Из этого можно заключить, что теперь население Джуи-Муллиан вряд ли больше 200 чел. обоего пола.).

Такое расположение придумали самые искусные мастера своего времени и архитекторы, а один выдающийся поэт сказал:

“Вода жизни вошла в сад и с сожалением его окинула, “С восклицанием грусти, что приходится из него уйти”.

Наконец, от ворот Ригистана до Даштака (См. ниже) были хорошо распределенные, разукрашенные, высокие каменные постройки, украшенные картинами гостиницы, искусно разбитые парки, хорошие бассейны и вязы (Слово *** - очевидно название дерева; в персидских словарях такого слова нет; вероятно мы имеем здесь тюркское слово *** — ваз, клен), листья которых образовали как бы шатер. Деревья давали так много тени, что ни один луч солнца со стороны востока, и запада не проникал сквозь листву на места, устроенные для отдохновения около бассейна. Сады были полны прекрасных плодов: груш, миндаля, орехов, черешни, винограда; одним словом, все плоды, какие есть в благоухающем раю, были и здесь и украшали сады своим прекрасным видом.

Описание Джуи-Муллиана и его достопримечательностей.

Место, известное под названием Джуи-Муллиан, в древности принадлежало к числу владений царя Тахшады. Землю эту он разделил и отдал своим детям и зятьям. Амир Исмаил Самани, — да будет к нему милостив Бог, — купил эту землю у Хасана, сына Мухаммада, внука Талута, сарханга (Военный чин) [39] халифа Мустаина (862—866 г.г.), сына Мутасима. Амир Исмаил выстроил в Джуи-Муллиане дворцы и разбил сады и большую часть их назначил в вакф, в пользу клиентов. Этот вакф существует и до нашего времени. Амир Исмаил постоянно заботился о своих клиентах.

Однажды Амир Исмаил Самани из крепости Бухары смотрел на Джуи-Муллиан. Рядом с ним стоял учитель его отца, Симаул-Кябир (Буквально — “лицо великого”; очевидно - прозвание этого человека. Ниже (стр. 83 в изд. Шефера) Сима назван гулямом отца Исмаила), которого амир очень любил и уважал. Амир Исмаил, обратившись к нему, сказал: “если только Бог мне поможет, я постараюсь приобрести эту землю для вас и прошу Бога, чтобы Он дал мне дожить до того времени, когда я увижу эту землю принадлежащей вам, потому что эта земля из всех земель Бухары самая ценная, лучшая и прекрасная в климатическом отношении”. Бог дал такой хороший день: амиру удалось купить эту землю, и он отдал ее учащим. Поэтому местность эта получила название *Джуи-Мавалиян* (Т. е. “проток клиентов”); простой народ говорит “Джуи-Муллиан”.

Непосредственно к бухарской крепости прилегает равнина, называемая Даштак (Уменьшительное от слова “дашт” — степь). Вся эта местность покрыта камышом. Амир Исмаил, — да будет к нему милостив Бог, — и эту местность купил у Хасана, сына Талута, за 10 тысяч диргемов. В первый же год владения этой землей, амир на 10 тысяч диргемов продал камышу. Амир Исмаил определил эту землю в вакф соборной мечети. После его кончины, все его потомки, бывшие царями, в Джуи-Муллиане устраивали сады и строили дворцы для себя: их побуждали к атому прекрасные климатические условия и красота этой местности.

У Нурских (В изд. Шеф. ** или *** (стр. 54); чтение ** взято нами из арабских географов. Ср. *Bibl. Geogr. Arab.* III. 280) ворот есть земля, называемая Карак-и-Алавиан. Земля эта находится рядом с городскими воротами, [40] и амир Мансур, сын Нуха (961—976 г.г.), построил здесь великолепный дворец, красота которого вошла в поговорку. Это было в 356 (957) году. Это место Карак-и-алавиан оставалось именем царя до царствования Насыр-хана (Т. е. Шамсу-ль-мулька, см. выше стр. 21), сына Тамгадж-хана, который отдал эту землю ученым, потому что земля эта находилась вблизи города и изучающим шариат здесь было легче заниматься земледелием. Себе Насыр-хан, взамен этой, взял землю подальше от города.

Джуи-Муллиан и Карак-и-Алавиан застраивались до конца владычества династии Саманидов, до тех пор, пока царская власть не перешла в руки другой династии. С

падением династии Саманидов разрушились и дворцы; в Бухаре уже не было определенного местопребывания царя, а была только крепость.

Так было до царствования Малика Шамсу-ль-мулька, который основал Шамс-абад.

Рассказ об основании Шамсабада.

Малик-Шамсу-ль-Мульк купил много участков земли у ворот Ибрагима (Ныне ворота Шейх-Джалал) и разбил там великолепные сады. Он израсходовал на постройки там очень много материала и денег, и назвал это место *Шамсабад*.

Близ Шамсабада Малик-Шамсу-ль-Мульк отвел пастбище для царских лошадей и назвал это место *Гурук* (Собств. *курук* — запрещенное, заповедное место (тюркское слово). В монгольскую эпоху так назывались все места, куда, по приказанию хана, был закрыт доступ для народа: кладбища с могилами ханов, пастбища царских табунов и т. п.). Он огородил это место крепкими стенами на протяжении одной мили (Под названием *** известно расстояние полета стрелы, а по другим словарям расстояние, определяемое пределом зрения человеческого глаза. Мили 1/2 фарсаха.). В этом пространстве он построил дворец, устроил голубятню и, кроме того, собрал в Гуруке различных диких [41] животных, как то: антилоп, коз, лисиц и кабанов. Все эти животные привыкли к жизни в зверинце, а забор был настолько высок, что они не могли оттуда убежать. По смерти Малика Шамсу-ль-Мулька, на престол вступил его брат Хызр-хан. Он приказал возвести в Шамсабаде очень много великолепных построек. После его смерти вступил на престол его сын Ахмад-хан, но он не заботился о поддержании в исправности построек, и при нем Шамсабад пришел в упадок. Малик-шах (Сельджукский султан (1072 — 1092 г.г.). Его нашествие на Мавараннагр произошло в 1089 году), прибывший из Хорасана в Бухару, произвел много опустошений. Прибыв в Самарканд, он взял в плен Ахмад-хана и увел его в Хорасан. Впоследствии, впрочем, он снова прислал Ахмад-хана в Мавараннагр. Видя, что Шамсабад совершенно разрушен, Ахмад-хан распорядился, чтобы для него построили новый дворец в местности Джуйбар. В сад дворца провели текущую воду и вообще сделали все для его украшения. В продолжение 30 лет во дворце этом жили правители Бухары. Наконец, вступил на престол Арслан-хан, и каждый раз, как он приходил в Бухару, он располагался во дворце в Джуй-баре. Впоследствии, Арслан-хан решил разобрать этот дворец и перенести его во внутрь крепости. Место, где был раньше дворец, пришло в запустение. Через несколько лет, Арслан-хан приказал построить дворец в местности Дарвазача, на улице Бу-Ляйса, и там же приказал выстроить царскую баню. Другую баню выстроили у ворот дворца; эта баня была великолепна; раньше никогда не бывало ничего подобного. Во дворце жили бухарские правители много лет; но потом хан приказал обратить дворец в Мадрасу для факыхов (ученых). Баня, которая была у ворот дворца, и несколько селений также были обращены в вакф этой мадрасы, а для себя Арслан-хан приказал выстроить новый дворец у ворот “Сагдабад”, и это было исполнено. [42]

Рассказ о Кяшкашах.

Мухаммад, сын Джафара, Ан-Наршахи в своей книге сообщает, что когда Кутайба, сын Муслима, пришел в Бухару и занял город, то приказал городским обывателям, чтобы они отдали арабам половину всех своих домов и земель. В городе была часть населения, которую в Бухаре называли Кяшкашан. Это были люди уважаемые и влиятельные; среди жителей Бухары они пользовались большим почетом. Они не были диканцами, но были иноземного происхождения, занимались торговлей и обладали значительными средствами. Когда Кутайба выразил желание, чтобы они разделили с арабами свои дома и

имущество, они передали арабам все свои дома и имущество полностью, а для себя за чертой города выстроили 700 замков. В это время город занимал только пространство теперешнего шахристана. Каждый из них вокруг своего замка выстроил дома для своих слуг и приверженцев; у ворот своего замка каждый устроил сад и поле (т. е. пастбище). В эти замки они переселились. В наше время замки эти разрушены, и большая часть (места) вошла в состав города; осталось всего 2—3 замка, которые называются “кушк-и-муган (Т. е. “замок магов”). Там жили маги, и в этой области было очень много храмов огнепоклонников. У ворот замков магов были расположены красивые и веселые сады, и земли магов ценились особенно высоко.

Мухаммад, сын Джафара, говорит, что в царствование амира Хамида он слышал объяснение дороговизны земли Кушк-и-муган. Эти земли ценились очень дорого, потому что цари устроили свою резиденцию в Бухаре, а рабы (О слове *** см. выше стр. 15) их и ближние люди всеми силами добивались приобретения этих земель. Цена этой земли наконец дошла до того, что участок, который возможно обработать одной парой быков, стоил 4000 диргемов. [43] Сведения о стоимости земли дошли до амира и он высказал, что, как ему известно, до переселения царей в Бухару, цена этих участков была еще выше. Бывали случаи, что человек, желавший приобрести участок земли такой величины, что его возможно было обработать одной парой быков, в течение целого года не мог подыскать подходящего продажного участка; а если и находил, то покупал такой участок за 12 тысяч диргемов из чистого серебра; поэтому теперь, добавил амир, земля стала сравнительно дешевле, если каждый участок, который возможно обработать одной парой быков, стоит всего 4 тысячи серебряных диргемов. Из этого следует, что у народа стало меньше денег.

Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что в его время земля в местности Кушк-и-муган была настолько дешева, что ее отдавали даром и никто не хотел брать.

Кто и купил землю, она у него осталась пустою, вследствие насилий и жестокостей, какие приходилось переносить подданным.

Описание оросительных каналов Бухары и ее окрестностей.

Первый канал Кярмина. Это очень большой проток (Т. е. главное русло Заряфшана. Персидское слово *** одинаково означает и реку и канал). Второй канал Шапуркам, который простой народ в Бухаре называет Шафуркам. Рассказывают, что один из сыновей Хосроя (Хосрой I (531-578 г.г.), или Хосрой II (590—628 г.г.)), из династии Сассанидов, бежал от своего отца и пришел в эту область. Имя этого человека было Шапур, а “пур” на персидском языке означает — сын. Когда Шапур пришел в Бухару, Бухар-Худат принял его очень радушно. Шапур очень любил охоту. Однажды он поехал на охоту и попал в это место. Там в это время не было никакого [44] селения, не было даже обработанного поля. Это было болото, изобиловавшее птицами и служившее местом охоты. Шапуру оно очень понравилось. Он попросил Бухар-Худата отдать ему это место в качестве лена, чтобы он сделал его обработанным. Бухар-Худат отдал Шапуру эту местность. Шапур приказал вырыть большой оросительный канал и назвал его своим именем — Шапуркам. На этом канале он устроил селения и построил замок. Местность называется волостями Абавиа. Шапур основал еще селение Вардана, построил замок и устроил там свою резиденцию. Там возникло большое владение и по смерти его те волости перешли по наследству к его детям и находились в руках его потомства до прихода Кутайбы, сына Муслима, в Бухару. В то время из числа потомков Шапура был Вардан-Худат, который был великим царем. Он жил в селении Вардана и много воевал с Бухар-Худатом Тахшадой. Кутайба также много воевал с Вардан-Худатом. Наконец, Вардан-Худат умер, а Кутайба отдал Бухару Тахшаде. Об этом будет упомянуто в рассказе о завоевании Байкенда и Бухары. Третий

канал Харка-натул-улья (Т. е. “верхняя Харкана”. В тексте другой рукописи канал этот назван “Харканатул-уббат”). 4-й канал — Харкан-руд, 5-й—Аухитфар, это очень большой канал. 6-й — Самчан. 7-й — Байкан-руд. 8-й — Фараваз-улья (Верхний Фараваз). На этом канале расположено много волостей. 9-й называется Фараваз-ас-суфля (Нижний Фараваз), или Ками-Даймун (Т. е. “проток Даймуна”. Даймун — деревня по дороге из Бухары в Байкенд). 10-й называется Арван; 11-й Кайфур, 12-й называется Руд-и-зар (Заряфшан). Этот канал орошает город. По берегам всех каналов, которые я перечислил, находится много волостей; в каналах много воды. По преданию, все каналы были вырыты руками человеческими, кроме канала Аухитфар, который своим существованием обязан самой воде, проложившей себе ложе без всякого труда со стороны местного населения. [45]

Размер хараджа в Бухаре и ее окрестностях.

Во время царствования династии Саманидов и под управлением саманидских властей, харадж равнялся 1,168,566 диргемам и 5 1/2 данакам (Данак равняется 1/6 части диргема, около 3¹/₃ коп.), вместе с хараджем Кярмины. После этого везде харадж уменьшился, потому что некоторые земли были размыты водой. Правители сложили с них харадж, т. е. исключили харадж с земель размытых водой. Некоторые земли перешли во владение к потомкам Алия и к ученым, знающим шариат (факых). Правители и с этих земель сложили харадж. Некоторые земли перешли во владение царской семьи, и харадж с них был вычеркнут из книги податей, например Байкенд и многие другие волости. Харадж с Кярмины был отделен от хараджа Бухары.

Описание стены, которую народ называет Кампирак

(Т. е. “старушка”, точно так же, как древний вал в окрестностях Ташкента носит название Кампир-дувал. Ср. Е. Т. Смирнов, “Древности в окрестностях Ташкента” стр. 22. По другой рукописи, стена называется Кандизак).

Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что Мухаммад, сын Джафара Наршахи, не рассказал об этом в таком порядке, а только привел среди рассказа некоторые сведения; но Абул Хасани-Нишабури в своей книге “Хазайну-ль-улум” рассказывает обстоятельно, что когда халифом и амиром правоверных сделался Махди (См. выше, стр. 17), отец Гарун-ар-Рашида, самый благочестивый представитель династии Аббасидов, он в 166-м (782—3) году поручил управление всем Хорасаном Абул-Абассу Аль-Фазлю, сыну Салмана (У арабских историков Абул-Аббас Фазд, сын Сулеймана, был наместником с 782 по 787 г.г. Первое в изд. Шефера лишнее) Туси, который пришел в Мерв и устроил там свою резиденцию. [46]

Многие знатные люди, военачальники и вельможи отправились к нему; начальники области Согда тоже все отправились в Мерв, чтобы приветствовать новго амира Хорасана. Амир расспрашивал их о состоянии их области, а жители Бухары сказали: “Мы терпим бедствие от тюркских кяфиров, которые постоянно неожиданно приходят и разрушают наши селения. В последнее время они снова пришли, разрушили селение Самдун и мусульман увели в плен”. Абул-Абасс-и-Туси спросил их: “не знаете ли вы какого-нибудь средства, чтобы я мог сделать соответствующее распоряжение”. Язид, сын Гураха, правитель Согда, присутствовал там и, выслушав слова Абул-Абасса, сказал: “Да продлит Бог жизнь амира Хорасана! Издревле, со времен неведения, тюрки разоряли область Согда. В Согде была женщина-царица, которая окружила Согд стеной, после чего область Согд сделалась безопасной от тюрков”. Абул-Абасс-и-Туси приказал Мухтади, сыну Хамада, внуку Амра Азигли, который был амиром Бухары в зависимости от него, возвести вокруг Бухары такую стену, чтобы все бухарские волости находились внутри

этих стен, подобно Самарканду, чтобы тюрки не могли проникать в Бухарскую область. Этот Мухтади, сын Хаммада, приказал строить стену, устраивать ворота и через каждые 1/2 мили строить крепкую башню. Казием в Бухаре в это время был Сагд, сын Халафа Бухари (В другой рукописи Сагд, сын Халафа имеет прозвище “Балхи” — уроженец Балха), — да будет к нему милостив Бог. Он заведывал постройкой стены до самого окончания работы, в правление Мухаммада, сына Мансура, внука Хальд-жада, правнука Барака (По-видимому, — наместник Бухары. Правителем Хорасана в то время был Абдулла, сын Тахира: (823—844 г.). По другой рукописи, Мухаммад назван “правнуком Зарка”) в 215 (830) году. Каждый из последующих амиров приказывал поддерживать и охранять стены. Для жителей Бухары это было тяжелой повинностью и податью: каждый год для этой цели тратилось очень много денег и [47] собиралось много людей. Наконец, амир Исмаил Самани, — да будет милость Божия над ним, — освободить народ от этого налога, и стена пришла в разрушение. Амир Исмаил Самани говорил: “пока я жив, я — стена Бухары”. То, что он обещал, он выполнил; он постоянно принимал личное участие в сражениях и не давал врагам овладевать бухарской областью.

Описание городских стен Бухары.

Жители города Бухары через Ахмада, сына Халида, который был амиром Бухары, просили амира Хорасана Мухаммада, сына Абдуллы, внука Тальхи (Ошибка; следует: Мухаммеда, сына Тахира, внука Абдуллы, правнука Тахира. Тальха был братом, а не отцом Абдуллы. Мухаммад правил с 862—873 г.г. в 849 и 850 г.г. правителем Хорасана был его отец Тахир (844—862 г.г.)) из династии Тахиридов, чтобы он приказал окружить город валом, дабы ночью можно было запира́ть ворота и тем предохранить себя от воров и разбойников. Тогда амир приказал построить очень хороший крепкий вал; были устроены башни и построены ворота. Постройка вала была окончена в 235 (849 — 50) году. После этого каждый раз как враждебное войско нападало на Бухару, вал этот исправляли. Арслан-хан (См. выше стр. 22, 28) во время своего царствования приказал возвести впереди старого вала еще другой вал, так что оба вала были непрерывны и надежны. С течением времени, вал этот разрушился, и в 560 (1165) году, в царствование справедливого и мудрого царя, опоры земного мира и веры, Масуда Клыч-Тамгадж-хана, — да сделает Бог светлым место его упокоения, — приказано было (Об этой постройке см. выше стр. 35) вокруг старого вала Бухары выстроить еще новый вал. Но вскоре и этот вал разрушился. В 460 (Ошибка вм. 604 г., см. выше стр. 35) году, Харазм-Шах Мухаммад, [48] сын Султана Такалпа, овладел Бухарой и тоже распорядился, чтобы выстроили внешний и внутренний валы. Оба вала были возобновлены, но в 616 (1220) году пришло войско татар; они взяли город, и вал снова был разрушен.

Рассказ о чеканке диргемов и (других) серебряных монет в Бухаре.

Первым стал чеканить серебряную монету правитель Бухары, имя которого было Кана-Бухар-Худат. Он 30 лет был царем над Бухарой. В его время в Бухаре в торговле счет велся на бумажные материи и пшеницу; ему сообщили, что в других странах чеканят монету. Узнав об этом, Кана-Бухар-Худат приказал и в Бухаре чеканить монету из чистого серебра и поместить на монете свое изображение в короне. Это было во время халифата амира правоверных Абу-Бакра-Сыддыка, — да будет им доволен Бог. — Так продолжалось до царствования Гарун-ар-Рашида, когда амиром Хорасана был назначен Гитриф, сын Ата, в месяце рамазане 185 года (Т. е. осенью 801 г. Однако, по другим известиям Гитриф был наместником Хорасана несколько раньше (792—793 г.г.)).

Этот Гитриф был братом матери Гарун-ар-Рашида, которую звали Хайзуран (По другой рукописи — Хавздон. У арабских историков ***.), дочь Ата из Емена, из города, который

называется Джирш. Она была взята в плен в Табаристане, а оттуда ее доставили к Махди. Махди от нее имел двух сыновей: первого — Мусу Алгади (Был Халифом с 785 по 786 г.) и второго — Гарун-ар-Рашида (786—809 г.г.). Когда Хайзуран заняла такое выдающееся положение, Гитриф пришел из Емена к ней и остался при ней. Гарун-ар-Рашид отдал Гитрифу Хорасан. В это время в [49] народе обращалась Хорезмийская серебряная монета, но жители брали ее неохотно, а выше описанная бухарская монета перестала появляться в обращении среди населения. Когда Гитриф, сын Ата, прибыл в Хорасан, бухарские знатные и известные люди явились к нему и заявили, что у них в городе нет звонкой монеты и что они просят амира Хорасана приказать чеканить монету по старому образцу и сделать такую монету, чтобы ее никто не брал из рук жителей и не вывозил из Бухары, а жители Бухары могли бы при помощи этих денег совершать свои торговые операции. В это время серебро было очень дорого. Собрали жителей города и спрашивали их мнения по этому предмету. С общего согласия, решили приготовить монету из шести материалов: из золота, серебра, кожи, олова, железа и меди. Так и сделали; старый штампель для чеканки монеты переделали на имя Гитрифа, и получилась монета Гитрифи, которую простой народ называл “Гидрифи”. Древняя монета чеканилась из чистого серебра, а когда стали чеканить из сплава серебра и лигатуры, монета выходила черной и жители Бухары не хотели ее принимать; если же и принимали, то только по принуждению правительства. Установился курс 6 гидрифи за 1 диргем из чистого серебра, и правительство стало принимать гидрифи по этому курсу. Монета стала беспрепятственно обращаться в народе, но из-за этого уплата хараджа оказалась очень тягостной для населения. Харадж с Бухары раньше собирался в сумме 200 тысяч серебряных диргемов, немного меньше. После того как стали чеканить гидрифи, сначала 6 гидрифи ходили за один серебряный диргем, и правительство приказало жителям вносить подать по тому же курсу. Впоследствии гидрифи стали дороже и наконец стали обращаться в народе в одной цене с серебряными диргемами. Правительство однако не пожелало получать харадж высокопробной монетой, а требовало взноса хараджа монетой гидрифи по прежнему курсу. Общая сумма хараджа Бухары, как сказано выше, была немного меньше 200 тысяч диргемов, а через замену монеты, [50] сумма хараджа в действительности достигла 1,068,567 гидрифи. Мухаммад, сын Джафара, сообщает, что было время, когда 220 диргемов из чистого серебра стоили только 85 гидрифи. Ахмад, сын Насра, говорит, что в 522 году, когда он перевел эту книгу, 100 серебряных диргемов стоили 70 гидрифи, и 1 золотник равнялся 7 1/2 гидрифи. Мухаммад, сын Джафара, сообщает, что эти гидрифи чеканили в замке Мохак, в городе Бухаре.

В монете гидрифи содержалось серебра больше, чем лигатуры. Говорят, что в каждом диргеме есть немного золота; на 10 диргемов приходится золота от 1/2 до 3/4 диргема. В Бухаре чеканили много мелкой разменной монеты при каждом из царей династии Саманидов и последующих династий; но об этом не упоминается, так как в этом не было ничего удивительного.

Рассказ о начале водворения в Бухаре ислама.

Мухаммад, сын Джафара, рассказал, что Моавия послал в Хорасан Убайдуллу, сына, Зияда (В другой рукописи: Убайдулла, сын Зияда, сын Аби-Суфьяна; кроме того на полях сделано примечание: “Убайдулла-Баттали — набакар (неодобрительное название), приказавший убить Хазрят Имама Хусайна, сына Али-Муртазы, — да будет им доволен Бог”. Убайдулла, племянник халифа Моавии, наместник Басры и Хорасана, действительно принимал выдающееся участие в этом событии), который, переправившись через реку Джайхун (Аму-Дарья), пришел в Бухару. Бухарой в это время правила царица, потому что ее сын Тахшада был малолетний. Убайдулла, сын Зияда, взял Байкенд, овладел Рамитаном и взял в плен много людей. Четыре тысячи человек бухарцев он взял себе. Это было в

конце 53 и в начале 54-го года (673 — 4 г.г.). Далее Убайдулла двинулся к Бухаре, выстроил свои войска в боевой порядок и поставил стенобитные машины. Царица отправила посла к тюркам [51] и просила у них помощи, а к Убайдулле, сыну Зияда, она тем временем послала своего парламентаря и просила приостановить военные действия на семь дней. Она при этом изъявила свою покорность и послала богатые подарки. В течение семи дней перемирия подкрепление не подошло, и царице пришлось вторично послать подарки и просить продолжить перемирие еще на 7 дней. Наконец, подошло войско тюрков и собрались другие, так что оказалось очень много войска. Сражение было очень упорное, но, наконец, неверные были разбиты. Мусульмане преследовали неверных и многих перебили, а царица скрылась за стенами крепости. Войска возвратились в свои области с богатой добычей оружия, одежды, золота, серебра и многочисленными пленными. У царицы отняли башмак с одной ноги вместе с чулком. Башмак и чулок были сделаны из золота и украшены драгоценными камнями. Обувь эта была оценена в 200 тысяч диргемов. Убайдулла, сын Зияда, приказал срубить деревья и опустошать селения. Та же участь угрожала и городу, но царица отправила к победителю посла с просьбой о пощаде. Мир был заключен под условием уплаты 1 миллиона диргемов. Деньги были посланы и приняты; победитель удалился и увел за собой 4000 бухарцев, взятых в плен. Когда в 56 (676) году власть над Хорасаном была отнята у Убайдуллы, сына Зияда, и Саид, сын Усмана, стал амиром Хорасана, последний перешел реку Джайхун и пришел к Бухаре. Царица послала к нему уполномоченного и выразила готовность заключить с ним мир на тех же условиях, как был заключен ею мир с Убайдуллой сыном Зияда, и уже послала часть денег, как вдруг к Бухаре подошли дружественные царице войска из Согда, Кяша и Нахшаба, числом 120,000 человек. Царица раскаялась тогда, что просила о заключении мира и послала выкуп. Саид сказал: “я так же думаю”, прислал деньги обратно и объявил, что мира между ними нет. Войска в то время собрались и расположились друг против друга в боевом порядке. Всевышний Бог ниспослал страх [52] и ужас в души неверных, так что все войско их бежало, даже не вступив в бой с мусульманскими войсками.

Царица осталась одна и вынуждена была вновь отправить посла для переговоров о мире. Она назначила выкупа больше, чем раньше, и все отправила к Сайду. Амир Хорасана отвечал: “Я теперь пойду в Согд и Самарканд, а ты у меня на дороге; мне необходимо заручиться от тебя заложниками, которые мне служили бы гарантией в том, что ты не преградишь мне пути и не причинишь вреда”. Царица отослала к Саиду в качестве заложников 80 человек царских потомков и бухарских дихканов, и Саид ушел от ворот Бухары и теперь уходит (В тексте ***, в смысле “не возвращался, совсем ушел”, что однако противоречит дальнейшему рассказу)

В одном рассказе говорится, что эта женщина влюбилась в одного из слуг своего мужа. Народ говорил, что Тахшада, ее сын, был от этого слуги, что она навязала этого сына своему мужу и что на самом деле он не был сыном Бухар-Худата. Часть войска решила передать это царство другому потомку Бухар-Худатов, которого бы считали несомненно царским сыном; но царица узнала об этом и придумывала способ хитростью удалить от себя действовавших против нее людей. Когда она заключила мир с Саидом и когда последний потребовал от нее обеспечения в виде заложников, царица схитрила и отправила в виде заложников как раз ту часть войска, которая имела намерение лишить Тахшаду престола. Таким образом, царица одновременно избавилась от заговорщиков и от Саида. Рассказывают, что когда Саид заключил мир с царицей, то потребовал, чтобы она вышла его приветствовать. Женщина согласилась на это и приветствовала его. Потом Саид потребовал, чтобы царица приветствовала и всех его военачальников, и царица приветствовала каждого военачальника. Среди военачальников был один по имени Абдулла-и-хазим. Он велел в своем шатре зажечь большой [53] костер и сам стал у огня.

Сделалось очень жарко. Абдулла сам стал краснолицым; глаза его от огня также покраснели, голова у него была очень велика, так что его багария (Слова *** нет в словарях) вошло в поговорку. Абдулла был человек страшного вида. Он надел кольчугу, взял в руку обнаженную саблю и сел. В это время женщина вошла его приветствовать, испугалась его, быстро убежала и сказала стихами: “Хорошо тебя, друг (Собств. “мальчик, малый”), устроил Бог; да будет дурной глаз далек (от тебя); чего Бог не прибавляет (к твоим качествам!)” (Т. е. “чего тебе только недостает?”).

Рассказ. Сулейман Ляйси говорит, что когда Саид заключил мир с царицей, то заболел в Бухаре. Царица пришла навестить Сайда. У нее был кошелек, наполненный золотом. Она опустила руку в кошелек, достала оттуда два предмета и сказала: “Один сохранию для себя, чтобы съесть, когда заболею, а другой отдам тебе, чтобы ты скушал и поправился”. Сайда крайне заинтересовало, что именно царица дала ему, как вещь, которой она придает такое большое значение. Поэтому, как только женщина вышла, он посмотрел, и оказалось, что он получил старый финик. Тогда он приказал своим людям навьючить пять верблюдов свежими финиками и отвезти к царице. Женщина открыла мешки и увидела много фиников. Потом она открыла свой кошелек, вынула свой финик и, когда сравнила его с присланными финиками, они оказались совершенно сходными. Она принесла извинение и сказала: “У нас таких вещей немного; эти два финика я много лет хранила на случай болезни”. Есть известия о том, что эта женщина была чрезвычайно привлекательна и красива лицом, и Саид в нее влюбился. Жители Бухары об этом сложили песни на бухарском языке. Некоторые писатели упоминают, что в то время когда Саид пришел в Бухару, пришел туда же и Куссам, сын Аббаса, — да будет им доволен Бог. Саид [54] принял его с почетом и сказал: “При дележе добычи, я даю каждому человеку одну часть, а тебе готов дать в тысячу раз больше”. Куссам, — да будет им доволен Бог, — отказался принять что-нибудь кроме одной доли, согласно шариату. После этого, Куссам, — да будет им доволен Бог, — отправился в Мерв и там умер, а некоторые говорят, что он умер в Самарканде (Могила Куссама или, как его называет народ “*Шахи-Зинда*”, как известно, и теперь пользуется большим уважением в Самарканде). Бог знает лучше.

Саид, покончив дела с Бухарой, направился к Самарканду и Согду. Он много воевал, и победа была на его стороне. В Самарканде в это время не было царя. Саид возвратился в Бухару с 30-ю тысячами пленных, взятых в Самарканде, и с богатой добычей. Царица послала к нему человека, который от ее имени приветствовал Сайда с благополучным возвращением и просил освободить взятых у царицы заложников. Саид ответил царице: “Я от тебя не обеспечил еще себя; пусть твои заложники останутся у меня, пока я не перейду реку Джайхун”. Когда Саид перешел Джайхун, царица вновь отправила к нему посла, но он ответил, что освободит заложников, когда достигнет Мерва. Придя в Мерв, он просил повременить до прихода в Нишабур, где отложил освобождение заложников до прихода в Куфу, а там просил оставить у него заложников до прихода в Медину.

Придя в Медину, Саид приказал своим рабам снять с заложников сабли и пояса, а также отобрать у них всю драгоценную одежду, золото и серебро. Затем, заложников одели в грубые шерстяные ткани и приставили к земледелию. Они были очень огорчены таким обращением и говорили: “Какому униженно этот человек еще не подверг нас? Он сделал нас рабами и поручает нам грубую, тяжелую работу. Если нам предстоит погибнуть в унижении, то по крайней [55] мере погибнем с пользой”. Они отправились во дворец Сайда. Войдя туда, они заперли за собой дверь, убили Сайда и сами, все до единого, покончили жизнь самоубийством. Это случилось во время халифа Язида, сына Моавии. Амиром Хорасана сделался Муслим (В арабских источниках Сельм), сын Зияда. Этот амир пришел в Хорасан, изготовил там войско и направился к Бухаре. Царица, увидев войско амира и его вооружение, тотчас же сообразила, что Бухара не может

сопротивляться такому войску. Поэтому она отправила посла к Тархуну, царю Согдскому, и приказала ему передать следующее: “Я согласна быть твоей женой, и Бухара будет твоим городом; только нужно, чтобы ты пришел и защитил это царство от арабов”.

Тархун пришел с 120 тысячным войском; из Туркестана пришел также Бидун вместе с этим войском. Женщина в то время уже заключила мир с Муслимом, и ворота были отворены; также были отворены и ворота замка, расположенного вне крепости. Когда подошел Бидун и остановился на другом берегу реки Харкан, Муслиму дали знать, что пришел Бидун. Царица подчинилась ему и ворота города снова заперли. Муслим послал человека к Мухаллябу и приказал передать ему, чтобы он отправился посмотреть, в каком состоянии войско, и исполнил все то, что требуется от разведчиков. Мухалляб просил не посылать его с таким поручением, так как он человек известный, а послать какого-нибудь другого человека, который, если благополучно возвратится, принес бы правильные сведения, а если бы и умер, то чтобы от того не было вреда войску амира. Муслим приказал Мухаллябу идти непременно самому. Мухалляб сказал: “Уж если необходимо идти непременно самому, то пошли со мной по одному человеку от каждой части войска и о моем выступлении никому не говори”. Амир так и исполнил и вместе с Мухаллябом послал сына своего дяди. Они все вместе ночью выступили тайно от своих и [56] скрытно от неприятельских войск. Настал день. Муслим, сын Зияда, встал на намаз бамдад (Первая молитва до восхода солнечного) и, обратившись к людям, сказал: “Я вчера вечером послал Мухалляба лазутчиком”. Это известие распространилось среди войска. Арабы слышали это и стали говорить, что амир послал Мухалляба вперед с той целью, чтобы он имел возможность завладеть большим количеством добычи. “Если бы предстоял бой, то он нас послал бы с ним”, говорили арабы. Поспешно некоторые из них сели на лошадей и двинулись вслед за Мухаллябом до берега реки. Мухалляб, когда увидел их, сказал: “Вы сделали ошибку, что пришли; я действовал скрытно, а вы пришли открыто; теперь неверные всех нас уничтожат”. Мухалляб сосчитал, и мусульман оказалось всего 900 человек. Он сказал: “Клянусь Богом, что вы раскаетесь в сделанной вами ошибке”. Войско выстроилось в боевой порядок, и передовые люди войска Бидуна увидели их. Мусульмане поспешно затрубили в трубы и все, как один, сели на лошадей и выстроились. Тюркский царь бросился на них, и арабы стали ослабевать. Мухалляб сказал: “Я знал, что так будет”. Его спросили как выйти из такого затруднительного положения при помощи хитрости? Он посоветовал двигаться вперед, но они отступили. Бидун догнал их; 400 человек мусульман были убиты, а остальные бежали до лагеря. Наступило следующее утро. Бидун перешел реку и пришел к амиру Хотана, от которого он был всего в расстоянии 1/2 фарсанга. Началась битва. Мухалляб первый бросился на войско Бидуна; сражение стало ожесточенным. Неверные произвели нападение и окружили Мухалляба. Он закричал “выручайте меня!” Муслим, услышав этот возглас, очень смутился и сказал: “Это крик Мухалляба”. Абдулла, сын Худана, в это время молча стоял перед Муслимом. Муслим спросил: “Что с тобой? что ты не говоришь ни слова?” Абдулла отвечал: “Клянусь! если бы [57] не пришел смертный час, то не закричал бы Мухалляб; по крайней мере, я сяду на лошадь и сделаю все, что от меня зависит; если мне суждено умереть, то я и к тому готов”. Между тем все слышались крики Мухалляба при каждой попытке мусульман обратиться в бегство. Муслим просил подождать один час и в это время приказал подавать на стол и стал есть хлеб. Бывший при этом Абдулла, сын Худана, сказал ему: “в какое время ты ешь? пусть Бог насытит тебя! ты должен вскоре умереть, и ты об этом не догадываешься? разве ты не был воином?” Муслим спросил: “как же выйти из этого затруднения?” — Прикажи конным воинам спешиться и в пешем строю двинуться к месту сражения”, сказал Абдулла. Так и поступили. Абдулла, сын Худана, поскакал к Мухаллябу и нашел его совершенно окруженным врагами. Абдулла закричал “оглянитесь назад”. Воины, обернувшись, увидели поспешавших к ним на выручку и ободрились. Они бросились на врагов, храбро сразились с ними, и в этой схватке был убит Бидун. Тогда мусульмане закричали “Аллаху-акбар”. Неверные вдруг все обратились в бегство, а

мусульмане погнались за ними, убивая всех, пока все войско не было окончательно уничтожено. Мусульмане овладели богатой добычей, и все добытое в тот же день разделили: на каждого всадника при дележе пришлось по 2400 диргемов. Царица вновь прислала посла с предложением заключить мир, и Муслим согласился, заключив мир с условием взноса богатого выкупа. Женщина обратилась к Муслиму с просьбой показать ей Абдуллу, сына Хазима. “Мне хочется видеть, каков он”, говорила царица, “потому что я раз увидела его и потеряла сознание (См. выше стр.53): мне кажется, что он не человек”. Муслим позвал Абдуллу в свою гостиную и представил царице; Абдулла был в шелковой фиолетовой одежде и красной чалме. Женщина, увидев его, поклонилась и, чтобы [58] выразить ему свое восхищение послала ему подарки. Муслим, одержав победу и овладев большим количеством добычи, возвратился в Хорасан.

Рассказ о правлении Кутайбы, сына Муслима, о водворении в Бухаре ислама и о разделе Мавараннагра между арабами и аборигенами.

Когда Кутайба, сын Муслима, стал амиром Хорасана, по назначению Хаджаджа (Наместник восточной части халифата 694—714 г.г.), то пришел в Хорасан, подчинил себе весь Хорасан, и просвещение Тохаристана (Область в северном Афганистане, к востоку от Балха, между Аму-Дарьей и Гандукушем) верою ислама выпало также на его долю. Кутайба переправился через Джайхун в 88-м году гиджры (706г. по Р.Хр.). Жители Байкенда получили об этом известие и укрепили Байкенд; крепость была очень сильна. (Байкенд в древности назывался Шаристан, или Шаристан-и-руин, т. е. “медный город”, вследствие прочности). Кутайба вынужден был вести упорную осаду. Пятьдесят дней мусульманам не удавалось овладеть крепостью, и осаждающие терпели большие лишения, но наконец они прибегли к хитрости: часть войска из-под стены выкопали ход, поднялись до башни и внутренней части крепости (и попали) в одну конюшню; они прокопали часть стены и проделали брешь. Мусульмане еще не подошли к крепости, когда те вернулись через эту брешь. Тогда Кутайба закричал, что всякому, кто войдет в крепость через эту брешь, он уплатит “хун” (“Хун” — плата за убийство, получаемая родными убитого с убийцы. (Цена крови)), а если кто будет убит во время приступа, то такая же сумма будет выдана детям убитого. Войско [59] воодушевилось, все бросились к пролому в стене, и крепость была взята. Жители Байкенда просили пощады. Кутайба согласился заключить мир под условием уплаты выкупа и отправился в Бухару, назначив Барка, сына Насра, Бахили амиром Байкенда. Когда Кутайба пришел в Хунбун (Селение на расстоянии 1 фарсаха от Байкенда по дороге в Бухару), то ему сообщили, что жители Байкенда возмутились и убили амира. Кутайба приказал войску двинуться обратно и разграбит Байкенд. “Их кровь и их имущество я разрешаю вам считать для себя дозволенными”, сказал он воинам своим. Причиной возмущения жителей Байкенда послужил следующий случай: в городе жил один человек, у которого были две красивые дочери. Варка, сын Насра, взял себе обеих дочерей. Тогда отец этих девушек спросил: “Байкенд — большой город; почему же ты из всего города берешь только двух моих дочерей”? Варка ничего не ответил. Тогда возмущенный отец бросился на него и ударил его ножом в пуп, но не нанес ему смертельной раны, и Варка не был убит. До Кутайбы дошло об этом известие; он возвратился к Байкенду и, перебив всех, кто мог сражаться, остальных жителей взял в плен, так что в Байкенде не осталось людей, и Байкенд пришел в разрушение. Жители Байкенда были купцы и (раньше погрома) большею частью отлучились по торговым делам в сторону Китая и другие места. Когда они возвратились, то выкупили у арабов находившихся в плену жен, детей и родственников своих и возобновили Байкенд, как он был прежде. Говорили, что кроме Байкенда не было другого города, который, будучи разрушен совершенно, опустел бы, а потом так скоро вновь был бы населен теми же самыми жителями.

Рассказ. Рассказывают, что во время взятия Байкенда Кутайба нашел в одном из капищ идола, вылитого из серебра, весом в 4 тысячи диргемов, и множество серебряных кубков. Когда все эти драгоценности собрали и взвесили, [60] то оказалось в них весу 150.000 золота. Кроме того, найдено было еще два зерна жемчуга, каждое величиной в голубиное яйцо. Кутайба спросил, где найдены были столь крупные жемчужины, и ему объяснили, что две птицы, принесли каждая в клюве по жемчужине и положили их в храме.

Тогда Кутайба собрал все редкости и с ними отправил обе жемчужины Хаджаджу при письме, в котором изложил обстоятельства взятия Байкенда и рассказ об этих двух жемчужинах. Хаджадж в ответ написал, что все изложенное в письме стало ему известно и что он удивлен величиной присланных двух жемчужин и птицами, которые их принесли, но еще того более поражен щедростью Кутайбы, в руки которого попали такие драгоценности и который не задумался их отослать ему. “Да пошлет тебе Бог изобилие”, писал Хаджадж в заключение своего письма. После этого Байкенд много лет оставался в развалинах (?). Кутайба, покончив с Байкендом направился к Хунбуну, напал на этот город и овладел им. Он подчинил себе также Тараб и многие другие малые селения и пошел затем на Вардану. Там в это время был царем Вардан-Худат. Кутайба долго воевал с ним; в конце концов Вардан-Худат умер, а Кутайба взял много селений. Среди селений Бухары между Тарабом, Хунбуном и Рамитаном собралось очень много войска, и войска окружили Кутайбу. Пришел с многочисленным войском Тархун, царь Согда, Хунук-Худат с большим войском, Вардан-Худат с своим войском. Кроме того, в помощь им для войны с Кутайбой пришел с сорокатысячным войском царь Курмаганун, племянник китайского императора, за плату. Собрались войска, и Кутайбе грозила опасность, тем более, что у него и у его союзников не было оружия. Кутайба распорядился, чтобы воины его впредь не снимали оружия и не покидали лагерей. Поэтому оружие до того вздорожало, что одно копье стоило 50 диргемов, один щит 50 или 60 диргемов и кольчуга 700 диргемов. [61]

Хаян-набатеец (Набатейцы — древнее население Месопотамии) сказал Кутайбе: “я прошу дать мне срок до завтрашнего дня”. Наступило утро следующего дня. Хаян-набатеец послал человека к царю Согда. “От меня тебе совет: нужно, чтобы мы где-нибудь сошлись”, сообщил он ему. Тархун согласился и спросил, в какое время ему следует увидаться с Хаяном. Тот посоветовал сойтись в самый разгар сражения. Так и было исполнено. В самый разгар сражения Хаян-набатеец увидел Тархуна и сказал: “твое царство ушло из твоих рук, а ты ничего не знаешь”. Тархун спросил: “как?” Тот отвечал: “мы можем оставаться здесь только до тех пор, пока жарко, а теперь погода становится холодней и нам скоро придется уйти. Пока мы здесь, тюрки сражаются с нами, а когда мы уйдем отсюда, они начнут военные действия против тебя, потому что область Согда очень хороша, — подобного ей места нет в мире по прелести; так можно ли рассчитывать, что они оставят тебе Согд и пойдут в Туркестан? Тебе будет очень трудно, и они отнимут у тебя твое царство”. Тархун спросил: “что же мне делать?” Хаян сказал: “заклучи мир с Кутайбой, подари ему что-нибудь и покажи тюркам вид, что мы получили поддержку от Хаджаджа и что на дороге из Кеша и Нахшаба много войска; ты скажи, что отступишь, и они тогда тоже отступят; так как ты заключишь с нами мирный договор, то мы тебе зла не желаем и не причиним вреда; таким образом ты избавишься от этого бедствия”. Тархун сказал: “ты дал мне хороший совет; я так и сделаю и в эту же ночь отступлю”. Настала ночь. Тархун послал человека к Кутайбе, заключил мир и послал выкуп в 2000 диргемов (По другой рукописи только 1000 диргемов). Войска затрубили в трубы и отступили. Дихканы и амиры говорили: “что случилось?” — “Будьте осторожны”, сказал он: Хаджадж прислал большое войско со стороны Кеша и Нахшаба, которое [62] нападет на нас с тыла и окружит нас; поэтому я отступаю в свою область”. Курмаганун-тюрк прислал человека справиться о положении дела. Ему сообщили то же самое. Он сейчас же приказал трубить в трубы и отступил. Они разграбили область и ушли. Таким образом

Всевышний Бог отстранил это несчастье от голов мусульман. Кутайба оставался там 4 месяца, и за это время Хаджадж не имел никаких известий от Кутайбы и его сподвижников. Хаджадж очень беспокоился, что от них нет вестей; в мечетях читали коран, читали и весь коран целиком, произносили молитвы. Наконец Кутайба и его сподвижники возвратились в Бухару. Это был четвертый раз, что Кутайба входил в Бухару. Он много сражался, завладевал большим количеством добычи, опустошал часть области, некоторых людей убивал, а некоторых уводил в плен, уходил в Мерв и снова возвратился в Бухару, — да сохранит ее Всевышний Бог от всяких неудач и несчастий!

Рассказ о просвещении Бухары и об открытом водворении там ислама.

Мухаммад, сын Джафара, сообщает, что когда Бухар-Худат, муж матери Тахшады умер, сын царя и этой женщины, Тахшада, был малолетен, и потому регентство над царством приняла женщина. Мы рассказывали уже об этом выше, когда говорили об Убайдуллахе, сыне Зияда, о Саиде, сыне Усмана, внуке Аффана, — да будет ими обоими доволен Бог. Каждый раз, как войска мусульман приходили в Бухару, они воевали за веру летом, а зимой возвращались. Женщина с каждым приходившим сначала немного воевала, а потом заключала мир. Сын ее был малолетний, и все родовитые люди старались завладеть престолом; сам Бухар-Худат (раньше) оружием овладел Бухарой. Каждый раз жители Бухары [63] принимали ислам и снова, по уходе арабов, отступали от принятого вероучения. Кутайба трижды обращал их в мусульманство, но они снова отступали и становились неверными. Наконец, в 4-й раз Кутайба после борьбы взял город; с большим трудом он ввел там открытое исповедание ислама и водворил мусульманство в сердцах жителей. Кутайба всячески принуждал их, и все открыто, по наружности, придерживались ислама, а в душе оставались идолопоклонниками. Наконец, Кутайба принял решение и приказал жителям Бухары отдать половину своих жилищ арабам, чтобы арабы смешались с ними и могли знать о их жизни и чтобы жители Бухары по необходимости сделались мусульманами. Таким образом, Кутайба водворил ислам и подчинил жителей Бухары постановлениям шариата. Он построил мечети, уничтожил признаки идолопоклонства и обычаи Гебров. Вообще, он очень много потрудился; он наказывал каждого, кто нарушал постановления шариата. Он построил соборную мечеть и распорядился, чтобы там совершали пятничный намаз, чтобы Всевышний Бог наградил жителей Бухары за доброе дело в день страшного суда (Буквально: чтобы Всевышний Бог сделал для жителей Бухары награду за это доброе дело запасом для Своего второго мира.).

Рассказ о постройке соборной мечети.

Кутайба, сын Муслима, в 94 году гижры (713 г. по Р. Хр.), построил соборную мечеть в крепости Бухары, на том месте, где раньше было капище идолов, и приказал жителям Бухары собираться туда на молитву каждую пятницу. Каждую пятницу он приказывал призывать на молитву людей, объявляя, что каждому, кто придет на молитву, он заплатит 2 диргема. Первое время после обращения в мусульманство жители Бухары читали коран на персидском языке и не могли [64] научиться арабскому языку. Когда настало время *рукуга* в намазе (поясной поклон), особо назначенный для этого сзади их стоящий человек произносил “*бакнита накнит* (***)”, а когда приходило время делать *саджа* (земной поклон), тот же человек произносил: “*нугуниа нугуни*” (***)”. Мухаммад, сын Джафара, в своей книге сообщает, что он видел соборную мечеть в Бухаре: двери ее украшены были изображениями; лица этих изображений были стерты, а остальное оставлено в прежнем виде. “Я спросил у моего учителя, говорит автор, кто впервые поставил эти двери? Учитель мой был очень старый человек и так ответил на мой вопрос: “причина та, что раньше, как рассказывают, вне города было 700 замков, в которых жили богатые люди, очень гордые. Они большею частью не ходили на молитву в соборную мечеть, тогда как

бедняков привлекали туда, как было выше сказано, двумя диргемами. Богатые не нуждались в такой подачке. Однажды, в пятницу, мусульмане пришли к воротам замков и стали звать обитателей на намаз джума (пятничный); мусульмане настойчиво требовали, чтобы те шли. Тогда обитатели замков стали бросать с крыш камнями в мусульман. Завязался бой. Мусульмане одолели, разрушили ворота замков и унесли двери. На дверях каждый сделал изображение своего идола. Когда после этого увеличили соборную мечеть, то эти захваченные двери употребили в дело при постройке, причем только стерли лица изображений, а все остальное оставили. Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что в его время из этих дверей оставалась одна в том месте, где сходят с крыши к двери соборной мечети. Если кто захочет (увидеть такую дверь), пусть пойдет во дворец амира Хорасанского, пропустит одну дверь, а вторая будет из тех дверей, что достались от богачей, и на ней признаки исчерченных лиц на изображениях заметны до сего времени. Соборную мечеть, которая находится в [65] середине крепости построил Кутайба, и в ней люди молились по пятницам. С течением времени увеличилось число мусульман, влечение людей к исламу возрастало с каждым днем, и в конце концов в мечети не стало доставать места. Так было до наместничества Фазла, сына Яхьи, внука Хамида Бармаки (Наместник Хорасана 794—795 г.г.). Он стал амиром Хорасана во время халифата Гарун-ар-Рашида. Жители Бухары собрались, порешили сообща и устроили для крепости бассейн. Между крепостью и городом построили соборную мечеть в 154 году гиджры (Дата не совпадает с другими известными о времени наместничества Фазла) (770 г. по Р. Хр.). В соборной мечети в крепости отправлялось пятничное богослужение, но когда соборная мечеть пришла в ветхость, в ней перестали совершать намаз и поместили там управление по сбору податей. Никто не употребил столько стараний, чтобы отстроить большую мечеть, как Фазл, сын Яхьи, Бармаки. Он истратил много денег. После него каждый правитель увеличивал мечеть. Амир Исмаил Самани, — да будет к нему милостив Бог, — купил много домов и увеличил размер мечети на 2/3. Фазл, сын Яхьи Бармаки, впервые приказал в месяц Рамазан зажигать в мечетях светильники.

Рассказ. Рассказывают, что во времена амира Саида Насра, сына Ахмада, внука Исмаила, в одну из пятниц месяца Рамазана, когда соборная мечеть была полна народа, здание вдруг, обрушилось, много народа было задавлено, и весь город оделся в траур. Некоторых вытащили из-под развалин еще с признаками жизни, но через час они умерли; у некоторых оказались сломанными руки и ноги. Во всем городе погибло много людей, так много, что после этого Бухара опустела. Население с помощью приближенных к правительству лиц вновь отстроило соборную мечеть.

Казий Абу.....(Вторая часть имени пропущена) — да будет к нему милостив Бог, — наблюдал за постройкой, и здание было окончено в один год. [66] Мечеть через год вновь обрушилась с обеих сторон “кыблы” (“Кыблой” вообще мусульмане называют направление на Каабу, находящуюся в Мекке, и в мечети называется “кыблой” тот фас здания, который обращен к Мекке), но людей в мечети в это время не было. Мечеть снова отстроили в течение пяти лет. Минарет построил Абу-Убайдулла (Вернее Абу-Абдулла Мухаммад, сын Ахмада. Джейхани — известный визирь, автор знаменитого географического труда). Джейхани, который в это время был визирем государства. Он выстроил минарет на свой счет в 306 (918 — 19) году. Эта мечеть рядом с крепостью существовала до конца царствования Ибрагима Тамгадж-хана. Он взошел на престол (Очевидно, здесь в тексте пропуск; говорится о вступлении на престол одного сына Тамгадж-хана и о его борьбе с братом). У Тамгадж-хана был другой сын Шамсу-ль-Мульк Наср, сын Ибрагима. Он решился двинуться на Бухару. Сайфас укрепил цитадель Бухары. Шамсу-ль-Мульк завязал бой у ворот Бухарской крепости; с минарета соборной мечети стреляли в крепость и тем наносили много вреда находившемуся внутри крепости гарнизону. Наконец, Шамсу-ль-Мульк (Очевидно ошибка вместо *Сайфас*) приказал

бросить из крепости огонь, а верх минарета был деревянный. Загоралась вершина минарета, головни упали на соборную мечеть, и она также сгорела. Наконец, Шамсу-ль-Мульк овладел крепостью, и Бухара очутилась в его власти. Он приказал вновь построить соборную мечеть и вырыть ров между крепостью и соборной мечетью, а верх минарета сделали из жженого кирпича. *Максуру* и ту часть здания, где находилась максура (Возвышенное место в мечети перед михрабом, где стоит имам), Шамсу-ль-Мульк приказал построить подальше от крепости; ходжи и богачи все оказали содействие к окончанию этой постройки. Соборная мечеть сгорала в 460 году, а в 461 (1068) году постройка была уже окончена. Мухаммад, сын Абу-Бакра, говорит: “я слышал от достоверных людей, что максура, минбар и михраб (Минбар — кафедра проповедника. Михраб — ниша в стене мечети, по направлению к Мекке; перед ней стоит имам, произнося молитву) в Бухаре, построены по [67] приказанию Шамсу-ль-Мулька; они были вытесаны и украшены орнаментами в Самарканде и привезены в Бухару. В таком виде эта мечеть оставалась до царствования Арслан-хана Мухаммада, сына Сулеймана. Он приказал построить соборную мечеть подальше от крепости, чтобы от близости крепости не произошел вред для мечети, как во время Шамсу-ль-Мулька. Арслан-хан купил много домов в городе и приказал перенести часть соборной мечети, находившуюся ближе к крепости, а минарет, находившийся близ крепости, он приказал срыть и перенести в город. Подобного ему не было нигде, — так искусно и красиво он был сделан. Наконец, работа была окончена; только на верху минарет немного не достроили. В это время кто-то сглазил постройку: минарет обрушился, упал на соборную мечеть и две трети ее разрушил; при этом резьба и плотничная работа вся испортилась. Арслан-хан вторично приказал построить минарет. Старались построить как можно прочнее; верх сделали из жженого кирпича, и все это было сделано на личный счет Арслан-хана. Соборная мечеть, построенная, по приказанию Арслан-хана, была окончена в 515 (1121) году. Всего существует пять зданий мечети. Два здания, находящиеся в городе вместе с минаретом были выстроены Арслан-ханом. Большое здание с максурой было построено Шамсу-ль-Мульком. Между этими зданиями находятся еще два древних здания; из них находящееся вблизи крепости осталось от амира Исмаила Самани, — да будет милостив к нему Бог, — и было возведено в 290 (902) году. Другое здание, находящееся около дворца амира Хорасанского, построено Амиром Хамидом Нухом, сыном Насра, сыном Исмаила Самани (На самом деле Наср был внуком Исмаила (сыном Ахмада). О времени царствования Нуха см. выше стр. 7), в 340 году от бегства пророка, — да благословит и да приветствует его Бог (951 г. по Р. Х.). [68]

Описание места праздничной молитвы.

Выстроив соборную мечеть внутри цитадели, Кутайба, сын Муслима, другое место внутри города, известное под названием Ригистана, сделал местом праздничной молитвы и вывел мусульман, чтобы они молились здесь в праздник “ид” (У мусульман два годовых переходящих праздника: “Ид-и-Рамазан” и “Ид-и-Курбан”). Людям приказано было приходить на молитву с оружием, потому что в это время ислам только что был введен, и мусульмане еще не были в безопасности от неверных. И теперь осталось в обычае, чтобы всякий, кто носит оружие, входил сюда вооруженным. Эти ворота называли воротами дворца Маабида. Этот Маабид-аль-Хайл (Буквально (по-арабски) “предмета поклонения конницы” (очевидно прозвание амира).) был амиром Бухары. Много лет на этом месте совершалось праздничное богослужение; (наконец) людям здесь стало тесно, а потому амир Садид-Мансур, сын Нуха (961—976 г.г.), внук Насра, купил на Самтинской (0 деревне Самтин см. выше стр. 13) дороге огороженные забором места и хорошие сады за большие деньги; он истратил очень много денег и сделал это место местом праздничной молитвы. Он заказал очень красивые минбары и михрабы и приказал сделать несколько возвышений, с которых произносящие *такбир* (Такбиром называется возглас: *Аллах акбар*

(“Бог Величайший”)) могли бы произносить этот возглас так, чтобы всем молящимся было слышно. От места праздничной молитвы до ворот крепости Бухары было полфарсанга расстояния, и все это пространство во время праздничной молитвы занимали молящиеся. Много лет совершалось праздничное богослужение на этом месте. Это (Очевидно приводится год устройства места праздничной молитвы) [69] был год 360-й (970—1). Здесь было место праздничной молитвы до царствования Арслан-хана. Арслан-хан приказал, чтобы праздничное богослужение совершали вблизи города, чтобы людям не было трудно далеко ходить и чтобы, если враги нападут на город, жители не были в это время в отсутствии. У ворот Ибрагима был сад, принадлежавший царям, который назывался *Шамсабад*. Этот сад был запущен, и поэтому там занимались земледелием. Хакан тюркский приказал огородить все это место, и его окружили высоким забором, сделали минбар и михраб из жженого кирпича и еще выстроили возвышения для произносящих такбир. Это было в 513 году от бегства пророка, — да благословит и да приветствует Бог его и его семью (1119 г. по Р. Хр.).

Рассказ о разделении города Бухары между арабами и туземцами.

Мухаммад, сын Джафара, со слов Хатима-аль-Факыха (Собств. “законоведа”) приводит известие, что когда Кутайба в четвертый раз пришел в Бухару и взял город, то заключил мир с тем, чтобы ежегодно 200 тысяч даргемов уплачивалось халифу, 10 тысяч диргемов вносилось амиру Хорасана и половина домов и полей была отдана мусульманам. Кроме того, люди, жившие вне города, обязаны были доставлять клевер для лошадей арабов, дрова и прочие необходимые предметы. Среди города были замки, и некоторые кварталы были отделены и удалены один от другого, подобно селениям. Внутренний город имел семь ворот. Первые назывались “*базарными*” воротами, потому что в то время вблизи города базар был только в этом месте. Теперь мы называем их воротами “*Аттاران*” (продавцов пряностей). После Кутайба разделил город так, что [70] часть города от входа в ворота “Аттاران” и до ворот “Нун” (По другой рукописи ворота эти называются “хисар”. В издании Шефера эти ворота называются “Пунскими” (***) здесь и стр. 54), или “Новыми” (**, стр. 56); судя по арабским географам, следует читать *** (Нурские ворота)) отдал племенам “*Рабга*” и “*Музар*” (Т.е. Северно-арабским племенам), а остальное Еменцам. Если войдешь во внутренний город, то сейчас налево будет улица, которая называется улицей “*Риндан*” (улицей развратников). За ней была христианская церковь; теперь там мечеть, которая называется мечетью (племени) Бану-Ханзала. У входа в город направо находится улица, носящая название улицы Вазира, сына Аюба, внука Хасана. Называют эту улицу еще “*улицей замка*”. Этот Вазир, сын Аюба, был одним из сархангов (Военный чин) Кутайбы, а отец его Аюб был амиром Бухары.

По водворении ислама, первым амиром Бухары назначенным Кутайбой, сыном Муслима, был вышеупомянутый Аюб. Амиры Бухары постоянно жили в улице замка, где был отдельный для них дворец. Был один дихкан по имени “Хына”, которого, после обращения в мусульманство, назвали Ахмадом. Улица замка вся принадлежала ему, и здесь же был замок, принадлежавший этому дихкану. Амиры Бухарские всегда жили в этом замке, но потом владение этим дворцом перешло к другому хозяину. В 150 году (767 по Р. Хр.) наследники этого дихкана, называемые Кадра (Значение слова *** неизвестно) - и-Хына, обратились к Абу-Джафару Даванаки, который был тогда халифом (754—775г.г.) и предъявили документ. В этом документе они упоминали о целом квартале, занимавшем четвертую часть внутреннего города; квартал этот ограничен с одной стороны местности стеной города, прилегающей к “*Чуба-и-бакалян*” (Собств. “деревянные бакалейные лавки”); с другой стороны — [71] стеной, прилежащей к базару “щелкающих фисташки” (Необходимо допустить, что на этом базаре располагались ремесленники, подготовлявшие к продаже плоды фисташкового дерева. И в настоящее время фисташки, доставляемые из

горных лесов, где встречается это дерево, прежде чем поступить в продажу, подвергаются надкалыванию створок плода. Каждую фисташку ударяют молотком на обрубке дерева и чуть-чуть раскалывают. Когда затем надколотые уже фисташки поджариваются в котлах, щель увеличивается и в таком уже виде фисташки идут в продажу; иначе трудно было бы раскусить фисташку), а с третьей стороны большой дорогой, которая проходит от ворот Нун до половины города, от ворот Аттаран до ворот Нун. Кроме того, они упоминали о 1000 лавок внутри базара в г. Бухаре и 75 солений на арыках Бухарском и Верхнем Фаравизе (Или Фараваз; см. выше, главу об арыках), проведенном уже во времена господства ислама. Наследники предъявили документы и требовали, чтобы все эти имущества были им возвращены. Свидетели дали показания, подтверждавшие их иск, и халиф приказал, чтобы составили приговор в их пользу и привезли его в Бухару. Они получили все, что требовали. После них их дети понемногу продали все эти имущества разным лицам, и имение разделилось по рукам людей.

Если пройти ворота “Аттаран” (продавцов пряностей), то затем идут ворота *Бану-Саад* и мечеть Бану Саад. Хасан, сын Ала Саади был весьма значительным человеком и владел в городе очень высоким замком, таким, что ни у одного даря не было ему подобного. Он отстроил улицу Ала, у ворот Ала, и обработал это огороженное пространство: зерно приносило ему 1200 динаров прибыли каждый месяц. В самом городе он владел пашнями.

Разказ. Во времена Хасана, сына Тагира, который был амиром Хорасана, у него был визирь по имени Хафас, сын Хашима. Ему захотелось купить эти земли у владельцев, но хозяева не пожелали продать, тогда он заключил хозяев под стражу и подверг их многим мучениям. Каждую неделю призывал он к себе всех их сразу и приглашал согласиться [72] продать землю, но они не соглашались, и их снова отправляли в тюрьму, и усиливали их мучения. Таким образом прошло 15 лет. Владельцы земель переносили наказания и мучения, а своих земель все-таки не продавали. Однажды Хафас сын Хашима, позвал их всех и сказал: “Много времени прошло с тех пор, как вы подвергаетесь мучениям; чего вы рассчитываете добиться в конце концов?” Хасан, сын Ала, сказал: “Мы добьемся одного из трех: или ты умрешь, или твой владыка умрет, или мы умрем”. Хафас приказал в этот день усилить притеснения и мучения арестованных, но не прошло и месяца, как амир Хорасана умер; поднялся бунт, тюрьму разрушили. Хафас, сын Хашима, бежал, а дворец его разграбили. Хафас скрывался до самой смерти, а Хасан, сын Ала, со своими братьями снова вернулся в Бухару.

Когда пройдешь ворота Бану-Саад, придешь к воротам Бану-Асад. Эти ворота во времена неведения (язычества) называли воротами Мухра. Если из этих ворот спуститься вниз, то подойдешь к дворцу амира Хорасана, а другие ворота назывались воротами цитадели (В изд. Шефера *** что не дает смысла. Правильнее чтение другой рукописи *** как выше (стр. 13—14 изд. Шефера)), потому что, если выйти из этих ворот, то очутишься как раз перед крепостью. Теперь этот квартал разрушен; его называют Фагсадра; теперь там находятся кладбища. Перед этими воротами преимущественно находились дома арабов. Эти ворота самые крепкие из всех ворот Бухары, и у ворот есть большое укрепление, длиною в 60 шагов. Под укреплением находятся много жилищ. Эти постройки были возведены одним амиром, которого звали Сунастагин (Вероятно надо читать *** *субашитатн* (букв. “князь военачальник”) — часто встречающийся в средние века тюркский титул) и который здесь же и погребен. Следующие ворота — *Хак-ра*. В этом квартале жил Ходжа Имам Абу Хафси Кабир Бухари, — да будет милостив к нему Бог. Потом он ушел из Бухары в Багдад и поступил там учеником к Иمامу [73] Мухаммаду, сыну Хусайна Шайбани (Мухаммад Шайбани — ученик знаменитого Абу-Ханифы), — да будет милостив к нему Бог. Подобного ему не было другого человека в этой области: он принадлежал к числу позднейших (Мусульмане делят учителей своей веры на два разряда:

*** (ранние, прежние) и *** (позднейшие, окончательные)) учителей Бухары и был одновременно подвижником и ученым. Благодаря ему, Бухара стала светочем (Буквально “куполом”) ислама; причиной того, что жители Бухары усвоили науку, что наука распространилась в Бухаре, что имамов и ученых стали почитать, причиной всего этого был он.

Сын его Абу-Абдулла достиг такой степени учености, что если караван возвращавшихся из хаджа приходил в Бухару, то возвратившиеся из хаджа ученые приходили к Ходже Иمامу Абу-Хафсу и у него спрашивали разъяснения по вопросам шариата. Он говорил приходившему: “ты возвращаешься из Ирака; почему же ты не спросил об этом тамошних ученых?” — “Я рассуждал об этом с учеными Ирака, — отвечал тот, — и они не могли дать ответа, а сказали мне: когда ты придешь в Бухару, то спроси по этому предмету разъяснения у Ходжи Иمامа Абу-Хафса Бухари, или у его детей”. Тогда ученый давал спрашивающим верное толкование интересовавшей их статьи шариата.

Ходжа Абу-Хафс каждые сутки дважды прочитывал весь коран и еще успевал учить людей. Когда он состарился и стал слабее, то стал прочитывать весь коран по одному разу в сутки, а когда еще более ослабел, то стал читать в сутки одну половину корана, пока не отошел из мира, — да покроет Бог его грехи милостью и благоволением!

Рассказ. Передают, что Яхья, сын Насра, сказал: “я находился около Ходжи Абу-Хафса в то время, когда он окончил намаз бамдад и сидел, обратив лицо свое к кыбле, и что-то читал. В это время взошло солнце. Он [74] обернулся и, заметив, что прихожане еще не собрались слушать его преподавание наук, встал и совершил еще четыре ракаата молитвы, прочитав во время этих ракаатов главы корана: Корова, Семейство Имрана, Жены и Трапеза (Главы 2, 3, 4 и 5), а по окончании дал приветствие (Мусульманское богослужение заканчивается приветствием *** — которое каждый молящийся, поворачивая лицо направо и налево, произносит говоря “ас-селяму-алейкум”, подразумевая при этом, что он приветствует двух ангелов *** приставленных к каждому человеку для записывания хороших и дурных его поступков). Заметив, что все еще не собрались ученики, он снова встал и совершил еще двенадцать ракаатов молитвы, прочитав последовательно главы корана до главы Гром (Глава 13). Мухаммад, сын Талута, Хамадани из книги Фаслю-ль-хитаб (В изд. Шефера по ошибке *** вместо ***. Термином “*фаслю-ль-хитаб*” (букв. “окончание речи”) обозначаются судебные решения) приводит следующее: в Бухаре был амир, по имени Мухаммад Талут. Однажды он сказал некоему Хашуе, который был у него визирем: “мне следует пойти поклониться Ходже Абу-Хафсу и найти его”. Этот Хашуя был из знатных и уважаемых лиц в Бухаре. Хашуя сказал: “тебе не следует идти к нему, потому что если ты пойдешь к нему, то пораженный его величием не будешь в состоянии говорить с ним”. Амир ответил: “во всяком случае, я пойду”. Он отправился вместе с визирем к Ходже Абу-Хафсу. Придя к нему, они застали его в мечети. Абу-Хафс молился. После намаза “пишин” (Намаз “пишин” полуденная молитва мусульман), когда имам дал приветствие, визирь вошел и сказал: “прибыл амир и просит позволения войти”. Ходжа Абу-Хафс сказал: “пусть войдет”. Ходжа сидел обернувшись лицом к кыбле. Амир вошел, сказал приветствие Абу-Хафсу, сел и не мог сказать ни одного слова. Ходжа, — милость Божия ему, — спросил: “что тебе угодно?” Сколько амир ни старался, не мог выговорить ни слова. Когда амир увиделся с Хашуей, последний спросил: “какое [75] впечатление произвел на тебя Ходжа Абу-Хафс?” Амир ответил: “я нашел его точно таким, каким ты мне его описал; я был поражен... Несколько раз в жизни мне приходилось представляться халифу; я говорил с халифом, и его величие не повергало меня в молчание; а здесь, пораженный величием Ходжи Абу-Хафса, я не мог выговорить ни слова”. Приводят рассказ со слов Мухаммада, сына Саляма, Байканди, который был подвижником и ученым, что он сказал: я видел во сне пророка, — да

благословит и да приветствует его Бог, — в Бухаре на базаре Харкан. (Базаром Харкан называлось в древности место от начала улицы магов до улицы дихканов. Увидел я его сидящим на том верблюде, о котором известно из предания (В книге *** (Степени пророчества) говорится, что у Мухаммада было больше 15 верблюдов для езды верхом и 45 дойных верблюдиц. Любимым верблюдом пророка был один, по имени Касва, от рождения имевший как будто обрезанное с одной стороны ухо, что и послужило поводом назвать его Касва. Этого верблюда пророк во время бегства в Медину (хадшрат) купил у Абу-Бакра. На этом верблюде пророк бежал в Медину; во всех путешествиях он также пользовался этим животным и откровения снисходили к пророку, преимущественно когда он ехал на этом верблюде. Другие верблюды не выдерживали на себе пророка, когда к нему снисходили откровения. Из верховых верблюдов Мухаммада еще известны упомянутые в указанной книге: Асба, Дждъа, Сарха, Мухазрама, Масрама, Маслаха, Махсарама. В данном случае следует предположить, что речь идет о верблюде Касва); на голове его была белая шапка. Множество людей стояли перед пророком; все они были в восторге, что пришел пророк, — мир ему, — но говорили: “куда мы поместим на ночлег пророк, — благословение Божие ему?” Наконец они предложили пророку остановиться в доме Ходжи Имама Абу-Хафса, — да будет милостив к нему Бог. Я видел Ходжу Абу-Хафса, как он сидел перед пророком, — да благословит и да приветствует его Бог, — и читал книгу. Три дня был в доме Ходжи Абу-Хафса пророк, — мир ему. — Абу-Хафс все время читал книгу, а пророк, — мир ему, — слушал и в эти три дня ни разу не поправил читавшего, а все чтение его признал правильным. Теперь жилища Ходжи Абу-Хафса, — милость Божия [76] ему, — не существует, несмотря на то, что люди неоднократно поправляли его; но следы этого дома остались; келья в этом доме тоже сохранилась и молитвы, совершаемые там, угодны Богу. Смерть его последовала в 217 году (832 г. по Р. Х.), могила его находится у ворот Нау (См. выше стр. 70) и пользуется известностью. Она служит местом молитвы угодной Богу, и этот холм называют холмом Ходжи Имама Абу-Хафса; там много мечетей и келий, там постоянно живут муджавиры (Люди, ночующие в священных зданиях, как в Каабе, в мазарах и т. п.). Землю этой могилы люди почитают священной и эту местность называют воротами *Хак-ра* (путь к истине), потому что сюда люди приходили за фетвами (Фетва — решение, высказываемое духовным лицом или целой корпорацией ученых по какому-нибудь религиозному вопросу) к Ходже Абу-Хафсу, — милость Божия ему. Фетва обозначалась словом хакк (истина); поэтому и за кварталом упрочилось это название. Седьмые ворота называли воротами Нау, потому что это — последние из всех городских ворот. Если в эти ворота войти, то на правой руке будет мечеть Корейшитов, которая находится недалеко от жилища Ходжи Абу-Хафса. Эту мечеть называют мечетью Корейшитов, потому что там был Мукатил сын Сулеймана, Корейшит. Этот Мукатил был учителем Хайяна, а Хайян был учителем Тальхи, сына Хубайры, Шайбани. Этот Хайян был знатный и влиятельный человек. Он отправился в Хорасан и примирил Кутайбу с Тархуном, царем Согда, в то время, когда неверные окружили Кутайбу у ворот Бухары. Потом Хайян снарядил в Фергане войско, которое убило Кутайбу. По его имени называют водоем (хауз) *Хайяна*. Могила Кутайбы в Фергане пользуется известностью; прах его покоится в окрестностях каравансарая Сарханг в селении, которое называется Кох. Туда постоянно из различных областей ходят люди на поклонение. Кутайбе было 55 лет, когда он стал шахидом, — да будет им доволен Бог. [77]

История династии Саманидов и их происхождения.

Асад, сын Абдуллы, Кушайри (У арабских историков *** Касри))) стал амиром Хорасана, прибыл туда и остался там до своей смерти в 166 (782) году (В другой рукописи, дата смерти Асада приурочена к 66 (685) году. Дата, приведенная в изд. Шефера очевидно ошибочна; Асад по арабским известиям умер в 120 г.(738 г. по Р. Хр.)). По преданию, он

был человек весьма добродетельный и храбрый. Он заботился о поддержке знатных и древних родов и почитал родовитых людей, как из арабов, так и из туземцев. Когда Саман-Худат, предок Саманидов, бежал из Балха и пришел к нему в Мерв, Асад встретил его с почетом, оказал ему поддержку, уничтожил его врагов и снова отдал ему Балх. Саман-Худат из его рук принял ислам. Его называют “Саман-Худат” потому, что он основал селение, которому дал название Саман, и его самого по имени селения так назвали, подобно тому, как амира Бухарского называли Бухар-Худатом. Когда у Саман-Худата родился сын, он из дружбы (к Асаду) дал своему сыну имя Асад. Этот Асад был дедом покойного амира Исмаила Самани, — да будет милостив к нему Бог. Исмаил сын (Читай *внук* и дальше *правнук* (в тексте после *Исмаил* пропущено *** ** сын Ахмада)) Асада, внук Саман-Худата, а Саман-Худат был из потомков Баграм-Чубин-Малика (Полководец в эпоху династии Сассанидов, восставший против правительства и бежавший к тюркам). С того времени могущество Саманидов увеличивалось с каждым днем и, наконец, достигло своей нынешней степени.

Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что Мухаммад, сын Джафара, приводит в своей книге со слов Мухаммада, сына Салиха, Лайси и Абул-Хасана Майдани, [78] известие, что во время Асада, сына Абдуллы, Кушайри, появился один человек, который стал проповедывать ислам жителям Бухары. Жители Бухары большею частью были зиммиями (Зиммиями в мусульманских государствах называют христиан, евреев и вообще представителей признанных законом религий, которым в случае нежелания перейти в ислам, оставляется жизнь, под условием уплаты “джизия” — подати) и платили подушную подать. Часть жителей согласилась и стали мусульманами. Царем Бухары был Тахшада. Он разгневался, потому что в душе был неверным. Он написал письмо амиру Хорасанскому Асаду, сыну Абдуллы, что в Бухаре появился человек, который вносит беспокойство в область и часть поданных возмутил против правителя. “Эти люди утверждают, что они стали мусульманами, но это лож: они только на словах приняли ислам, а в душе держатся прежних религиозных убеждений. Это служит им лишь для того, чтобы беспокоить население области и не платить хараджа”. Асад, сын Абдуллы, написал своему сборщику податей Шарику, сыну Хариса, и приказал схватить всех этих людей и сдать владетелю Бухары, чтобы тот распорядился с ними по своему усмотрению. Рассказывают, что все эти люди находились в то время в мечети и громким голосом произносили: “*Исповедуем, что нет Бога, кроме Аллаха, и, кроме того, исповедуем, что Мухаммад Его раб и посланник*”. Они еще зывали: “*О Мухаммад! О Ахмад!*”, а Бухар-Худат в это время рубил им головы, и никто не мог сказать ни слова, чтобы умиловить его. Таким образом, 400 человек были казнены; тела их были повешены на виселицах, а остальные были взяты в плен от имени Асада, сына Абдуллы, и отправлены к нему в Хорасан. Никто из этих людей не отступил от ислама; все, кто остался в живых, пребыли мусульманами, и Асад, сын Абдуллы, не старался заставить их отступить от ислама. Когда Тахшада умер, все те люди возвратились в Бухару. Бог знает лучше. [79]

Рассказ о Насре, сыне Саяра, и об убиении Тахшады.

В 166 году, (см. выше)) (782 г. по Р. Хр.) Асад, сын Абдуллы, умер, и Хишам, (Халиф Хишам (724—743)) сын Абдул-Малика назначил Насра, сына Саяра, амиром в Хорасан и послал ему указ на управление Хорасаном. Наср, сын Саяра, прибыл в Мавараннагр и начал войну за веру с тюрками. Он овладел Ферганой и жителей разослал по другим областям, потом снова возвратился в Самарканд. Когда Наср прибыл в Самарканд, Тахшада Бухар-худат вышел к нему навстречу. Наср хорошо его принял и оказывал ему почет, так как посватался за его дочь, а Тахшада отдал Насру верхние (Т. е. расположенные на возвышении, или выше по течению реки. (Ср. на стр. 31 изд. Шеф.) участки земли в Хунбуне, что называется “посевом Алидов” (В другой рукописи

упомянуто, что Тахшада, отдал Насру, сыну Саяра, Хунбун-и-муган, т. е. Хуноун магов. — Посев Алидов находился гораздо ближе к Бухаре. (Ср. стр. 27 изд. Шеф.)

Когда Тахшада пришел к Насру, сыну Саяра, Наср сидел у ворот своего дворца. Был месяц Рамазан; солнце стояло на закате. Наср заговорил с Бухар-худатом. В это время из Бухары пришли два дихкана, оба родственника Тахшады; оба они приняли ислам из рук Насра, сына Саяра, и происходили из очень знатного рода. Оба дихкана стали жаловаться Насру, сыну Саяра, на несправедливость Тахшады и рассказывали, что Бухар-худат насильно отнял у них деревни. Амир Бухары Васил, сын Амра, тоже был там, и дихканы жаловались и на него. “Оба они, — Бухар-Худат и Амир, — действуют заодно и отбирают у владельцев их имения”, говорили дихканы. В это время Тахшада стал что-то тихонько шептать Насру, [80] сыну Саяра. Дихканам показалось, что Тахшада тихонько просит Насра, сына Саяра, чтобы он приказал их убить... Они приняли свое решение и сказали друг-другу: “Если Бухар-худат хочет нас убить, то удовлетворим по крайней мере, свою месть”. Тахшада сказал Насру, сыну Саяра: “Эти два человека из твоих рук приняли ислам; о амир! зачем они носят на поясе кинжалы?”. Наср, сын Саяра, спросил дихканов: “Для чего вы носите на поясе кинжалы?” Они ответили: “Между нами и Бухар-Худатом существует вражда, и мы не считаем себя в безопасности от него”. Наср, сын Саяра, приказал Харуну, сыну Сияуша, снять кинжалы с пояса дихканов, и амир сердито посмотрел на них. Оба дихкана попятились назад и задумали убить их (т. е. Тахшаду, Бухар-Худата, и Василя, амира Бухары). Наср, сын Саяра, стал на молитву, произнес икамат (Второй и последний призыв к молитве), занял место имама и начал совершать намаз. Бухар-худат сидел на стуле и не молился, потому что он в это время был неверным втайне. Окончив намаз, Наср, сын Саяра, вошел в шатер и позвал Тахшаду. Когда Тахшада входил во дворец, на пороге у него поскользнулась нога, и он упал. Один из вышеупомянутых дихканов бросился к нему, ударил Бухар-Худата ножом и распорол ему живот. Другой дихкан догнал Василя, который еще был на молитве и ударил его кинжалом в живот. Василь, увидев дихкана, сам тоже ударил его саблей и отрубил ему голову; оба сразу умерли. Того дихкана, который ударил Бухар-Худата, Наср, сын Саяра, приказал убит. Бухар-Худата внесли в шатер. Наср, сын Саяра, положил его на свою постель, позвал врача Курайху и приказал ему лечить Бухар-Худата. Тахшада сделал завещание и через час скончался. Слуги его вошли, отделили мясо, а кости его перенесли в Бухару. Он 32 года был царем (В другой рукописи добавлено еще: “его Кутайба сделал царем”). Наср, сын Саяра, совершил похоронные молитвы [81] по убитом Василе, сыне Амра, и похоронил его в своем шатре; сына Тахшады Башра он утвердил Бухар-Худатом, а Халида, сына Джунайда, назначил амиром в Бухаре. Бог знает лучше.

Рассказ о Шарике, сыне Шейха Ал-Махри

(В другой рукописи Шарик назван сыном Магди. В арабских источниках, как в изд. Шефера.)

Был человек из арабов, который жил в Бухаре и отличался храбростью. Он принадлежал к шиитскому толку и приглашал людей признать халифат потомков повелителя правоверных Алиа, — да будет им доволен Бог. Он говорил: “мы теперь избавились от необходимости переносить Марванидов (т. е. Омайядов); нам не следует переносить Аббасидов. Необходимо, чтобы наместники пророка были из числа его потомков”.

Много народа собралось к нему. Абдул-Джаббар, сын Шуайба, который был тогда амиром Бухары, и тот стал его последователем. Амир Хорезма Абдул-Малик, сын Гарсамы (В другой рукописи тот же амир Абдул-Малик назван сыном Хузайля.), и амир Барзама (Неизвестный город) Мухаллад, сын Хусайна, также приняли учение Шарика, и все они

решились открыто проповедовать это учение, а с теми, кто не слушает их, решили воевать. Известие об этом дошло до Абу-Муслима, и он послал Зияда, сына Салиха, с 10.000 человек в Бухару. Он приказал ему остановиться, дойдя до Аму-Дарьи, и послать лазутчиков, чтобы узнать о положении мятежника Шарика (Харыджи *** называли сектантов ислама, отложившихся от Али, сына Аби Талиба. Потом этот термин стали применять к мятежникам вообще), а затем уже осторожно двигаться к Бухаре. Сам Абу-Муслим, — да будет милостив к нему Бог, — вышел из Мерва и по дороге к Аму-Дарье, на расстоянии одного перехода, расположился [82] лагерем. Сосредоточив свое войско со всех сторон в одном месте, он сказал Зияду, сыну Салиха: “я буду стоять на этом месте; если тебе понадобится войско, дай мне знать, и я тебе пришлю”.

Зияд подошел к Бухаре, и расположил здесь свои войска. Шарик, сын Шейха, с большим войском расположился лагерем у ворот Бухары, и все жители этого города присоединились к Шарик, чтобы сразиться с Абу-Муслимом. Бой длился 37 дней, и каждый день победа оставалась на стороне сына Шейха. Каждый день много воинов Зияда погибало в бою и попадалось в плен, до тех пор пока Сулейман Корейшит, патрон (Арабское слово *** одинаково означает клиента и патрона. О Хаяне-Набатейце см. выше стр. 61) Хаяна-Набатейца, с 500 воинами бросился к воротам города. Хамза-и-Хамадани вышел из города Бухары навстречу к нему. Сулейман отделил 400 воинов в засаду, а сам с 100 воинами вступил в бой с Хамза-и-Хамадани. Хамза подумал, что у его противника нет больше войска, кроме этих 100 человек, и потому перешел в наступление и вступил в бой с Сулейманом, но в это время 400 человек бросились на него из засады и перебили много народа, а остальные бежали в город. В это время Кутайба, сын Тахшады, Бухар-Худат пришел с 10.000 человек, поднял черное (В изд. Шефера по ошибке *** вместо ***. Черное знамя и черная одежда были отличительными признаками Аббасидов) знамя и вступил в бой вместе с Зиядом, сыном Салиха. Он приказал отворить ворота замков. У ворот Бухары было 700 замков. Хозяевам замков было приказано также поднять черное знамя. В этих замках было больше жителей, чем в самом городе; но среди горожан были арабы (В изд. Шефера пропущено ***), а в замках не было ни одного араба. Бухар-Худат приказал жителям окрестных селений и населению замков, чтобы они заперли ворота и не пускали войско Шарика, а также [83] не давали этому войску ни продуктов для продовольствия, ни фуража, а доставляли бы то и другое в лагерь Зияда. Во всех отношениях войско Шарика было так стеснено, что воины терпели лишения и голодали, и лошади их не имели корма и стали негодны для боя. Воины придумывали средства и, наконец, согласились подойти ближе к городским воротам, в надежде, что из города им доставят продовольствие и фураж, что они найдут опору в городе, нападут на врагов и что из города их поддержит другое войско. Днем идти они не решались, потому что лагерь Зияда и Бухар-Худата преграждал им путь. Войска двинулись ночью и не дошли до города всего на 1 фарсанг, как Зияд, узнав о их движении, выступил сам и преградил им путь. Окруженные врагами, они храбро сражались, и войска Зияда и Бухар-Худата были обращены в бегство. Бухар-Худат сказал: “самое лучшее для нас напасть на арьергард войска, потому что, если мы пойдем впереди их, они найдут случай так напасть на нас, что мы будем в опасности; когда же мы нападём на арьергард, авангард их в это время уже бросится в город, но скоро они возвратятся и вступят в бой, и для нас это будет выгодно”. Так и сделали: войска Зияда и Бухар-Худата остались сзади, дали части неприятельского войска пройти вперед, потом напали на арьергард и вступили в бой. Они двигались, сражаясь до Науканда. Бухар-Худат сказал Зияду, сыну Салиха: “войско Шарика испытывает голод; в этом году они не видали и не ели винограда и дынь; поэтому, когда они достигнут местности Науканда, оставим их в покое, чтобы они могли поесть винограда и дынь, а когда авангард их достигнет города, тогда мы нападём на них”. Войско Шарика достигло Науканда, и воины рассеялись, чтобы добыть винограда, дынь и фруктов, а авангард достиг города. Тогда Бухар-Худат и Зияд напали на войско

Шарика, многих воинов перебили, а остальные бежали. В это время Шарик, сын Шейха, который был причиной восстания этих людей, упал [84] с лошади и был убит. Зияд, сын Салиха, придя к воротам Мох, к тому месту, которое теперь называется мечетью Магак (Т. е. рва), остановился на берегу канала. Он приказал зажечь город, и пожар продолжался трое суток. Зияд приказал глашатаям возвестить народу, что каждый, кто к нему придет, получит прощение. Войско свое Зияд поставил подальше от города, чтобы горожане могли выйти. В эту ночь сын Шарика и один из высших его военачальников пришли к городским воротам. Их обоих взяли в плен и привели к Зияду, а он приказал повесить их. Настроение жителей города опять стало враждебным, и на приглашение выйти из города никто не вышел. Через три дня Зияд подошел к воротам города и остановился в замке Бухар-Худата, около ворот крепости, на Ригистане. Он приказал войску подойти к городским воротам, и воины снова вступили в бой. Войска сражались и произносили *такбир* (Т. е. Аллаху-акбар — Великий Боже!) так, что земля дрожала. Сражение стало упорным, некоторые знатные люди вышли из города, и вступили в бой у ворот *Аттاران* (Т. е. “продавцов благовонных трав”. Об этих воротах см. выше стр. 69) причем многие из жителей города погибли в бою. Зияд приказал, чтобы всякого, кого поймают из горожан, вешали на городских воротах. В конце концов Зияд овладел городом.

Покончив с Бухарой, он двинулся в сторону Самарканда. Там он тоже много воевал, а потом вернулся в Хорасан. Бог знает лучше.

Рассказ о появлении Муканны и его последователей из “людей в белых одеждах”.

Ахмад, сын Мухаммада, сына Насра, говорит, что Мухаммад, сын Джафара, в своей книге привел этот рассказ, [85] но не в полном виде. Ибрагим, автор книги “Известия о Муканне”, и Мухаммад, сын Джарира, Табари, рассказывают, что Муканна был человек родом из окрестностей Мерва, из селения, которое называется Каза; имя его было Хашим, сын Хакима. Он раньше занимался прачешным ремеслом, а потом предался изучению наук и собрал сведения всякого рода. Он изучил фокусничество, науку о способах обманывать и о талисманах; хорошо изучив фокусы, он начал также выдавать себя за пророка. Магди, сын Манеура, убил его в 167 году гиджры (Этой фразы в другой рукописи нет. Она относится к дальнейшему и в этом месте действительно излишняя). Муканна изучил способы обманывать и был очень хитрым человеком. Он прочел много книг по древним наукам и приобрел большое искусство в волхвовании. Отца его звали Хакимом, и он был одним из сархангов (См. выше, стр. 70) амира Хорасанского во время Абу-Джафара Даванаки (Т. е. халифа Мансура). Хаким был родом из Балха, а прозвание Муканны сын его получил потому, что ходил с покрытым лицом и головой, так как был очень безобразен и голова его была покрыта паршами и лысая. При этом он был кривой на один глаз. Он постоянно носил зеленое покрываю на голове и лице. Этот Муканна во время Абу-Муслима, вызвавшего движение (в пользу Аббасидов) был одним из сархангов Хорасана; потом он сделался визирем Абдул-Джаббара Аздийского (Абдул-Джаббар был наместником Хорасана около 141 г. (758 г. по Р. Хр.)). Муканна стал выдавать себя за пророка и некоторое время упорствовал в этом, так что, наконец, Абу-Джафар Даванаки послал за ним человека, привел его из Мерва в Багдад и на много лет заключил в темницу. Впоследствии Муканна избавился от заточения, снова явился в Мерв и, собрав людей, сказал им: “Знаете ли вы, кто я?” Народ отвечал: “Ты—Хашим, сын Хакима”. Муканна возразил: “Вы ошиблись: я — ваш Бог и Бог всего мира, — (прах ему в рот!) Я себя называю, [86] каким хочу, именем; я тот, что являлся пароду под видом Адама, а потом в виде Ноя, потом в виде Авраама, а потом в виде Моисея, потом в виде Иисуса, потом в виде Мухаммада— и да благословит и да приветствует его Бог, — потом в виде Абу-Муслима, наконец в том виде, как вы теперь меня видите”. Народ сказал ему: “Другие люди выдавали себя за пророков, а ты выдаешь себя за Бога”. На это он ответил: “То были

люди с земной душой, а я проникнут божественным духом; я был с ними и властен показаться в том виде, как захочу”. Муканна написал письма во все области и раздал их своим эмиссарам. В этом письме он писал: “Во имя Бога, милостивого, милосердного! Я Хашим, сын Хакима, сяд сядов. Такому-то, сыну такого-то. Слава Богу, кроме которого нет другого, Бога Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммада и Абу-Муслима. Подлинно, Муканне принадлежит сила, владычество, слава и свидетельство. Присоединитесь ко мне и знайте, что мне принадлежит царство, — (проклятие ему!), — мне принадлежит слава и достоинство Создателя. Кроме меня нет другого Бога, — (прах ему в рот!), — и всякий, кто за мной последует, будет в раю, а кто не последует, попадет в ад”. Муканна в это время был еще в Мерве, но разослал своих эмиссаров всюду, так что многих людей им удалось совратить с пути истинного. В Мерве был человек из арабов, по имени Абдулла, сын Амра. И он последовал за Муканной и выдал за него замуж дочь свою. Этот Абдулла перешел через Джайхун (Аму-дарья), прибыл в Нахшаб и Кеш и везде уговаривал народ перейти в веру Муканны, — (проклятие ему), — и многих людей совратил с пути истинного. В Кеше и окрестностях этого города последователи Муканны были особенно многочисленны. Первым селением, присоединившимся к этой вере и открыто ее исповедовавшим, было селение Субах (Такое чтение у Самани и Якута. Селение, по словам Самани, находилось окрестностях Гузара, в 6-ти фарсах от Несефа (Карши)) около Кеша; [87] начальником их был Амр из Субаха. Они подняли восстание и убили своего амира, благочестивого человека, который был из арабов. В области Согд большая часть селений перешли в веру Муканны; из селений Бухары многие стали неверными и открыто предавались неверию. Эти смуты приняли обширные размеры, и для мусульман настало время жестокого испытания: караваны грабили, а людей убивали, разграбляли селения и производили большие опустошения. Молва о Муканне широко распространилась в Хорасане. Хумейд, сын Кохтабы, который был амиром Хорасана, приказал схватить Муканну, но он убежал из своего селения и скрывался до тех пор, пока узнал, что в Мавараннагре много народа перешло в его веру и что эти люди стали открыто исповедывать новую веру. Тогда он вознамерился перейти Джайхун. Амир Хорасанский приказал караулить его на берегу Джайхуна, и отряд в 100 всадников постоянно совершал объезд по берегу Джайхуна, вверх и вниз по реке, чтобы, если Муканна станет переправляться, схватить его. Муканна с 36-ю людьми появился на берегу Джайхуна и приготовил плот (Слово *** собств. значит колья, ветки). Ему удалось переправиться через Джайхун, и он отправился в область Кеш. Эта область передалась ему, и народ принял его сторону. В горах Сам была очень сильная крепость и в ней канал с проточной водой, деревья и пашни. Была и другая, еще более сильная крепость. Муканна приказал исправить ее, собрал там много имущества и бесчисленное множество продовольствия и поставил караулы. Людей в белых одеждах собралось очень много. Мусульмане не могли с ними справиться; беглецы из них прибыли в Багдад. Халифом в то время был Магди. Он очень огорчился и послал много войска для войны с Муканной. Наконец, он сам прибыл в Нишабур для усмирения этой смуты. Он был в страхе, ибо существовало опасение, что ислам исчезнет совершенно, а вера Муканны распространится [88] по всему миру. Муканна между тем позвал тюрок и разрешил им кров и имущество мусульман. Из Туркестана много войск двинулось в надежде пограбить. Они разграбили области, жен и детей мусульман брали в плен и убивали. Прежде всего они появились в Бухаре. Толпа людей в белых одеждах из присягнувших Муканне пришла в селение, которое называлось Нумучкат (Вероятно, надо читать *** Бемиджкат — название селения в окрестностях Бухары); ночью они вошли в мечеть, убили муэззина с 15-ю людьми и перебили всех жителей селения. Это было в 159 (775 — 6) году. Амиром Бухары в то время был Хусаин, сын Мааза. Из главных сподвижников Муканны был один человек, родом из Бухары, по имени Хахим, сын Ахмада. С ним было еще три сарханга. Имена их были: Хишри, Багы, которые оба происходили из замка Фузайля, и третий Гирдак из Гыдждувана (На современных картах Гошдуван (к северу от Заряфшана)). Все эти три человека были

борцами, обманщиками, скороходами и ворами. Когда перебили жителей селения и известие об этом дошло до города, жители Бухары собрались, пошли к амиру и сказали: “Нам непременно следует сразиться с этими людьми в белых одеждах”. Хусаин, сын Мааза, со своим войском и казий Бухары Амир, сын Имрана, с жителями Бухары выступили в месяце раджабе 159г. (апрель — май 776 г.) и дошли до селения Наршах, которое теперь называется Нарджак, и расположились лагерем против неприятелей. Казий Бухары сказал: “Я попробую убеждением заставить их принять истинную веру, а вступать в бой с ними нам не следует”. Казий с благочестивыми людьми вошел в селение, чтобы пригласить жителей возвратиться на путь истины. Они ответили: “Мы того, что вы говорите, не знаем”. С каждым днем они сильнее проявляли неверие и наставлений не слушали. Наконец, началось сражение. Прежде всех вступил с приверженцами Муканны в бой человек, из арабов по имени Наим, сын Сахля; он [89] очень упорно сражался, много перебил людей, но, наконец, и сам был убит. Люди в белых одеждах потерпели поражение; 700 человек из них были убиты, а остальные спаслись бегством. Этот день окончился. На следующее утро они выслали парламентаря и просили пощады. Они сказали: “Мы стали мусульманами”. Мусульмане заключили с ними мир и написали мирный договор, причем люди в белых одеждах обязались не совершать разбоев по дорогам, не убивать мусульман, разойтись по своим селениям и подчиниться своему амиру. С них взяли клятвенное обещание именем Бога и Его посланника, и все известные в городе люди утвердили мирный договор своими подписями. Когда мусульмане отступили, люди в белых одеждах снова нарушили клятву и снова принялись разбойничать по дорогам, убивать мусульман и только что взошедшие зеленые колосья они свозили в крепость Наршах. Положение мусульман стало тяжелым. Махди, который был в то время халифом, послал для войны с Муканной своего визира Джабраила, сына Яхьи. Джабраил пришел в Бухару и расположил свое войско около Самаркандских ворот, чтобы отправиться для войны с Муканной. Хусаин, сын Мааза, пришел к нему и сказал: “Ты окажи мне помощь в борьбе с людьми в белых одеждах; сначала окончим это дело, а потом я с тобой пойду на Муканну”. Джабраил согласился, двинулся с войском и дошел до селения Наршах. Он приказал вырыть кругом селения ров, поместил в нем свое войско и приказал воинам бодрствовать, чтобы люди в белых одеждах не вышли и не напали на них врасплох. Как предполагал Джабраил, так и случилось: как только наступила ночь, люди в белых одеждах вышли, напали на них и нанесли им большой урон. Хусаин, сын Мааза, который был амиром Бухары, увидев это, оказал много любезностей Джабраилу и просил его остаться в Бухаре и не ходить в Кеш, пока здесь не будет окончено дело. Джабраил начал военные действия, и они сражались непрерывно четыре месяца, утром и вечером. Не было дня, когда бы люди [90] в белых одеждах не оставались победителями, а мусульмане находились в беспомощном положении и начали придумывать хитрости. Малик, сын Фарима, сказал: “Я посоветую хитрость”. Он приказал вырыть ров от места расположения войска до крепостной стены. Он послал туда вооруженных людей и приказал все место, которое они выроют, одевать деревом, камышом и землей и покрывать до тех пор, пока они не достигнут основания крепостной стены. Они выкопали подземный проход на протяжении 50 гязов (локтей) и укрепили столбами. Когда 50 гязов было вырыто, они все это пространство заполнили дровами, облили нефтью и зажгли, чтобы, когда сгорят столбы, крепостная стена обвалилась. Однако дрова не загорелись, потому что пламя разгорается только при ветре, а ветер в этом месте не мог проникнуть в крепость. Поставили камнеметные машины прямо перед той башней, под которой был наложен горючий материал, и стали метать камни; произошел пролом, ветру был открыт доступ и огонь сделал свое дело: загорелись столбы и на протяжении 50 гязов произошел обвал. Мусульмане стали рубить врагов саблями и много людей перебили, а остальные просили пощады и снова заключили договор на прежних условиях, обязавшись не причинять вреда мусульманам, вернуться в свои селения, послать своих начальников к халифу и не носить оружия. На этих условиях заключили мир и вышли наружу. Они

прошли по рву, но при этом спрятали свое оружие. Предводителя их, Хакима, Джабраил отдал своему сыну Аббасу и поручил отвести его в шатер и тайно убить там. Аббас исполнил при-казание отца, привел Хакима в шатер, а люди в белых одеждах издали смотрели. Джабраил пошел к шатру. Люди в белых одеждах послали Хашви (По другой рукописи *Хышири*, как выше в изд. Шефера. Последний, однако, считал правильным чтение Хашви; см. список опечаток персидского текста в изд. Шефера к стр.66), который был другом Хакима, к Джабраилу, передать ему следующие их слова: “Мы [91] без Хакима не пойдем”. Хашви был обут в новые сапоги ¹⁾). Когда он говорил вышеприведенные слова, пришел Аббас, сын Джабраила, и сказал: “Я убил Хакима”. Джабраил приказал стащить Хашви с лошади и сейчас же убить его. Люди в белых одеждах с криком обнажили оружие и начался бой. По приказанию Джабраила, все войско село на коней и вступило в бой. Битва была еще ожесточеннее, чем прежде; сражались упорно; наконец, люди в белых одеждах вторично потерпели поражение; много людей с их стороны было убито, а оставшиеся в живых — бежали.

Владетельницей селения Наршах была женщина; мужа ее звали Шарафом. Он был сархангом Абу-Муслима. Абу-Муслим, — да будет милостив к нему Бог, — убил его. Эту женщину привели к Джабраилу. При ней был слепой двоюродный ее брат, очень грязный и безнравственный. Джабраил сказал этой женщине: “Прости Абу-Муслиму его вину”. Женщина ответила: “Абу-Муслима называют отцом мусульман; какой же он отец мусульман, когда он убил моего мужа?” Джабраил приказал разрубить женщину надвое, и двоюродного брата ее также убили.

Гирдак пошел к Муканне, а Багы, который был тоже из них, был убит в сражении. Джабраил увез головы их в Согд, чтобы устрашить Согдийских людей в белых одеждах. У жителей Согда был амир из военачальников Муканны, по имени Согдиан. Жители Согда подчинились ему, и Джабраилу пришлось много сражаться с жителями Согда. Наконец, один бухарец убил этого Согдиана, и те люди рассеялись. Джабраил оттуда двинулся в Самарканд, и ему пришлось много сражаться с тюрками и людьми в белых одеждах, до тех пор пока амиром Хорасана стал Мааз, сын Муслима. [92]

В 161 (777—8) году Мааз пришел в Мерв, оттуда начал дело и пришел в пустыню на берегу Аму. Когда он прибыл в Бухару, дикканы собрали из жителей Бухары способных носить оружие, и набралось 570,000 человек. Мааз, сын Муслима, приказал заготовить побольше необходимых для войны предметов и снарядил 3000 мастеровых с топорами, граблями, сосудами для воды (В другой рукописи *** т. е. “палицами”, что по-видимому более вероятно.), секирами и вообще всякого рода мастеров, полезных в войске. Он приготовил камнеметы и стенобитные машины и с отлично вооруженным войском двинулся в сторону Согда. В Согде было много людей в белых одеждах, и еще пришло много войск тюркских. Амир Герата доставил из Герата 10,000 баранов и гнал их с собой. Мааз, сын Муслима, сказал ему: “Тюрки, враждебные нам, находятся недалеко; они очень любят баранину, а потому оставь этих баранов в Бухаре, или продай мне, чтобы я мог раздать их своему войску”. Тот не согласился. Подошел отряд тюрков. Они напади, отбили всех баранов и угнали их в местность между Арбинджаном и Зарманом (Два селения на большой дороге из Бухары в Самарканд, к югу от Заряфшана. Зарман находился в 7-ми фарсах от Самарканда, Арбинджан в 5 или 6 фарсах от Зармана). Войско двинулось за ними. Некоторые при этом были убиты, а некоторые разбитые возвратились. Мааз, сын Муслима, отправился в Согд и Самарканд и много сражался с тюрками и людьми в белых одеждах в продолжение двух лет. Иногда победа оставалась за ним, иногда была на стороне его врагов. По истечении двух лет, он попросил отставки, и амиром Хорасана стал Мусайяб, сын Зугайра-аз-Забби, в Мерве, в месяце джумадил-аввале 163 (январь-февраль 780) года; в месяце раджабе (март-апрель) он пришел в Бухару, а

амиром Бухары был Джунайд, сын Халида. Амир Хорасана послал его в Хорезм. В Бухаре был один из сархангов Муканны, по имени [93] Куляр-Тегин, с войском и организованной гвардией (Мусайяб); он несколько раз сражался с Хорасанским амиром.

Мухаммад, сын Джафара, приводит рассказ, что 50,000 человек из войска Муканны, из жителей Мавараннагра, из тюрок и прочих, собрались к воротам крепости Муканны и с земными поклонами просили, чтобы он удостоил их своего лицезрения, но не получили никакого ответа. Тогда они настойчиво стали умолять его и говорить: “Мы не уйдем, не удостоившись лицезрения нашего господина”. У Муканны был раб по имени Хаджиб. Муканна сказал ему: “Скажи моим рабам, — (прах ему в рот!) — что Моисей просил удостоить его моего лицезрения, и я не явился ему, потому что он не мог бы перенести этого; каждый, кто меня увидит — не выдержит и тотчас же умрет. Народ продолжал усиленно молить и высказывать свое желание увидеть Муканну. Они говорили: “Мы желаем удостоиться лицезрения. Если придется поели этого умереть, то и на это мы согласны”. Наконец Муканна обещал им, сказав: “Приходите в такой-то день, и я явлюсь вам”. Он дал приказание женщинам, которые были с ним в крепости в числе ста, из дочерей дихканов Согда, Кеша, Нахшаба, которые жили с ним. У него был обычай, что где бы ни была красивая женщина, ему сообщали, и он ее приводил и оставлял жить при себе. В крепости не было других людей, кроме этих женщин и вышеупомянутого приближенного раба. Что касается необходимого продовольствия, то ежедневно один раз отворялись ворота крепости, а вне крепости был один доверенный человек, который приготавливал все необходимое. Раб призывал этого человека, приносил в крепость продукты и снова запирали ворота крепости до следующего дня. При этом никто не видел безобразного лица Муканны, потому что зеленое покрывало всегда было на его лице. Итак, он приказал тем женщинам, чтобы каждая из них взяла по зеркалу и вышла на вершину крепости и чтобы они держали зеркала одно против другого. Когда лучи солнца упали на землю и все женщины [94] взяли в руки свои зеркала и держали их ровно, одно против другого, народ уже собрался; когда солнце осветило зеркала, то вследствие отражения, вся окрестность была залита светом. Тогда Муканна сказал рабу: “Скажи моим рабам, что Бог покажет им свое лицо, — пусть смотрят. Посмотрели они и увидели, что весь мир как бы залит светом; они испугались и все разом упали ниц, восклицая: “О Господи! этой силы и этого величия, что мы видели, довольно; если больше того увидим, то сердца (Собств. желчь) наши разорвутся (от страха)”. И так они лежали, распростертые ниц, до тех пор, пока Муканна приказал тому рабу: “Скажи моим приверженцам, чтобы они подняли свои головы от поклона, потому что Бог доволен ими и простил их прегрешения”. Люди подняли головы от поклона, но со страхом. Тогда Муканна сказал: “Все области я сделал для вас дозволенными; кровь, имущество и дети всех тех, кто ко мне не присоединится, вам дозволены”, — (прах ему в рот!) — Эти люди занялись тогда грабежом. Они хвалились перед другими, говоря: “Мы видели Бога”.

Причина гибели Муканны. Саид, который был амиром Герата, расположился у ворот крепости с большим войском. Он построил дома и бани и стоял там лето и зиму. Внутри крепости были родник воды, деревья и посева. Приближенные и военачальники с сильным войском были в крепости. Внутри крепости была еще другая крепость на вершине горы. Никто не мог войти в эту цитадель. Муканна с теми женщинами был в крепости (цитадели). Он имел обыкновение ежедневно кушать с этими женщинами, сидел с ними за столом и с ними пил вино. Так он выдерживал осаду 14 лет, пока амир Герата не стеснил его и пока его войско не расстроилось. Тот военачальник Муканны, который был в наружной крепости, открыл ворота и вышел из крепости с изъявлением покорности и принял ислам, Мусульмане [95] овладели наружной крепостью. Муканна понял, что он не будет в состоянии держаться во внутренней крепости. Мухаммад, сын Джафара, рассказывает со слов Абу-Али-Мухаммада, сына Харуна, который был из дихканов Кеша,

и говорил, что его бабушка была в числе жен, которых Муканна взял для себя и держал в крепости. Она рассказывала: “Однажды Муканна усадил своих жен есть и пить вино по своему обычаю и в вино прибавил яду. Каждой женщине он приказал подать особый кубок и сказал: когда я выпью свой кубок и вы выпейте свои. Все выпили, но я не выпила, а вылила вино себе за ворот, так что Муканна этого не заметил. Все женщины упали и умерли, и я упала между ними и притворилась мертвой, так что Муканна не догадался о моем положении. Муканна встал, посмотрел; счел всех женщин мертвыми и пошел к своему рабу. Он ударил его саблей и отрубил ему голову. В продолжение трех дней уже приказано было топить печь. Муканна подошел к печи, снял свое платье и бросился в огонь. Когда, он бросился, из печи пошел дым. Я подошла к печи и не заметила никаких признаков Муканны и ни одного человека живого не было в крепости. Причиной его самосожжения было то, что он всегда говорил: “Когда мои рабы возмутятся, я вознесусь на небо и оттуда приведу с собой ангелов, чтобы наказать людей. Поэтому он и сжег себя, чтобы народ подумал, что Муканна вознесся на небо, чтобы привести оттуда ангелов и подать им помощь с неба и чтобы таким образом вера его осталась в мире. “Потом эта женщина отворила ворота крепости, и Саид Харши вошел и взял всю казну.

Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что и теперь секта Муканны осталась в области Кеша и Нахшаба и в некоторых селениях Бухары, каковы напр, замок Улара, замок Хыштыван, селение Зармаз (Вероятно ошибка, вм. Зарман ***). У них нет никаких [96] сведений о самом Муканне, но они продолжают держаться его веры. Их секта такова, что они не молятся, не держат поста в месяце Рамазане, не совершают полного омовения после сношений с женщиной, но никому не причиняют вреда, а все обычаи свои хранят в тайне от мусульман и притворяются мусульманами. Говорят, что жен своих они считают дозволенными для всех мужчин в своей среде и утверждают, что женщина все равно, что цветок: сколько бы цветок не нюхали, его оттого не убудет. Когда мужчина приходит к женщине, чтобы остаться с ней наедине, то он помещает знак на дверях дома, чтобы муж этой женщины, когда при-дет, мог узнать, что к его жене вошел другой мужчина, и уходил бы прочь. Когда чужой мужчина оканчивал свое дело, муж входил в свой дом. У них есть раис в одном селении, и все ему подчиняются.

Рассказ. Говорят, что у них в каждом селении есть один человек, который имел право лишать невинности каждую девицу, назначенную в замужество тому или другому жителю селения. Потом уже лишенная невинности девица передавалась мужу. Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра говорит: “Я спрашивал у стариков селения, почему они столь великое наслаждение предоставили одному этому человеку, а всех остальных лишили того? Мне отвечали, что обычай их таков, что каждый юноша, достигший половой зрелости, до тех пор пока не возьмет женщину в замужество, удовлетворяет своим потребностям с этим человеком, а взамен того на первую ночь оставляет ему свою жену. Когда такой человек достигал преклонного возраста, на его место выбирали другого, и все люди этого селения постоянно имеют сношения с этим человеком. Такого человека называют Сукана. Однако, за справедливость сказанного я не ручаюсь; я слышал этот рассказ от древних стариков-крестьян и от жителей деревень“, Сохрани нас Бог от этого! [97]

Рассказ о начале владычества династии Саманидов, — да будет милостив к ним Бог.

Выше было рассказано, что у Саман-Худата был сын, которого он назвал Асадом, по дружбе к Асаду, сыну Абдуллы Кушайри (См. выше стр.77), а у Асада было четыре сына: Нух, Ахмад, Яхья и Ильяс. Когда Рафиг, сын Ляйса, восстал против Харун-ар-Рашида и взял Самарканд, Харун-ар-Рашид для военных действий против него прислал Харсаму, сына Ааюна. Рафиг укрепил Самарканд, и Харсама не мог с ним справиться. Маамун с

Харун-ар-Рашидом прибыли в Хорасан по причине этого события; Харун-ар-Рашид был очень озабочен этим делом. В таком положении, Маамун написал письмо к сыновьям Асада и приказал, чтобы они помогли Харсаме в борьбе с Рафигом. Сыновья Асада побудили Рафига заключить с Харсамой мир и посредством брака установили между ними родственные отношения, так что Харун-ар-Рашид освободился от этой заботы. Существовала опасность, что Рафиг овладеет всем Хорасаном; поэтому Маамун высоко ценил эту услугу. Во время этого путешествия Харун умер в Тусе, и Халифат перешел к Маамуну.

Гасон, сын Ибада, стал амиром Хорасана, и Маамун приказал ему, чтобы он дал детям Асада, сына Саман-Худата, уделы из городов Хорасана. Каждому он дал значительный город, смотря по их заслугам. Гасон, сын Ибада, назначил Нуха, сына Асада, амиром Самарканда, а Ахмада, сына Асада, амиром Мерва. Это было в 292 году (Дата очевидно ошибочна; вероятно, следует читать 202 (817—18 г)). Гасон был отозван из Хорасана, и Тахир, сын Хусаина, стал амиром Хорасана и утвердил эти области за ними (сыновьями Асада). Нуху, сыну Асада, который был старшим, дал он почетную одежду, и он оставался в Самарканде до самой смерти. [98] Нух назначил своим преемником брата своего Ахмада, сына Асада. Этот Ахмад, сын Асада, был человек ученый и благочестивый и оставался в Самарканде до своей смерти. Ахмад назначил себе преемником сына своего Насра, сына Ахмада, внука Асада. Когда тот воссел на место отца, от халифа Васик-Билляха (Халиф Васик-Биллях правил с 842 г. по 847 г. и здесь упомянут по ошибке) пришел диплом на его имя, что ему отдано наместничество над Мавараннагром. Это было в субботу, в начале месяца рамазана 251 года (Т. е. в сентябре 865г. По словам арабских историков, это событие произошло в рамазане 261 г. (июнь 875 г.), после падения династии Тахиридов (873 г.), которой принадлежала верховная власть в Хорасане и Мавараннагре).

Рассказ о начале владычества покойного (Мазы (прошлый, бывший, покойный) — прозвание Исмаила, как первого государя династии. См. конец следующей главы) амира Абу-Ибрагима-Исмаила, сына Ахмада, Самани.

Он был первым правителем из Саманидов. Действительно, он был достоин царского сана, был человеком умным, справедливым, милостивым, человеком правильных взглядов и решений. Он всегда повиновался халифам и преданность им считал для себя обязательной и необходимой. В субботу, в середине раби-уль-ахыра 287 (900) года, он в Балхе взял в плен Амра, сына Ляйса, овладел государством и царствовал в течение восьми лет. В 295 (907) году, он в Бухаре воссоединился с милосердием Божиим, — да будет над ним милость Божия и прощение грехов. Он родился (Слово *** очевидно ошибка вместо ***) в Фергане, в месяце шаввале 234 года (Май 849г). Когда ему было 16 лет, отец его умер. Амир Наср, старший брат Исмаила, высоко ценил его, а Исмаил служил амиру Насру. В месяце раби-уль-ахыре 260 (Янв.-февр. 874г) года, в Бухару пришел из Хорезма Хусаин, сын [99] Тахира-Таи. Между ним и жителями Бухары произошли стычки, и через пять дней он овладел городом. Он заставил жителей Бухары удалиться из города и окрестностей, многих перебил, а хорезмцам разрешил производить грабеж и конфискации. Они ночью насильно врываются в дома, взыскивали большой выкуп и отнимали имущество. Жители Бухары вышли сражаться против него (Т.е. Хусаина) и много людей было убито. Третья часть города сгорала. Наконец, жители города стали одерживать верх, и тогда он объявил им через глашатаев о помиловании. Люди, которые собрались, чтобы сражаться, и приготовились к бою, когда услышали о помиловании, разошлись, а некоторые даже возвратились в селения. Хусаин, сын Тахира, узнав, что люди разошлись, возобновил битву и убил много народу. Произошло новое восстание. Хусаин, сын Тахира, был обращен в бегство. Сражались целый день, а когда настала ночь,

Хусаин укрепил ворота замка. Толпа (***) вероятно ошибка вместо ***) наблюдала за воротами замка, чтобы схватить Хусаина. Он еще раньше собрал всю подать с Бухары исключительно диргемами гидрифи, поместил эти деньги у себя во дворце и хотел променять их на серебро, но не имел времени. В эту ночь он сделал пролом в стене замка и бежал со своими людьми нагой и голодный, а диргемы гидрифи остались в замке. Народ узнал об этом и разграбил его имущество. Многие люди разбогатели от этого имущества, так что признаки этого богатства оставались даже у их потомков. В городе говорили: “Такой-то разбогател, благодаря дворцу Хусаина, сына Тахира”.

Итак, Хусаин бежал, и после него каждому пришлось выдержать со стороны жителей Бухары много смут и вооруженных столкновений. Собрались ученые и благочестивые люди Бухары и явились к Абу-Абдулле Факыху, сыну Абу-Хафса Кябира, — да будет милость Божия на нем. Он был человек смелый. Они посоветовались с ним относительно дел Бухары. В [100] Хорасане не было амира, и Якуб, сын Ляйса, силой овладел Хорасаном. Рафиг, сын Харсамы, воевал с ним, и в Хорасане также были беспорядки; Бухара приходила в упадок от этих смут. Наконец, Абу-Абдулла, сын Ходжи-Абу-Хафса, написал письмо в Самарканд Насру, сыну Ахмада, внуку Асада-Самани, который был амиром Самарканда и Ферганы. Он просил его назначить в Бухару амира, и Наср послал в Бухару брата своего Исмаила, сына Ахмада. Амир Исмаил дошел до Кярмина, остановился там на несколько дней и отправил посла в Бухару к Хусаину, сыну Мухаммада Хавариджи, который был амиром Бухары. Этот посол несколько раз ездил туда и обратно, пока не порешили на том, чтобы амиру Исмаилу быть амиром Бухары, а Хусаину, сыну Мухаммада Хавариджи, быть его помощником и заместителем. На этих основаниях подчинилось и войско. Амир Исмаил послал Хавариджи ярлык на должность заместителя вместе со знаменем и почетной одеждой. Самого Хавариджи со знаменем и одеждой обвели вокруг Бухары, и бухарцы радовались. Это было во вторник, а в пятницу читали молитву о здравии Насра, сына Ахмада, а Якуба, сына Ляйса, вычеркнули из хутбы еще до прихода в Бухару амира Исмаила. Это была первая пятница благословенного месяца рамазана 260 года (т.е. 25 июня 874г.). Сын Ходжи Абу-Хафса Кябира, — милость Божия им обоим, — вышел навстречу. Лучшие представители Бухары из туземцев и арабов были при нем и сопровождали его до Кярмина. Абу-Абдулла приказал украсить город. Амир Исмаил раньше раскаивался, что он пошел в Бухару, потому что с ним не было многочисленной гвардии, и Бухара была охвачена междуусобиями и смутами. Ему даже не было известно, как жители этого города в душе относятся к нему. Когда Абу-Абдулла, сын Абу-Хафса, пришел в Кярмина, только тогда успокоился Исмаил, поняв, что, что бы ни сделал Абу-Абдулла, жители [101] города не в состоянии отменить это. Сомнения его исчезли. — Абу-Абдулла высказал ему много приветствий и успокоил его душу. Таким образом совершился въезд его в Бухару. Его приняли с почетом и торжеством. (Абу-Абдулла) приказал жителям города бросать перед ним много золота и серебра. Амир Исмаил схватил Хусаина Хавариджи и отправил его в тюрьму. Так прекратились в Бухаре смуты волею Всевышнего.

Рассказ о въезде амира Исмаила, — милость Божия ему, — в Бухару.

Это было в понедельник 12-го числа благословенного месяца рамазана 260 года (По счету, в зависимости от указаний выше, день этот приходится на вторник, как значится и в другой рукописи. По таблицам Вюстенфедьда, 12-е рамазана 260 г. (1-го июля 874г.) приходится на четверг). По этой причине город был умиротворен, и жители Бухары, избавившись от бедствий, стали наслаждаться спокойствием. В том же году амиру Насру, сыну Ахмада., был доставлен от халифа Муваффака-Билляха (Муваффака не был халифом, но был главным правителем государства в царствование его брата Мутамида (870—892 г.г.)) ярлык на владение всеми областями Мавараннагра, от реки Джайхуна до самых

восточных городов, и в Бухаре читали молитву о здравии амира Насра, сына Ахмада, и амира Исмаила, а имя Якуба, сына Ляйса Сафара, было исключено из молитвы. Амир Исмаил прожил в Бухаре некоторое время, а потом отправился в Самарканд, не ожидая приказаний от амира Насра. Сына своего, брата Абу-Закарию сына Яхьи, сына Ахмада, внука Асада, он оставил своим наместником в Бухаре. Когда он прибыл в Ришхан (Вероятно надо читать Рабинджан ***), амир Наср узнал об этом и остался недоволен, что он пришел без его разрешения. Амир приказал устроить ему встречу, но сам не вышел встретить его и никакого почета ему не оказал, а [102] приказал поместить его в Самаркандской крепости и назначил его военным начальником Самарканда. При этом он продолжал гневаться на него.

Амир Исмаил пошел на поклон, чего не делал раньше отправления в Бухару. Мухаммад, сын Умара, был назначен его помощником. Амир Исмаил приходил на поклон, стоял некоторое время, потом возвращался, но амир Наср не говорил с ним ни слова. Так прошло 13 месяцев. Наконец, в качестве заступников он привел своего двоюродного брата Мухаммада, сына Нуха, и Абдул-Джаббара, сына Хамзы, и они просили за амира Исмаила, пока Наср снова не послал его в Бухару. Исмата, сына Мухаммада-аль-Марвази, амир назначил визирем к Исмаилу, а Фазля, сына Ахмада-аль-Марвази, секретарем к нему. Теперь, амир Наср со всеми своими вельможами и приближенными вышел провожать амира Исмаила. В это время амир Наср повернулся лицом к Абдул-Джабару, сыну Хамзы, и сказал ему: “Абул-Фатх! я посылаю теперь этого мальчика... Что я могу ожидать себе, от него?” Абдул-Джаббар отвечал: “не говори так, потому что он раб твой” (В другой рукописи еще добавлено: “И исполнит все, что ты прикажешь”). Амир Исмаил прибыл в Бухару; жители города устроили ему встречу и с большим почетом ввели его в город.

В это время один разбойник собрал вокруг себя много народа из деревенских разбойников и развратников. Собралось 4000 человек, и все они разбойничали на дороге между Баркадом и Рамтином. Было близко к тому, чтобы они начали грабить и город. Амир Исмаил позвал к себе Хусаина, сына Ала (От него же получила название улица Ала (Примечание в тексте)), который был его военачальником и строителем бухарской стены (Ср. стр. 53 Шефер. изд. Перев. стр.71) и послал его сражаться с вышеупомянутыми разбойниками. Знатные и высокопоставленные жители Бухары решились помочь ему, пошли, вступили в бой с разбойниками, и те потерпели поражение. Хусаин, сын Ала, разбил их [103] окончательно, предводителя их захватил в плен, убил и привез его голову; он захватил также многих из его приверженцев. Амир Исмаил приказал их связать и отправить в Самарканд. Когда с этим делом покончили, получено было известие, что Хусаин, сын Тахира, с 2000 человек пришел к р. Аму с намерением напасть на Бухару. Амир Исмаил собрал войско, сколько мог, и пошел к нему навстречу. Вскоре получено было известие, что Хусаин, сын Тахира, переправился через Джайхун с 2000 человек хорезмийцев. Амир Исмаил сел на коня, вышел к нему навстречу, и завязался жаркий бой. Хусаин, сын Тахира, потерпел поражение; часть его воинов были перебиты, другие утонули в реке, а 70 человек были взяты в плен. Этот бой был первым боем амира Исмаила. Когда наступило утро, он призвал к себе пленных и каждому дал одежду из бумажной материи, а затем отпустил их. Хусаин, сын Тахира, ушел в Мерв, а амир Исмаил вернулся в Бухару и стал обдумывать положение государства. Он понял, что высокопоставленные люди в Бухаре не оказывают ему должного уважения и что в их глазах нет страха. Он не видел никакой пользы для себя в том, если они останутся вместе; поэтому он принял следующее решение: созвав некоторых высокопоставленных людей Бухары, он сказал: “Необходимо, чтобы вы отправились для меня в Самарканд, произнесли речь перед царем Насром и извинились за меня”. Они сказали: “слушаемся”. Они попросили несколько дней срока и затем отправились. Все эти люди были в Бухаре

амирами раньше амира Исмаила; Абу-Мухаммад Бухар-Худат был даже амиром Бухары. Абу-Хатим Ясари был очень богат, и по причине своего богатства не подчинялся им. Знатные люди Бухары вместе с этим человеком отправились в Самарканд. Амир Исмаил написал письмо амиру Насру, чтобы он связал посланных и заключил их в тюрьму, чтобы дать возможность ему, амиру Исмаилу, взять в руки Бухару. Амир Наср исполнил это и этих [104] людей некоторое время держал в заключении до тех пор, пока в Бухаре все успокоилось. Амир Исмаил снова написал письмо амиру Насру и просил отпустить заключенных. Потом он очень хорошо относился к ним, исполнял их просьбы и считал своим долгом уважать их права. Наср, сын Ахмада, раньше приказал амиру Исмаилу доставлять ему из доходов Бухары ежегодно по 500,000 диргемов. После этого ему пришлось вести войны; деньги были истрачены, и Исмаил не мог послать их. Амир Наср снова отправил людей за деньгами, но Исмаил не прислал денег (Вероятно вместо *** как в изд. Шефера, следует читать ***). Из-за этого между ними началась вражда. Амир Наср собрал войско и послал письмо в Фергану своему брату Абуль-Ашъасу и пригласил его придти с большим войском.

Другое письмо он послал в Шаш другому брату, Абу-Юсуфу Якубу, сыну Ахмада, чтобы он пришел со своим войском и привел с собой тюрок Испиджаба. Собралось много войска. После этого они двинулись по направлению к Бухаре, в месяце Раджабе 272 года (Декабрь 885 г. янв. 886 г.). Амир Исмаил, узнав об этом, очистил Бухару из уважения к брату и пошел в Фараб. Амир Наср пришел в Бухару, не нашел там амира Исмаила, пошел в Байкенд и там остановился. Жители Байкенда вышли к нему навстречу, обсыпали его серебром и золотом и поднесли ему множество подарков. Между амиром Исмаилом и Рафигом, сыном Харсамы, который в это время был амиром Хорасана, существовали дружеские отношения. Амир Исмаил написал ему письмо и просил помощи. Рафиг пришел со своим войском; река Джайхун замерзла, и он переправился по льду. Амир Наср получил известие о приходе Рафига и вернулся в Бухару. Амир Исмаил согласился с Рафигом пойти и взять Самарканд. Известие об этом дошло до амира Насра. Он быстро пришел в Таваис и загородил им дорогу. Амир Исмаил с Рафигом двинулись по степной дороге. Все [105] волости Бухары находились во власти амира Насра, и они в пу-стыне не находили продовольствия для людей и фуража для лошадей. В этом году был голод, и им пришлось очень трудно, так что в их войске один ман (Мера веса, тоже, что батман) хлеба стоил три диргема, и многие из войска Рафига погибли от голода. Амир Наср написал письмо своему сыну Ахмаду в Самарканд, чтобы он из Самаркандского Согда собрал воинов (Собств. “борцов за веру” — нечто вроде добровольной милиции.). Жители области не дали Исмаилу фуража и сказали, что они мятежники (“Хариджи” — не почитающие Алиа (4-го халифа); впоследствии это название прилагалось ко всякого рода мятежникам) и что поэтому грешно им помогать. Амир Наср был смущен приходом Рафига; он отправился в Кярмина, а они пошли вслед за ним. Рафигу один человек сделал наставление: “Ты оставил свою область и пришел сюда; если оба брата соединятся и сообща примутся за тебя, — что ты тогда в состоянии будешь сделать?” Рафиг испугался этих слов, отправил посла к амиру Насру и передал через него: “Я пришел не для войны, а для того, чтобы помирить вас”. Амиру Насру понравились эти слова, и они помирились на таком условии, что амиром в Бухаре будет другой человек, а амир Исмаил будет сборщиком хараджа, что доход дивана не будет принадлежать ему и в молитве (хутба) он не будет поминаться, а каждый год он обязан выплачивать 500,000 диргемов. — Он (Вероятно, — Рафиг) позвал Насра, сына Ахмада, призвал также Исхака, сына Ахмада, одарил его почетной одеждой и должность амира Бухары отдал ему. Амир Исмаил согласился на это. Амир Наср удалился, и Рафиг тоже ушел в Хорасан. Это было в 273 (886) году. После того прошло 15 месяцев, и амир Наср прислал человека с требованием дохода от амира Исмаила. Тот удержал подать и не послал ее. Амир Наср написал письмо Рафигу, так как он поручился в уплате денег. Рафиг [106] написал в этом смысле письмо

амиру Исмаилу, но амир Исмаил не обратил на это внимания. Тогда амир Наср вторично собрал войско, все из жителей Мавараннагра, а Абуль-Ашъас пришел из Ферганы, и они вторично двинулись в страну Бухары тем же порядком, как раньше. Они направились к Бухаре и достигли Кярмина. Амир Исмаил тоже собрал войско, пошел в Таваис, и здесь завязался бой. Сражение было упорное. Исхак, сын Ахмада, побежденный, ушел в Фараб. Амир Исмаил произвел сильное нападение на Ферганцев, и Абуль-Ашъас, будучи разбит, отступил в Самарканд. Жители Самарканда хотели схватить его за то, что он покинул своего брата и бежал. Абуль-Ашъас вернулся из Самарканда, и пришел в Ребинджан. Амир Исмаил взял в плен Ахмада Марзука, сына Мусы, и отослал его в Бухару. Вторично бухарское войско было разбито. Амир Исмаил остался на месте; у него осталось мало народа и между ними из знатных людей Сима-уль-Кябир (См. выше отр.39). Амир Исмаил послал человека и собрал всех бежавших ранее гулямов (Т. е. “рабов”. Так называлась также гвардия владетеля, большею частью состоявшая из купленных рабов) и клиентов. Он вернул из Фараба Исхака, сына Ахмада. Из воинов (***) см. выше. Вм. *** вер. следует читать ***) Бухары также выступили 2000 чел; из селений тоже собралось войско. Амир Исмаил всех их снабдил продовольствием. Амир Наср двинулся в Ребинджан, приготовил войско и снова возвратился. Амир Исмаил раньше его двинулся в селение Вазбадин, и там они сошлись. Завязался бой во вторник, 15 числа месяца джумади-ль-ахыра 275 (888) года. Амир Исмаил разбил войско ферганцев; Абуль-Ашъас обратился в бегство; все войско было расстроено. Амир Наср остался с небольшим числом людей и также был разбит. Амир Исмаил закричал на отряд Хорезмцев, отстранил их от амира Насра, слез с лошади и поцеловал его стремя. [107] (Дело в том), что принесли известие Сима-уль-Кябиру, рабу их отца и военачальнику амира Исмаила, а тот отправил человека и известил об этом амира Исмаила. (Между тем) Наср, сын Ахмада, слез с лошади, положил подушку и сел. Амир Исмаил подъехал, соскочил с лошади, подошел к Насру, поцеловал подушку, на которой тот сидел, и сказал: “Амир! Это дело совершилось по воле Божией... Мы теперь воочию видим его во всем его величии”. Амир Наср сказал: “Я удивляюсь тому делу, которое ты совершил; ты не подчинялся своему амиру и не исполнял повеления Веевышнего, тебе данные”. Амир Исмаил сказал: “Амир! сознаюсь, что я впал в ошибку, и вся вина на мне; ты выше меня по своей милости, так как отпускаешь мне этот великий грех и прощаешь меня”. В то время, когда они так говорили, другой брат Исхак, сын Ахмада, подъехал, но с лошади, не слез. Амир Исмаил сказал: “Эй, такой-то! Разве перед твоим повелителем тебе не следует слезть с лошади?” Он выругал его и очень разгневался на него. Исхак быстро слез с лошади, пал к ногам Насра, поцеловал землю и принес извинение, сославшись на то, что лошадь у него горячая и быстро слезть с нее невозможно. Когда он окончил эти слова, амир Исмаил сказал: “Амир! Тебе следует быстро возвратиться в свою столицу, раньше чем это известие достигнет тех мест; если там узнают, произойдет волнение среди Мавараннагра”. Амир Наср сказал: “О, отец Ибрагима! Это ты посылаешь меня на мое место жительства?” Амир Исмаил сказал: “Этого я не делаю... Что мне делать? отношения мои, как раба к своему господину, сводятся к тому, чтобы ты делал со мной все, что тебе угодно”. Амир Наср сказал слово, и из его глаз потекли слезы; он раскаялся в том, что произошло и что была пролита кровь; он встал и сел на лошадь. Амир Исмаил и его брат Исхак держали ему стремя, отпустили его и послали провожать его Сима-уль-Кябира и Абдуллу, сына Муслима. Они проехали один переход. После этого амир Наср [108] отпустил их назад и отправился в Самарканд. В то время, когда Наср, сын Ахмада, находился в плену, он говорил с теми людьми совершенно так же, как в те дни, когда он был амиром и сидел на троне, а они, стоя, служили ему. Амир Наср после этого через четыре года умер, за 7 дней до конца месяца джумади-ль-авваля 279 (892) года, и амира Исмаила сделал своим преемником над всеми областями Мавараннагра, а другому брату и своему сыну завещал повиноваться ему. Когда амир Наср умер, амир Исмаил из Бухары отправился в Самарканд, устроил государство, а его, Ахмада, оставил своим заместителем; тот из Самарканда начал

совершать походы. Амир Исмаил был амиром в Бухаре 20 лет, до тех пор, пока брат его не умер и не отдал ему весь Мавараннагр. Когда известие о смерти амира Насра дошло до амира правоверных Мутадида-Билляха (Халиф 892—902 г.г.), тот дал амиру Исмаилу документ на владения Мавараннагром в месяце мухаррам 280 (893) года. В том же году Исмаил пошел войной на Тараз и много пришлось ему потрудиться, прежде чем, в конце концов, амир Тараза вышел и принял ислам с многими дихканами, и Тараз стал мусульманской страной. Большую церковь обратили при этом в соборную мечеть и стали читать молитву за амира правоверных Мутадида-Билляха. Амир Исмаил пришел в Бухару с богатой добычей, 7 лет царствовал и был амиром Мавараннагра. В то время Амр, сын Ляйса, усилился, овладел частью Хорасана и направился к Мерву. Али, сын Хусаина, который был амиром и просил помощи у Ахмада, амира области Гузганиян (Область в северном Афганистане, где теперь города Андхой и Шибирхан), но, не получив благоприятного ответа, перешел Джайхун и пришел к амиру Исмаилу в Бухару. Амир очень обрадовался, вышел к нему навстречу с войском, ввел его с почетом и торжеством в Бухару и послал ему много подарков. Али, сын Хусаина, двинулся в Фараб и находился там 13 месяцев. Амир [109] Исмаил беспрестанно посылал ему подарки и хорошо к нему относился. Али, сын Хусаина, находился там до тех пор, пока его не убил сын его в сражении. Амр, сын Ляйса, написал письмо Абу-Дауду, который был амиром Балха, Ахмаду, сыну Фаригуна, который был амиром Гузгатына и амиру Исмаилу, который был амиром Мавараннагра и пригласил их подчиниться ему. Он предложил им хорошие условия. Они (Т.е. первые два) пришли, по его приказанию, и поступили к нему на службу. Посол, отправленный к амиру Исмаилу, когда пришел к нему, подал письмо, рассказал о подчинении амира Балха и амира Гузганиян и добавил, что Исмаил еще более должен выразить покорность, потому что он превосходит других величием и лучше знает достоинство царского сана, как потомок царского рода. Амир Исмаил дал такой ответ: “Твой начальник настолько невежествен, что ставит меня на одну доску с ними, а между тем они — мои подчиненные. Мой ответ тебе — на сабле; между мной и им не может быть ничего, кроме войны. Возвратись и скажи ему, чтобы он готовился к войне”. Амр, сын Ляйса, с амирами и знатными людьми советовался и просил у них помощи в деле с амиром Исмаилом. Он сказал: “Надо послать еще другого посла с мирными предложениями; надо дать ему выгодные обещания”. Потом он послал некоторых Нишабурских шейхов и некоторых из своих близких людей и написал письмо, в котором было сказано: “Хотя амир правоверных отдал эту область мне, но я делаю тебя соправителем; окажи мне дружбу, будь ко мне расположен, чтобы не имела успеха между нами никакая интрига, а пусть будут дружба и единство. Все, что мы говорили, раньше было сказано из опрометчивости; я от этого отказался. Теперь необходимо, чтобы ты охранял область Мавараннагр, потому что эта область граничит с владениями неприятеля, и оберегал подданных. Я уступил тебе эту область и не желаю [110] тебе, твоему дому и области ничего, кроме процветания и благоденствия”. (И так) он послал к нему нескольких знатных жителей Нишабура, а сам отправился к отцу (Вероятно, — к могиле отца) дал клятву и людей этих призвал в свидетели. Он сказал (Приводится клятва; обращение относится к Исмаилу): “Я никому, кроме тебя, не доверяю; необходимо, чтобы и ты относился ко мне с доверием; ты должен заключить со мною условие, которое укрепит нашу дружбу”.

Когда известие о действиях Амра, сына Ляйса, дошло до амира, он послал на берег Джайхуна людей, которым приказал не пускать их переходить реку; вещи, какие они доставили, не были приняты; с своей стороны, люди амира ничего не принесли и со стыдом их прогнали. Амр, сын Ляйса, очень рассердился, стал готовиться к войне и приказал Алию, сыну Суруша (По другой рукописи, сын Шарвина), который был его военачальником, двинуться с войском к Аму, остановить войско и не торопиться переправляться до особого с его стороны распоряжения. За ним он отправил еще другого

военачальника Мухаммада, сына Ляйса, с пятитысячным войском и приказал действовать совместно с Алием, сыном Суруша, беречь воинов, всякому, кто будет просить пощады, не причинять зла и хорошо обращаться с ним. Он приказал также приготовить лодки и послать вперед лазутчиков. Амр, сын Ляйса, посылал войска одно за другим. Амир Исмаил узнал об этом и быстро двинулся из Бухары с 20,000 людей. Он пришел на берег Джайхуна, напал на врагов врасплох ночью и ночью же переправился через Джайхун. Али, сын Суруша, узнал об этом, быстро сел на коня, снабдил воинов оружием, а пехоту выслал вперед и завязал сражение. Войска амира Исмаила нападали со всех сторон; сражение было очень упорное, и Мухаммад, сын Али, сына Суруша, отступил. Его поймали, и из знатных людей Нишабура также многие были взяты в плен. [111]

На другой день амир Исмаил обласкал воинов Амра, сына Ляйса, снабдил их продовольствием и отослал всех к Амру, сыну Ляйса. Военачальники его собственной армии сказали амиру Исмаилу: “Эти люди сражались с нами; ты их взял в плен, дал всем почетные одежды и еще отпустил их!” Амир Исмаил ответил: “Чего вы хотите от этих несчастных? дайте им идти к своему царю. Они вторично не придут воевать с вами и в других ослабят враждебные намерения”.

Амир Исмаил отпустил их и возвратился в Бухару с большим количеством серебра, одежды, золота и оружия. В продолжение года после этого, Амр, сын Ляйса, находился в Нишабуре и предавался грусти, тоски, горю и раскаянию. Он говорил: “Я отомщу за Алиа, сына Суруша, и его сына”. Амир Исмаил, узнав, что Амр, сын Ляйса, готовится к войне, сам стал собирать свои войска. Он обеспечил им продовольствие и, со всех сторон двинулся на врагов; он дал продовольствие всем достойным и недостойным, даже ремесленникам. Население осталось недовольно этим и говорило: “Неужели с этим войском намерен он воевать с Амром, сыном Ляйса?” Это известие дошло до Амра, сына Ляйса, и он обрадовался ему. Он находился на берегу Джайхуна. Из Хорезма (Дальнейшее, по-видимому, относится к действиям Исмаила) пришли к Аму Мансур, сын Каратегина (Тюркский титул (не название области)), и Парс Байкендский; из области Туркестана и Ферганы прибыло 30,000 человек, и 25-го числа месяца Зулькаада он послал в авангард Мухаммада, сына Харуна, а сам тоже двинулся на другой день, перешел Джайхун и отовсюду собрал войско к Аму. Из Бухары они пошли в город Хорезм и к следующему понедельнику окончили дело; оттуда пришли в Балх.

Амр, сын Ляйса, занял город и цитадель (Вероятно, — между словами *** пропущено **) и расположил войско впереди города, а затем кругом города провел ров. Понадобилось несколько дней, чтобы войско вошло (в окопы). [112] Потом он укрепил стены и объявил населению, что уйдет из города и успокоил его. Амир Исмаил послал в Фарьяб (Город в 6 днях пути к западу от Балха) Али, сына Ахмада, приказав перебить наместников Амра, сына Ляйса, и привести оттуда много добычи. Отовсюду амир послал людей, чтобы они убивали людей Амра, сына Ляйса, и доставляли добычу. Амир Исмаил прибыл в Алиабад, около Балха, и, остановившись там на 3 дня, увел оттуда войско. Он сделал вид, что хочет идти к молельне (праздничной (Речь идет, очевидно, о месте, имевшем такое же значение, как бухарский намазгах. (См. стр. 68)), и велел расширить ведущую к ней дорогу. Амр, сын Ляйса, заметив это, укрепил ворота с той стороны, поставил туда много войска и там же приготовил стенобитные машины и орудия. Он поставил засаду по дороге к молельне и занял место для войска. Наступило утро. Амир Исмаил (В тексте “покойный амир”. См. выше стр. 98) переменял путь, двинулся к воротам города по другой дороге и остановился у моста Ата. Амр, сын Ляйса, очень удивился этому; пришлось перевезти туда стенобитные машины. Амир Исмаил стоял там 3 дня, приказал отвести от города воду, разрушить стены, срубить деревья и исправлять дороги. Наконец, утром, во вторник, когда амир Исмаил с небольшим войском сел на коня и двинулся к воротам города, Амр,

сын Ляйса, выехал наружу и вступил с ним в бой. Сражение было упорное; воины Амра потерпели поражение, а войско амира Исмаила преследовало их по пятам, некоторых убивая, а других забирая в плен, и дошло до места, находившегося от Балха в расстоянии 8 фарсахов. Амра, сына Ляйса, заметили с двумя телохранителями. Один из них бежал, а другой сам бросился на Амра. После этого схватили Амра, сына Ляйса, и каждый утверждал, что он поймал Амра, сына Ляйса, но сам Амр говорил, что его схватил его же телохранитель. Он дал этому слуге 15 зерен жемчуга, стоимостью каждое в 70,000 [113] диргемов. Этот жемчуг у того раба отобрали. Была среда, 10 джумадил-аввала 288 (901) года, когда Амра, сына Ляйса, привели к амиру Исмаилу. Амр, сын Ляйса, хотел сойти с коня, но покойный амир не дал на это разрешения и сказал: "Сегодня я поступлю с тобой на удивление всем людям". Он приказал отвести Амра, сына Ляйса, в шатер и послал своего брата охранять его. Через четыре дня Амр, сын Ляйса, представился амиру (Исмаилу). Амир приказал спросить Амра, сына Ляйса, каким образом он попал в плен. Амр отвечал: "Я скакал, а, когда лошадь моя утомилась, я слез с нее и заснул. Потом я увидел, что два раба стояли у моего изголовья. Один из них схватил нагайку и ударил меня по носу. Я сказал: "Чего вы хотите от такого старика?" и стал заклинать их, чтобы они меня не убили. Они слезли с лошадей, поцеловали мои ноги, пощадили меня, и один из них посадил меня на лошадь. Собрались люди и спросили: "Что у тебя есть?" Я сказал: "У меня есть несколько жемчужин, стоимостью каждая в 70,000 диргемов". Я отдал им свой перстень, а они стащили сапог с моей ноги и нашли несколько других драгоценных камней. Меня нашли воины. Мухаммад-Ша отводил от меня людей, а я в это время издала увидел амира Исмаила. Я хотел слезть с лошади, но он заклинал меня (В другой рукописи вместо *** написано ***) своей душой и головой, чтобы я не слезал, и я успокоился. Меня отвели в шатер, и Абу-Юсуф сел со мной и охранял меня. Я попросил воды и мне дали сироп. Мне оказали почет и уважение. Наконец, пришел ко мне амир Исмаил, обласкал меня, дал обещание не убивать меня и приказал поместить меня в паланкин и с почетом отвезти меня в город. В Самарканд меня привезли ночью, так что никто из жителей Самаркандских не знал об этом. Амир Исмаил купил мой перстень у того человека, у которого он находился, за три диргема и, уплатив его стоимость, прислал перстень мне. Глазок у этого [114] перстня был из красного яхонта". Амр, сын Ляйса, сказал (еще): "В день боя у меня было 40,000 диргемов, но во время сражения у меня их отняли. Я был на такой лошади, которая в состоянии была пробежать 50 фарсахов. Я ее много раз испытывал; но в тот день она так ходила, что хотелось слезть с нее; когда же она попала ногами в канаву, я упал с нее и отчаялся в своем спасении. Вышеназванные два человека задумали убить меня. Я сказал человеку, который был со мной: сядь ты на мою лошадь. Он сел на лошадь, а я смотрел: лошадь (под ним) неслась подобно облаку. Понял я тогда, что лошадь подо мной не шла, потому что я утратил свое счастье и что лошадь не была виновата в этом". Амр, сын Ляйса, сказал амиру Исмаилу: "Я спрятал в Балхе 10 ишачьих вьюков золота; прикажи привезти его; теперь ты более достоин владеть им". Амир Исмаил послал человека; золото привезли, и он отослал все к Амру, сыну Ляйса,. Сам амир Исмаил, — милость Божия ему, — ничего не принял, сколько ни настаивали на том (другие).

От амира правоверных пришло в Самарканд письмо с требованием прислать Амра, сына Ляйса. Начало письма было следующее: "Я, Абдулла, сын Имама Абу-ль-Аббаса, Мутаид-Биллях, амир правоверных, отцу Ибрагима, Исмаилу, сыну Ахмада, клиенту амира правоверных. Когда письмо пришло к амиру Исмаилу, он был огорчен ради Амра, сына Ляйса, но приказание халифа необходимо было исполнить. Амир приказал отправить Амра, сына Ляйса, до Бухары в паланкине. Амир Исмаил от стыда (Стыд был вызван тем, что Исмаил, несмотря на свои обещания, должен был выдать Амра халифу) даже не взглянул на Амра, сына Ляйса, а послал человека спросить, не нужно ли ему чего-нибудь. Амр, сын Ляйса, ответил, что он просит позаботиться о его детях. Амир Исмаил исполнил

это и в паланкине отправил его до Багдада. Когда Амр прибыл в Багдад, халиф поручил его своему слуге Сафи и Амр оставался в [115] плену у Сафи до конца царствования Мутадида. Он два года находился в тюрьме, пока не был убит в 280 (893—4) году (Мутаидид однако правил до 289г.). Когда амир Исмаил прислал к халифу Аира, сына Ляйса, халиф прислал ему документ на владение Хорасаном, начиная от прохода Хульван (Горный проход недалеко от города Хамадана): область Хорасан, Мавараннагр, Туркестан Синд, Хинд и Гурган (Область к юго-востоку от Каспийского моря, (древняя Гиркания)), — все было отдано ему. В каждый город он назначил наместника и обнаружил свои добрые нравы. Всех, кто проявлял жестокость к населению, он наказывал, и никто из Саманидов не был строже его; хотя он (в жизни) был подвижником, но в государственных делах не допускал никаких послаблений. Он всегда подчинялся халифу и во всю свою жизнь ни на один час не возмущался против халифа; все распоряжения халифа он исполнял в точности.

Амир Исмаил заболел и некоторое время был болен; сырость была главной причиной этой болезни. Врачи сказали, что воздух Джуи-муллиан благоприятнее для его здоровья (Вероятно, — ошибка в тексте, так как очевидно Исмаила именно из Джуи-мулиана перевезли в Зарман), и его перевезли в селение Зарман, которое составляло его собственность, и сказали, что там воздух для него лучше. Амир сам любил это селение и часто ездил туда на охоту; там же он разбил сад. Несколько времени амир был там болен и наконец умер; он находился в том же саду под большими деревьями с белыми цветами. Исмаил умер 15-го числа месяца сафара 295 (907) года. Двадцать лет он был амиром Хорасана, а царствование его продолжалось 30 лет. Бог да будет милостив к нему за то, что в дни его царствования Бухара сделалась столицей. (После него) все амиры династии Саманидов жили в Бухаре, и ни один из амиров Хорасана прежде него (Исмаила) не устраивал в Бухаре свою резиденцию. Он считал пребывание в Бухаре счастливым для себя. [116] Его душа не находила успокоения ни в одной области, кроме Бухары; где бы он ни был, он говорил: “Мой город (т. е. Бухара) находится в таком-то положении”.

После его смерти, воссел на престол его сын, а его (Исмаила) прозвали Амир Мазы (“покойный амир”).

Описание царствования Амира Шахид-Ахмада, сына Исмаила Самани.

Ахмад стал амиром Хорасана (В другой рукописи, кроме упоминания всех имен амира Шахида в заглавии, еще повторяется: Ахмад, сын Исмаила Самани, стал). Его называют амир-Шахидом (Такое прозвание (собств. “мученик”) Ахмад, конечно, получил после смерти). Он в своих поступках походил на своего отца, был справедлив, относился к подданным вполне беспристрастно, и подданные его наслаждались тишиной и спокойствием. Отсюда (т. е. из Бухары) он отправился в Хорасан и стал обозревать свое государство. Он завладел Систаном; уже во время царствования покойного амира. Систан считался владением Ахмада. Оттуда он отправился в Бухару. Ахмад очень любил охоту. Однажды он для охоты выехал на берег Джайхуна и разбил палатку. Когда он возвратился с охоты, прибыл гонец и привез письмо от Абул-Аббаса, амира Табаристана. Он прочитал письмо, в котором было написано: “Хусаин, сын Ала, восстал и овладел большею частью областей Гурган и Табаристан, и мне по необходимости приходится бежать”. Амир был смущен и очень опечален; он помолился и сказал: О Боже! если суждено, что это царство будет отнято у меня, то позволь мне умереть”. Он вошел в шатер. У него был обычай, что каждую ночь к тому помещению, где спал амир, привязывали льва на цепи для того, чтобы он растерзал всякого, кто вздумал бы войти в эту комнату. В ту ночь, когда амир был огорчен, все его слуги тоже были [117] встревожены и забыли привести льва. Когда амир уснул, несколько воинов его вошли в комнату и обезглавили его. Это было в четверг

11-го числа месяца джумадил-ахыра 301 (914) года гиджры. Амира перевезли в Бухару, поместили в гробнице на кладбище Науканда и прозвали “Амир-Шахидом”. Так как в убийстве Ахмада заподозрили Абул-Хасана, то его привели в Бухару и повесили. Тех воинов, которые убили амира, частью нашли и казнили, а некоторые бежали в Туркестан. Царствование амира Ахмада продолжалось шесть лет, четыре месяца и пять дней.

Рассказ о царствовании амира Саида Абул-Хасана Насра, сына Ахмада, внука Исмаила Самани, — милость Божия ему.

Когда покончили с погребением амира Шахида, сыну его присвоили прозвище Саид. Ему было восемь лет от роду. Визирем его стал Абу-Абдулла Мухаммад, сын Ахмада Джайхани, а главнокомандующим Хамавия, сын Али. Хамавию называли основателем Хорасана. Сначала власть амира Саида была слаба, и повсюду появились смуты. Дядя его отца Исхак, сын Ахмада, склонял население Самарканда, чтобы оно ему присягнуло, и жители Самарканда ему присягнули. Сын его Абу Салих Мансур, сын Исхака, поднял восстание в Нишабуре и овладел несколькими городами Хорасана. Исхак, сын Ахмада, усилился в Самарканде. Амир Саид послал на войну своего главнокомандующего Хамавия, сына Али. Исхак был побежден, и войско пришло в Самарканд. Исхак вторично приготовился к бою; жители Самарканда выступили вместе с ним и сразились с Хамавия. Жители Самарканда были побеждены. Исхак, сын Ахмада, в третий раз вышел и в этот раз был взят в плен. Сын его Мансур, сын Исхака, был в Нишабуре и умер. (С тех пор) весь Хорасан и Мавараннагр составляли бесспорное владение амира Саида, а в Парсе, [118] Кирмане, Табаристане, Гургане и Ираке читали молитву с упоминанием его имени.

Рассказ. В 13-м году амир Саид из Бухары двинулся в Нишабур, а в Бухаре оставил наместником одного из своих родственников, по имени Абул-Аббаса Ахмада, сына Яхьи, внука Асада Самани. В это время в квартале Гардун Кяшан (Т. е. арбакашей) случился пожар, и огонь был так велик, что люди в Самарканде видели этот огонь. Жители Бухары говорили, что огонь этот сошел с неба. Весь квартал выгорел, так как потушить нельзя было. Между тем другие братья Насра возмутились и произвели много смут. В конце концов, Абу Закария, который был душою восстания, бежал с малым числом людей и без всяких средств отправился в Хорасан, а другие братья просили пощады. Амир Саид простил их и призвал к себе, и возмущение прекратилось.

Рассказ. Тоже в царствование амира Сайда Насра, сына Ахмада, внука Исмаила, в месяце Раджабе 325 (937) года, в Бухаре случился пожар, и все базары сгорели. Начался пожар из лавки приготовляющего халим (Халим — особое кушанье и теперь не вышедшее из употребления у Туркестанских туземцев, в особенности у мусульманских суфиев, в дни религиозных собраний дервишей. Немолотая пшеница долго варится в большом закрытом котле с бараниной и получается нечто в роде пшеничного киселя с мясом), у Самаркандских ворот, который взял золу из-под котла, где готовили халим, и внес на крышу, где была яма, чтобы ее заполнить; в золе был огонь, чего тот не знал. Ветер перенес искру на какой-то шатер (***) — шатер, где помещался сторож сада и т. п.), и шатер загорелся. Оттуда перенесло огонь на все базары. Квартал, расположенный у Самаркандских ворот, весь выгорел, и огонь носился в воздухе, как облако. Куи-Бакар (Собств. “улица девственников”), пассажи базара, мадраса Парчак, пассаж базара, где продавались калоши, базар менял и торговцев материями и все, что было в Бухаре в этой стороне, все сгорело до берега арыка. Искра перескочила (через арык); мечеть Мох [119] загорелась и вся сгорела. Она горела двое суток; жители Бухары ничего не могли сделать и только с большим трудом на 3-й день потушили пожар; но еще в течение месяца горели балки под землей. Жители Бухары потерпели убытка более, чем на 100,000 диргемов, и они уже не могли (после пожара) возобновить здания, как они были раньше.

Амир Саид царствовал 31 год. Он был справедливый царь и даже был справедливее своего отца; достоинства его были столь многочисленны, что если бы я захотел все пересказать, то это потребовало бы очень много времени. Когда он умер, сын его Нух, сын Насра, воссел на престол.

Рассказ о царствовании Амира Хамида Абу-Мухаммада Нуха, сына Насра, внука Ахмада, правнука Исмаила Самани.

Амир Хамид воссел на престол в начале шагбана 331 (943) года. Абу-Зар стал его визирем. Он был казием Бухары и в его время не было человека лучше его знавшего законоведение, и книга “Мухтасар-Кафи” — его сочинение. Когда амир Саид умер, каждый (из претендентов на престол) утвердился в каком-нибудь месте. Амир Хамид вышел из Бухары и двинулся в Нишабур. Абу-Али Исфаганский (Слово *** очевидная ошибка; по другим известиям Абу-Али происходил из Саганиана (ныне Гиссар); надо читать ***) был амиром Нишабура. Нух послал людей схватить его, очистил область (от врагов), а неподчинявшихся ему разгромил. Амир отдал Нишабур Ибрагиму, сыну Симчура. Абу-Али Исфаганский сказал сам себе: “Я утвердил за ним царство, а он власть отдал другому”. Абу-Али Исфаганский сказал Абу Исхаку Ибрагиму, сыну Ахмада, внуку Исмаила Самани: “Пойди в Бухару и овладей царством; если я тебе помогу, то амир с тобой не справится”. Абу-Исхак приготовил войско и открыто возмутился. Амир Хамид возвратился из Нишабура, [120] и Абу-Исхак напал на него. Между ними произошло сражение; амир был побежден и отступил в Бухару. Абу-Исхак, его дядя, пришел в Бухару за ним по следам, и в месяце джумадил-ахыр 335 (946 — 7) года подчинил себе все население Бухары, со всех мимбаров Бухары читали молитву с упоминанием имени Абу-Исхака. Спустя некоторое время, ему стало известно, что войско его изменило ему, вступило в соглашение с амиром Хамидом и задумало его убить. Он ушел из Бухары в Чаганиан. Амир Хамид назначил главнокомандующим Мансура, сына Каратегина, и послал его в Мерв, где он схватил и заключил в оковы Али, сына Мухаммада Казвини и, отослав его в Бухару, прекратил это возмущение. Амир Хамид в продолжение своего царствования воевал со многими желавшими овладеть его царством, и в 341 (952 — 3) году все области подчинились амиру Хамиду.

Амир Хамид умер в месяце раби-уль-аввале 343 (954) года, и царствование его продолжалось 12 лет. Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что Мухаммад, сын Джагфара Наршахи, написал эту книгу для Нуха, в начале его царствования, в 332 (943—4) году, и записал не все, что происходило в царствование амира Хамида. Таким же образом следующие события из истории династии Саманидов после амира Нуха стали нам достоверно известны, благодаря помощи Бога Всевышнего.

Рассказ о царствовании амира Рашида Абул-Фавариса, Абдул-Малика, сына Нуха, внука Насра, правнука Ахмада, праправнука Исмаила Самани, — да будет Бог милостив к ним всем.

Когда амир Хамид умер, народ присягнул амиру Рашиду, которому было 10 лет от роду, когда он вступил на престол. В это время достигло до жителей областей известие о [121] смерти амира Хамида, и каждый человек думал завладеть какой-нибудь областью. Ашъас, сын Мухаммада, внук Мухаммада, был послан в Хорасан. Ему пришлось много воевать в Герате и Исфагане; он подчинил область и еще продолжал военные действия, когда амир Рашид упал с лошади и в ту же ночь умер. Это была ночь на среду, спустя 8 дней от начала месяца шавваля в 350 (961) году. Царствование его продолжалось 7 лет. Когда его похоронили, войско возмутилось и произвело восстание. Каждый человек добивался власти, и начались смуты.

Рассказ о царствовании Малика Музаффара Абу-Салиха Мансура (Мансур был сыном Нуха (т. е. братом Абдул-Малика) и внуком Насра.), сына Насра, внука Ахмада, правнука Исмаила Самани.

Амир Садид воссел на престол, и войско присягнуло ему. Наступило согласие после долгих раздоров. Ему присягали в пятницу, а смерть его (Следовало сказать: смерть амира Рашида) последовала в месяце шаввале 350 (961) года. В это время военачальник Алп-Такин был в Нишабуре. Когда весть о смерти амира Рашида дошла до него, он вздумал идти на столицу, чтобы схватить амира Садиду. Амир Садид послал на него человека. Алп-Такин достиг р.Джайхуна и хотел переправиться, но не мог, потому что пришло много войска; он решил вернуться в Нишабур, в свою область. Амир Садид написал письмо Мухаммаду, сыну Абдурразака, в Нишабур, чтобы он не впускал в Нишабур Алп-Такина. Алп-Такин, узнав об этом, понял, что ему нельзя идти в Нишабур; поэтому он перешел Джайхун и Аму, пришел в Балх, овладел Балхом и открыто возмутился.

Амир Садид послал Ашъаса, сына Мухаммада. Тот воевал с Алп-Такином и, наконец, прогнал его из Балха. Алп-Такин двинулся в Газну. Ашъас, сын Мухаммада, [122] двинулся за ним по следам в Газну. Там они снова сразились. Алп-Такин вторично потерпел поражение и снова бежал в Балх. Снова амир Садид помиловал его, и после возмущения и продолжительной войны, Алп-Такин пришел к нему на службу. В это время амир Садид послал много войск в различные области и очистил государство (от мятежников); больше у него не оставалось соперников. Он взял и область дейлемитов и заключил с ними мир на таком условии, чтобы они платили ежегодно 150.000 диргемов Нишабурских. Амир Садид умер в воскресенье, 16 числа месяца Мухаррама 365 (975) года. Его царствование продолжалось 15 лет и 5 месяцев. Бог лучше знает (Здесь кончается “История Наршахи” в издании г.Шефера. В другой рукописи нет помещенных у Шефера: рассказа о царствовании амира Саида (стр. 92) и о царствовании амира Хамида (стр. 94), но зато, сверх текста, издан. Шефером, есть в самом конце еще одна глава, которая и приводится ниже.).

Рассказ о царствовании амира Саида Абул-Касыма (Имя его было Абул-Касым Нух), сына Мансура, внука Нуха, правнука Насра, праправнука Ахмада, прапраправнука Исмаила Самани.

Когда амир Садид в воскресенье умер, то в понедельник сын его сел на царство. Ему присягнули, и Абу-Абдулла Мухаммад Джейхани, сын Ахмада, стал его визирем и тоже сел и просил прощения (Текст не ясен, слова *** вероятно, означают “подал в отставку”). После него были 2—3 других визиря до тех пор, пока амир Ахмад, сын Абдуллы, внук Азиза, стал визирем и государственные дела пришли в цветущее состояние. Аббас-Талп был военачальником, но он был смещен и государственные дела пришли в цветущее состояние (Эта фраза повторена в рукописи, вероятно, по ошибке). Абу-Хасан-Махмуд, сын Ибрагима, стал главнокомандующим. Абул-Аббас произвел восстание и бежал в Нишабур. Его [123] сыновья (т. е. сыновья Абул-Хасана Махмуда) Абу-Али и Абул-Хасан пошли в Нишабур и разбили его в 377 (987 — 8) году. Таш из Нишабура бежал и пошел в Гурган. Али, сын Хасана, вступил в дружбу с ним и привел его в Гурган. Военачальник Абул-Хасан Мухаммад (Выше Махмуд; по другим известиям — Мухаммад), сын Ибрагима, умер в конце Зуль-Каада 378 (989) года, и сын его Абу-Али стал после него главнокомандующим. Амир Саид поссорился с ним и сменил его. Другой военачальник Абул-Хасан-аль-Файку-ль-Хасса, посланный амиром, пошел в Мерв в Зульхиджа 378 (989) года от бегства пророка, — да благословит и да приветствует его Бог. После него (т. е. после амира Саида) Абул-Харис Мансур, сын Нуха, правил год и 9

месяцев. Телохранители схватили его в Сарахсе, и царство династии Саманидов ушло из их рук. Бог знает истину лучше.

Окончена дошедшая до нас часть истории Наршахи в джумади-с-сани 800 (?) года от бегства пророка, — да благословит и да приветствует его Бог. Рукопись написана в 1213 (1798) году.

“ИСТОРИЯ БУХАРЫ” НАРШАХИ

(К истории сложения текста и о задачах его издания)

“История Бухары”, или, как ее принято называть, “История Наршахи”, принадлежит к числу сочинений, посвященных истории отдельных городов и появившихся как литературный жанр в IX в. Такие сочинения, естественно, имели локальное значение. Ни одно из таких сочинений по истории Средней Азии, как известно, не дошло до нас в своем первоначальном виде. Они неоднократно перерабатывались и дополнялись. Поэтому такие труды, как правило, имеют свою историю, зачастую сложную. Не представляет исключения и “История Бухары”.

Это сочинение в том виде, в каком оно до нас дошло, является своеобразной уникальной энциклопедией по истории (в широком смысле этого слова) Бухары - одного из важнейших культурных центров Средней Азии. Значение труда вряд ли может быть переоценено.

Общую характеристику историй городов, закрепившихся в IX в. как форма местной, региональной географии наряду с общими географическими сочинениями, мы находим в капитальном труде И.Ю.Крачковского “Арабская географическая литература”¹. В Средней Азии, так же как и в остальном мусульманском мире, возникновению городских хроник способствовал интерес мусульман к истории своих священных мест, вместе с тем их интересовала и домусульманская история города, домусульманские среднеазиатские культы и местные предания, что и придает таким историям особую ценность.

Об “Истории Наршахи” И.Ю.Крачковский пишет следующее: “Историки Средней Азии давно оценили ее значение и подвергли систематическому изучению. Последовательные редакции, сокращения и дополнения едва ли оправдывают название ее именем ан-Наршахи, но и в этом виде она сохранила ряд отсутствующих в других источниках сведений о Средней Азии до ислама и арабских завоеваниях; также ценны сообщения географического характера о поселениях в бухарском округе, постройках, продуктах, пережитках доислам- [156] ского быта”². К этому еще можно добавить, что, будучи первоначально написана для светского правителя, “История Бухары” содержала ограниченное число мусульманских преданий и известий о местных святынях и связанных с ними ритуалах. Вместо них труд включал часть, носившую чисто исторический характер: экскурс по истории Саманидов.

“История Бухары” пользовалась особой популярностью в Средней Азии в конце XVI в., в XVIII-XIX вв. и даже в XX в., судя по большому количеству рукописей, относящихся к этому времени. В 1894 г. этот труд был издан литографским способом в Новой Бухаре (Кагане); в 1904 г. вышло его второе литографированное издание.

В России и на Западе первые рукописи сочинения появились во второй четверти XIX в. (вывезены из Средней Азии Бернсом в 1832 г. и Ханыковым в 1841 г.). В 1858 г. П.И. Лерх привез из Хивы и Бухары большую коллекцию рукописей, среди которых имелся еще один список “Истории Бухары”. Этот список, как полагают, впоследствии принадлежал И.Шеферу, а после его смерти был передан в Парижскую Национальную библиотеку, где находится и в настоящее время.

В отличие от многих трудов “История Бухары” почти сразу же после появления ее рукописей в европейских хранилищах вошла в научный обиход. Уже в 1843 г. выходит работа Н.В.Ханыкова о Бухаре, в исторической своей части во многом основывающаяся на этом новом источнике³. За ней следуют другие: в 1873 г. появляется популярная работа А.Вамбери “История Бухары”⁴, а в 1879 г. П.И. Лерх публикует свою известную работу о бухархудатах, в которой впервые исследуется денежное обращение Бухары; в ней ученый использует интересный раздел этого сочинения о чеканке серебра в Бухаре⁵.

Первые публикации текста “Истории Бухары” относятся к концу XIX в. В 1883 г. Ш.Шефер издает извлечения из “Истории Бухары” в своей хрестоматии, а в 1892 г. публикует весь текст произведения на основе двух рукописей⁶. В 1897 г. выходит первый, русский, перевод сочинения, сделанный Н. С.[157] Лыкошиным и снабженный краткими примечаниями. Перевод подготовлен на основе рукописи, как можно полагать, восходящей к списку конца XVI в. Перевод отредактирован В.В. Бартольдом⁷.

Вслед за этими изданиями в 1899 г. появляется первое исследование об орошении Бухарского оазиса в древности, которым мы обязаны тонкому знатоку Средней Азии Н.Ф. Ситняковскому⁸, и, наконец, в 1900 г. выходит в свет капитальный труд В.В.Бартольда “Туркестан в эпоху монгольского нашествия”⁹. В.В.Бартольд определяет место “Истории Бухары”, или, как он ее называет, “Истории Наршахи”, в круге историко-географической литературы раннесредневекового периода и широко использует ее материалы по исторической географии и топографии города и его районов.

После выхода труда В.В. Бартольда “История Наршахи” прочно заняла свое место в ряду важнейших источников по истории Средней Азии, и материалы ее привлекаются как русскими, так и зарубежными учеными.

В 1939 г. выходит новое издание “Истории Бухары” в Тегеране, а в 1954 г. — новый перевод этого труда на английский язык, выполненный Р. Фрайем¹⁰. Новый перевод снабжен обширным комментарием и вводной статьей. В комментарии автору удалось собрать почти исчерпывающий библиографический материал.

В связи с широко развернувшимися за последние десятилетия археологическими работами в Средней Азии и с углубленным изучением истории края и его исторической географии растет интерес к “Истории Бухары” и ее известиям о домусульманской Бухаре. З.А. Шишкин широко привлекает материалы источника для восстановления топографической карты края в свете своих археологических работ в Бухарском оазисе¹¹; подготовленная им [158] карта позволит впервые составить реальное представление о взаимоотношениях данных археологии и письменных источников. Уже в первых его работах, относящихся к двадцатым годам, исследуются известия “Истории” об образовании Бухарского оазиса и его орошении. О.А.Сухарева исследует материалы, заключенные в “Истории Бухары”, по исторической топографии¹² города.

Казалось бы, что после такой большой работы исследователей над сочинением критический текст его должен был быть установленным. Однако это не так, и до сих пор в нашем распоряжении еще нет отредактированного текста. Неразрешенным остается также и второй важный вопрос - история сложения текста. До сравнительно недавнего времени считалось, что это сочинение в том виде, в котором оно до нас дошло, представляет лишь переработку сокращенного перевода на персидский язык “Истории Бухары” Наршахи. Известно, что “История Бухары” в своем первоначальном виде была написана на арабском языке Абу Бакром Мухаммедом б. Джафаром ан-Наршахи для Саманида Нуха б. Насра около 933 г. В первой четверти XII в. она была переведена на персидский язык Абу

Насром Ахмадом б. Мухаммедом Кубави. В третьей четверти XII в. перевод Кубави был переработан Мухаммедом б. Зуфаром для бухарского садра Абд ал-Азиза II. Позднее труд Мухаммада б. Зуфара, как это отмечено В.В.Бартольд, был продолжен неизвестным автором до времени монгольского нашествия. В настоящее время исследователи, работающие над этим сочинением, пришли к заключению, что “История Бухары” Наршахи не только была переведена на персидский язык и сокращена, но и во многом дополнена ее интерпретаторами. По этому вопросу существуют разные мнения. Согласно одному из них, высказанному Р.Фрайем, “История Бухары” в настоящем своем виде представляет труд Наршахи, переведенный на персидский язык Кубави, сокращенный и дополненный Мухаммедом б. Зуфаром, с последующими еще более поздними разновременными дополнениями и изменениями¹³. Согласно другому мнению, высказанному О.А.Сухаревой, Кубави, и только он, является своеобразным соавтором Наршахи, лицом не только переведшим и сократившим его труд, [159] но и дополнившим его, тогда как “работа Мухаммеда ибн Зуфара над текстом Кубави остается совершенно неясной для читателя”¹⁴.

Не разрешен также вопрос о редакциях дошедшего до нас текста сочинения. Вопрос о вариантах “Истории Бухары” был затронут иранскими учеными и Р.Фрайем, которые указали на существование двух версий этого труда. Одна представлена в основном списками среднеазиатских собраний СССР; к этой группе, как отметил Р.Фрай, относится литографированное бухарское издание 1904 г. Вторая редакция - “иранская” представлена иранскими и стамбульскими рукописями (по месту хранения), которые составляют одну группу с рукописями XVI в., легшими в основу как парижского издания 1892 г., так и тегеранского 1939 г. Версии отличаются лишь вводной частью; для первой из них (среднеазиатской) характерен более распространенный вариант введения¹⁵. Такая общая характеристика, естественно, не дает сколько-нибудь четкого представления о характере намеченных редакций.

Таковы результаты исследования текста сочинения и истории его сложения.

Автор настоящей статьи ознакомился со списками двух крупнейших собраний нашего Союза - собрания Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР и Института востоковедения АН УзССР. В ташкентском собрании АН УзССР оказался 21 список “Истории Бухары”, в собрании Института народов Азии - 8. Большинство просмотренных списков относится к XVIII или XIX в. Два из них (ИБ АН УзССР 1507 и 4355Д1), судя по колофону, восходят, возможно, к одному и тому же списку, относящемуся к началу XIV в. К тому же списку должна восходить также рукопись, которую положил Н.С. Лыкошин в основу своего перевода, так как у нее, судя по переводу, имеется такой же колофон.

Самый ранний список “Истории Бухары”, хранящийся в этих собраниях, представлен рукописью ЛО ИНА В-675. Рукопись написана хорошим мелким насталиком на лощеной бумаге. Даты она не имеет, но ее можно датировать по сборнику, в который она включена, переписанному одним и тем же переписчиком. Первым сочинением в этом сборнике стоит “Китаби Муллазада”, дата переписки которого 1008/1599-1600 г.

Ни в одном из просмотренных списков “Истории Бухары” в самом сочинении его название не приводится. Оно встречается только в колофонах рукописей, где кроме широко известного названия “Тарихи Наршахи”, встречаются другие: “Тахкики вилайат” (“Исследование об области”) - рук. ИБ АН Уз.ССР N 2110, видимо, “Тахкики вилайати Бухара” (“Исследование о Бухарской области”) и “Тарихи Наршахи джаид” (“Новая история Нарша- [160] хи”) - рук. ИБ АН УзССР № 1862Д, последнее, несомненно,

заслуживает внимания. С аналогичным по смыслу названием мы встречаемся еще в одной рукописи, в колофоне которой идет речь о “Нусхайи джадиди Тарихи Наршахи” (“Новом списке истории Наршахи”) - рук. ЛО ИНА В-673. В одной из рукописей (ИБ АН УзССР № 1507) встречается название “Тарихи имами Наршахи”, в другой - “Таварихи Наршахи” (“Истории Наршахи”). Еще одно название - “Ахбари Бухара” (“Известия о Бухаре”) - засвидетельствовано в сочинении “Китаби Муллазаде”, написанном не позже первой четверти XV в.¹⁶, и, следовательно, ее автор имел в своем распоряжении список “Истории”, в колофоне которого было приведено именно такое наименование; но могло быть и так, что название “Ахбари Бухара” было общепринятым в его время; второе менее вероятно. Оба последних названия говорят о том, что наше сочинение уже в XIV в. рассматривалось как собрание отдельных экскурсов (известия) о Бухаре, каким собственно оно и является.

По характеру предисловия рукописи можно разделить на три группы. К первой из них отнесем условно рукописи типа, легших в основу издания Шефера и восходящих к списку XVI в. В этих списках текст начинается с басмалы и нескольких слов славословия, за которыми непосредственно следует своего рода введение - сообщение со слов Кубави о книге Наршахи, о времени ее написания и о ее содержании, известия (в первом лице) Кубави о причинах, почему книга была им переведена на персидский язык, и, наконец, сообщение, также в первом лице, но уже в уничижительной форме (камтарини бандаган “ничтожнейший из рабов”), Мухаммеда б. Зуфара о том, что книга Кубави сокращена им для бухарского садра Абд ал-Азиза II из династии Али Бурхан (например, рук. ИБ АН УзССР 4447 и рук. ЛО ИНА В-675; см. приложение). В рукописях второй группы непосредственно за славословием следует предисловие Мухаммеда б. Зуфара в виде посвящения, написанного в первом лице, в той же уничижительной форме, где сообщается, что данный труд был им сокращен для бухарского садра Абд ал-Азиза II и ему подносится. За этим посвящением идет введение, такое же, как в рукописях первого варианта (первой группы), в связи с чем сведения о сокращенной версии Мухаммеда б. Зуфара оказываются повторенными дважды. Введению предпосылается заголовок: “Агизи китаб” “Начало книги” (ИБ АН УзССР 5388/II, 46УП, 3390; ЛО ИНА В-674 и бухарская литография 1904 г.). Наконец, третья группа рукописей (наиболее многочисленная) воспроизводит предисловие и [161] введение рукописей второй группы, кроме повторного известия о сокращенной версии Мухаммеда б. Зуфара (ИБ АН УзССР 1862; ЛО ИНА В-673 и др.); в некоторых рукописях группы во введении переписчики сохраняют дату обработки *** “А в течение пятьсот семьдесят четвертого года...”, опустив дальнейший текст (ИБ АН УзССР 4465, 1507, 1494, 4355/II, 2212/I, 47/II; ЛО ИНА В-671/III, С-1589, С-1677). По содержанию основного текста списки “Истории Бухары” делятся на две группы, а именно: а) рукописи, в которых непосредственно за введением следует глава о бухарских казиях (ИБ АН УзССР 4475, 5388/II, 3390, 3042/II, 46/II; ЛО ИНА В-674 и В-675/II); б) рукописи, в которых за введением следуют две главы - глава Фадаил о достоинствах и совершенствах Бухары на фоне собрания соответствующих хадисов и глава о пророках и сподвижниках Мухаммада, посетивших Бухару или живших в этом городе, и только за этими главами идет глава о бухарских казиях. Вторая редакция с двумя дополнительными главами была не менее распространенной (ИБ АН УзССР 4465, 4355/II, 1507, 1494, 2212/I, 1862 и ЛО ИНА В-671/III, В-673, С-1589, С-1677), чем первая. Обе эти главы дают важные дополнительные данные об источниках, которые использовали авторы разных по времени обработок “Истории Бухары”, а также отчетливое представление о ее первоначальном плане в целом - представление, которого у нас не было. Часть известий этих двух глав (небольшая), судя по цитатам, принадлежит основному арабскому тексту, т.е. Наршахи, другая добавлена Кубави, заимствовавшим основную их часть из работы Заранджари (см. ниже); редакция глав принадлежит Мухаммеду б. Зуфару. Обе главы имелись в рукописи конца XIV или начала XV в.,

находившейся в распоряжении автора Китаби Муллазаде, так как он приводит известия, заимствованные им из первой дополнительной главы о преимуществах Бухары. Соответствующие места источников совпадают текстуально¹⁷. Начало первой главы, в которой ее составитель ссылается на Кубави-переводчика труда Наршахи на персидский язык, дается на арабском языке, что представляется результатом позднейшей редакции. О том, что такие главы (или хотя бы часть известий, содержащихся в них) имелись в арабском тексте Наршахи, можно судить по части введения, принадлежащей Кубави, который сообщает, что “Абу Бакр Мухаммед б. Джафар сочинил книгу в честь Эмира Хамида Абу Мухаммада Нуха б. Насра б. Ахмада б. Исмаила ас-Самани... относительно ее (Бухары) достоинств и преимуществ (манакиб ва фазаили у)... и относительно преданий, которые касаются преимуществ Бухары, о пророке, о (его) сподвижниках и последователях и о богословах...”. К вопросу об этих главах, об их языке и их принадлежности (в настоящем [162] их виде) вернемся ниже. Здесь же отметим, что истории городов писались в общем по единому плану, а таковой требовал указанных разделов (или соответствующих материалов).

По имеющимся в нашем распоряжении рукописям можно установить следующее соотношение предисловий, введений и дополнительных глав. Дополнительные главы встречаются в тех рукописях, где имеется предисловие (вариант второй), в котором говорится о том, что данный труд подносится Мухаммедом б. Зуфаром бухарскому садру, и введение, носящее в некоторых рукописях название “Агази китаб” (“Начало книги”), в последнем, как правило, отсутствуют повторные сведения о том, что книга сокращена Мухаммедом б. Зуфаром для бухарского садра. Такой вариант текста представляется наиболее распространенным в Средней Азии XVIII-XIX вв. (рук. ИВ АН УзССР 1862,4465, 1507, 1494,4355/II, 47/II,2212/I; ЛО ИНА В-671/Ш, С-1589, С-1677, С-1918а, В-673). Эти главы сочетаются также с вышеуказанным введением с датой обработки Мухаммеда б. Зуфара (ИВ АН УзССР 4355/II). В рукописях типа шеферовской, т.е. с введением, непосредственно начинающимся со слов “Так говорит Абу Ахмад, сын Мухаммеда, сын Насра ал-Кубави...”, эти главы отсутствуют. Отсутствуют они также в немногочисленных рукописях, сохранивших предисловие и все введение (например, ИВ АН УзССР 46/II), и в бухарской литографии 1904 г. В одной из рукописей (ЛО ИНА С-450) текст “Истории Бухары” составляет как бы одно целое с предпосланным ему сочинением Китаби Муллазаде и начинается непосредственно с вышеприведенных слов без бесмелы. В другой рукописи (ИВ АН УзССР 3042/II), представляющейся в этом отношении единственной в своем роде, предисловие перенесено в конец Агази китаб (“Начало книги”), где, таким образом, говорится и о сокращении Мухаммедом б. Зуфаром книги Кубави, и о поднесении сокращенной ее редакции бухарскому садру.

Списки “Истории Бухары”, таким образом, представлены в основном двумя вариантами (группами рукописей), один из которых - наиболее полный - представлен списками XVIII и XIX вв., восходящими к списку не позднее XIV - начала XV в., другой - списками XVI, а также XVIII и XIX вв.

В остальном, если не считать в общем случайных отклонений от основного текста, которым мы обязаны позднейшим комментаторам и переписчикам, перестановок и опущений некоторых разделов, дальнейший текст обеих указанных редакций сочинения существенных (редакционных) расхождений по содержанию не имеет. Отметим, что текст группы рукописей типа шеферовской лучшей сохранности в том смысле, что он менее засорен пометами и включенными в текст комментариями; последнее, возможно, объясняется тем, что списки первой группы (первого варианта) переписывались, как правило, на месте - в Бухаре и Шахрисябзе, тогда как относящиеся ко второй в основном происходят с территории современного Афганистана.

Как известно, цитаты, разбросанные по всему сочинению, позволяют с [163] достаточной долей уверенности судить о принадлежности ряда мест нашего сочинения тому или иному лицу.

В свете изложенного история сочинения представляется следующей.

“История Бухары” Наршахи писалась ее автором в части, касающейся доисламской Бухары, на основе Балазури, Табари и, как полагают, Мадаини¹⁸. Рассказы, относящиеся к доисламской Бухаре, выделяются на фоне остального текста своим скупым, чеканным языком и словарем. Сочинение в своем первоначальном виде включало также хадисы о преимуществах священной Бухары над другими городами, в том числе один из хадисов, приведенный и у Йакута, относительно предсказания Мухаммада о предстоящем завоевании Бухары. В дошедшей до нас версии прямо говорится о том, что указанный хадис о Бухаре имелся в тексте Наршахи. “Само (нафс) это предание, — читаем мы в главе первой, — привел в своей книге Мухаммад б. Джафар, но слов своих ссылкой на свидетельства не подкрепил, мы же привели ссылки на свидетельства...”. Наршахи ввел также в свое сочинение значительное количество биографий, большинство из которых в “Истории Бухары”, в ее настоящей обработке, не сохранилось, во всяком случае те из имен, которые упомянуты у Самани со ссылкой на “Историю Бухары” Наршахи, в ней отсутствуют, и наоборот, многие имена, упомянутые в “Истории”, отсутствуют у Самани. О некоторых из этих биографий мы можем судить по тем же цитатам. Возможно, что часть из них была заимствована Наршахи из не дошедшего до нас сочинения эмира Исмаила; о трудах последнего упоминает и Муллазаде, сведения которого в этой части восходят, видимо, к бухарскому историку ал-Гунджару [ум. 412/1022 г.]

Сочинение Наршахи включало, кроме того, ряд преданий, связанных с доисламской историей Бухары и с памятным народу арабским нашествием, как то следует из ссылок на Наршахи в переводе Кубави. К числу первых относится одно из сказаний об убийстве Сиавуша Афрасиабом, различные версии которого известны по другим источникам. В соответствующем месте текста Кубави прямо говорит, что “по словам Мухаммада ибн Джафара, с того времени (т.е. со времени убийства Сиавуша) прошло 6000 лет”. Интересен рассказ Наршахи, отсутствующий у других авторов, об оставленном Кутайбой в Пайканде после взятия его арабами эмире Варка сына ан-Насра Бахилита, которого ударил ножом один из пайкандцев, защищая честь своей дочери. Этот случай, по-видимому, действительно имел место, хотя Гибб и сомневается в подлинности истории, рассказанной Наршахи¹⁹. Об этом событии упоминает Иакуби. По его словам, Варка был оставлен Кутайбой в [164] Бухаре для получения с пайкандцев контрибуции по мирному договору²⁰. Однако Варка не был убит (что собственно и не вытекает из текста Наршахи), и его имя упоминается позже у Табари²¹. Как известно, арабское иго в народном представлении слилось с представлением о Заххаке, что и нашло свое отражение в поэме Фирдоуси “Шахнаме”. Тем более интересно, что рассказ Наршахи находит себе известную параллель в той части поэмы, в которой говорится о Заххаке. События, о которых рассказывает Наршахи - убийство Варка и восстание пайкандцев, видимо, отражены в сказании о народном герое Каве. Откуда почерпнул этот рассказ Наршахи, мы не знаем, во всяком случае, судя по языку и стилю отрывка, — из какого-то письменного источника, близкого по характеру к ал-Баладури.

Наршахи (собственно его источникам) принадлежат известия о доисламских правителях Бухары и Пайканда и о рибатах последнего, известия о первых арабских завоеваниях в Бухаре (кроме отдельных анекдотов), часть известий о Муканне, начинающиеся вводной фразой: “Мухаммад б. Джафар передает, что у ворот крепости Муканны собралось 50000 человек”. В этой части его известия основываются как на письменных источниках, так и

на устных сказаниях. На одного из своих информаторов, кешского дихкана Абу Али Мухаммада, сына Харуна, Наршахи ссылается в связи с приведенным им анекдотом об обстоятельствах гибели Муканны. По словам этого дихкана, его собственная бабка была одной из жен Муканны. И здесь мы можем провести известную параллель между героями “Шахнаме” и “Истории Бухары” Заххак - Муканна, что может указывать на общность источников их авторов. Некоторые черты, приписываемые Муканне, видимо, были перенесены народной традицией на Заххака. Так, Наршахи, рассказывая о Муканне, говорит, что “у него (Муканны) был обычай, что где бы ни была красивая женщина, ему сообщали о ней, и он ее приводил к себе и держал ее при себе”. Фирдоуси говорит о Заххаке: “А еще у ... Заххака был обычай такой: ... где бы ни была за завесой прославленная красотой девушка, которой не касалась людская молва, он брал ее себе и делал ее своей рабыней” (Фирдоуси, “Шахнаме”, т. 1, М., 1960, стр. 38, 40 и 41).

Что касается других источников Наршахи, то Кубави отсылает нас к трем: некоему Хатиму ал-Факиху (юристу), у которого Наршахи позаимствовал сведения об условиях сдачи Бухары Кутайбе и рассказ о разделении города между арабами, к Мухаммаду б. Салиху ал-Лайси и, как полагают, к Абу-л-Хасану Мадаини. Сочинение Наршахи включало, по словам Кубави, также сведения о царствовании Саманидов до эмира Нуха, для которого была [165] написана книга, о чем можно заключить из следующей цитаты: “Ахмад б. Мухаммад б. Наср говорит, что Мухаммед б. Джафар ан-Наршахи эту книгу написал для него (Нуха) в начале его царствования (ахд) в 332 (943-44) году. И то, что имело место при славном эмире, он все полностью рассказал в своей книге. И таким же образом все, что нам достоверно стало (известным) благодаря помощи всевышнего Аллаха об обстоятельствах эмиров из Саманидов (умараи Самани), явились следующие (события)...”

Особый интерес представляют оригинальные известия Наршахи, полученные им самим от местных жителей или извлеченные им из не дошедших до нас документов. Это прежде всего рассказы, связанные с именем эмира Исмаила. Часть рассказов, несомненно, принадлежит Наршахи, другая же могла быть включена позднейшими комментаторами текста. Большинство рассказов касается вакфов. Таково сообщение Наршахи о покупке эмиром Исмаилом селения Шарг со всеми его угодьями и о превращении этих угодий в вакф.

Что касается документов, то текст Наршахи сохранил нам часть одного документа - искового прошения наследников бухарского дихкана Хина, современника Кутайбы, на имя аббасидского халифа Мансура. Любопытно отметить, что язык и терминология, а также форма поздних документов, в частности “саманидских” вакуфных документов, совпадают с таковыми отрывков из “Истории Бухары”. То же можно сказать о терминологии, встречающейся во введении²². К оригинальным рассказам Наршахи относятся [166] известия о базаре в Шарге и Искичке, выше отмеченный рассказ о покупке эмиром Исмаилом селения Шарг со всеми его угодьями, расспросные сведения о базаре Махруч, имевшем место два раза в год, полученные им от бухарских пиров, сведения о стоимости земель в Кушки Муган при Саманиде Нухе I, рассказ о виденных им древних резных дверях, раньше принадлежавших загородным постройкам, и рассказ, сообщенный ему его устатом о схватке между владельцами этих загородных домов с арабами, и, наконец, упомянутый выше рассказ внука одной из жен Муканны, слышанный Наршахи от него лично.

Каково было построение работы Наршахи, мы можем судить только по предисловию; разбита она была на фаслы (разделы или главы); во всяком случае о таковых упоминает Кубави. Так, рассказывая о бухарской стене, Кубави оговаривает, что Мухаммед б.

Джафар данного фасла не приводит, а, передавая известия о Муканне, указывает, что у Наршахи данной главы полностью мы не находим. История Саманидов была представлена в изложении Наршахи единым повествованием и не была разделена на главы. Заголовки к главам “Память о прибытии эмира Исмаила, да будет к нему милостив Аллах, в Бухару” и др. представляются искусственно введенными в связи с позднейшей перекomпоновкой и новым сокращением книги в целом.

Труд Наршахи, как было сказано, в несколько сокращенном виде был переведен Кубави, который вместе с тем существенно его дополнил известиями из Табари, на которого он ссылается в разделе о Муканне, и главным образом рассказами из не дошедшего до нас сочинения “Хазаин ал-улум” (“Сокровищницы знаний”), принадлежащего Абу-л-Хасану Абд ар-Рахману Мухаммаду ан-Нишапури, и другого сочинения “Ахбари Муканна” (“Известия о Муканне”), написанного неким Ибрахимом, также до нас не дошедшего. По мнению В.В. Бартольда, речь идет об Абу Исхаке Ибрахиме ибн ал-Аббасе ас-Сули, знаменитом поэте (ум. в 243/857-58 г.), писавшем также исторические сочинения (“Туркестан”, стр. 60). Что представляли использованные Кубави сочинения Нишапури и Ибрахима, мы не знаем. Выдержки из них, приведенные у Кубави, говорят об их чрезвычайной ценности, что было уже отмечено в исследованиях. Так, Нишапури принадлежат известия о заселении Бухарского оазиса, отражающие одно из древнейших сказаний, касающихся Средней Азии, параллель для которого нам посчастливилось обнаружить в китайских хрониках. Ему же принадлежат известия о доисламском государе Махе, легенда об убийстве Сиавуша (другой вариант в “Истории Бухары” приведен по Наршахи), о постройке дворца бухархудатов, о бухарской стене и, наконец, известия о каналах Бухарского оазиса. Известия Ибрахима о Муканне представляются уникальными хотя бы потому, что мы находим у него начало письма Муканны к дикханам Мавераннахра, иначе говоря - документ, не отмеченный как таковой до настоящего времени исследователями. Первые слова этого письма (или, как его называют, воззвания) принято переводить так: “Во имя бога милостивого, милосердного! Я, Хашим, сын Хакима, сеид сеидов. Такому-то, сыну такого-то...”. Персидское местоимение “я” (***) пишется так же, как арабский предлог “от” ***, здесь *** является не местоимением, а арабским предлогом, и начало письма (воззвания) будет следующим: “Во имя аллаха милостивого, милосердного! От Хашима, сына Хакима, сеида сеидов. Такому-то, сыну такого-то”. Такое начало является стандартным для писем того времени, и в этой связи представляется возможным видеть в данном отрывке не передачу содержания письма, а начальные строки арабского перевода подлинного документа, текст которого был взят автором рассказа о Муканне из какого-то не менее достоверного источника, чем текст договора Кутайбы с царем Гураком, сохранившегося как в арабском подлиннике, так и в персидском переводе Балами. На каком языке был составлен подлинный документ, мы не знаем. К такому же приему - цитированию первых строк своего источника, прибегает переводчик истории Табари - Баллами.

Кроме Нишапури и Ибрахима, основным источником Кубави в части хадисов и других преданий был Мухаммад Шамс ад-дйн Абу Бакр б. Мухаммед аз-Заранджари. В первой главе “Истории Бухары” прямо говорится, что все приведенные в ней предания принадлежат Кубави, который передает их непосредственно от казия имама аз-Заранджари. Имеется в виду известный представитель ханифитского толка и передатчик преданий, упомянутый у Самани - Абу-л-Фазл Бакр б. Мухаммад ал-Ансари (род. в 428/1036-37 г. в Заранджаре, ум. в Бухаре в 512/1118-19 г.); его могилу у Кулабадских ворот Самани посещал. Известия, заимствованные Кубави у Заранджари, в основном относятся к пророку Аййубу(Иову). Все ли известия такого порядка принадлежат Кубави или только приписаны ему позднейшим редактором, переработавшим его текст, предстоит решить.

Раздел о казиях Бухары в какой-то части принадлежит Кубави. Во всяком случае последний из упомянутых в нем казиев Бухары - Абу Фазл б. Мухаммад б. Ахмад ал-Марвази ас-Сулами, ал-Факих не кто иной, как известный везир Саманида Нуха, убитый в 334/945 г. тюрками в Мерве, т.е. два года спустя после того, как Наршахи поднес свою книгу Нуху. Кто подразумевается под составителем (муданниф) книги в заключительных словах этой главы, остается неясным. Это не может быть Кубави, так как последний несколько раз в сочинении назван переводчиком (мутарджим). Скорее всего под составителем имеется в виду один из последних ее редакторов.

Если исходить из содержания цитат, то Кубави принадлежит также часть известий о Саманидах, в частности о Саманиде Нухе; ему же принадлежит дальнейший текст.

Наконец, для нас особо ценно то, что Кубави, будучи местным уроженцем, как и Наршахи, дополнил труд своего предшественника собственными [168] наблюдениями и рядом расспросных сведений. К таким известиям относятся сведения о мечети в селении Нур (современное Нурата) со слов хатиба селения Шарг, а также о железной плите на воротах дворца бухархудата Бидуна, которая была уничтожена при жизни переводчика; ему же принадлежат сведения об арабских названиях ворот шахристана, известия о ценах на земли Кушки Муган, о стоимости дирхемов, а также некоторые любопытные расспросные сведения о жизни и обычаях последователей Муканна, которых еще встречал переводчик в Бухарской и Кешской областях.

Отмечу, что для Кубави, судя по цитатам из него у Мухаммада б. Зуфара, характерно крайне бережное отношение к своим источникам, чем он отчасти напоминает известного историка Средней Азии Баллами.

Как мы можем убедиться, в серии преданий о Бухаре, имеющих в “Истории Бухары”, чаще всего встречаются: предания, связанные с сюжетами библейского характера, которым мы обязаны еврейскому влиянию. К таковым в первую очередь следует отнести разные сказания о пророке Айиубе (Иове), собранные в первой главе, а также разбросанные по тексту остальной книги. Библейская сюжетная линия ясно прослеживается в сочинении, так же как и характерная для Средней Азии ханифитская цепь передатчиков большинства из них. Заключительное изречение в главе о казиях: “... пророк соизволил сказать: “Ученые моего народа подобны пророкам колена Израилева”, позволяет с достаточной уверенностью считать, что проведение такой линии принадлежит если не Кубави (через Заранджари), то Мухаммаду б. Зуфару, но отнюдь не ее первоначальному источнику — Наршахи. Судя по тому, что большая часть этих преданий не находит себе параллелей в арабской литературе, можно предположить, что они связаны с чисто местной традицией.

Среди главных источников Заранджари Мухаммад б. Зуфар упоминает имя Вахба б. Мунаббиха (ум. в 728 или в 732-734 гг.) - одного из ранних традиционалистов, “деятельность которых, - по словам И.Ю.Крачковского, - была направлена на внедрение в хадисы еврейских сюжетов”²³. Того же традиционалиста, со ссылкой на “Ахбари Бухара” Наршахи, упоминает Мулла-заде; кроме того, он упоминает также традиционалистов Ибн Аббаса и Каб ал-Ахбара. К поздним добавлениям, несомненно, относится: также часть легенд, связанных с именами Абу Хафса Кабира и его сына. Таким образом, местная традиция, о которой говорилось, могла быть представлена в трудах ханифитского имама аз-Заранджари.

Через какие-нибудь пятьдесят лет труд Кубави был сокращен и отредактирован Мухаммадом б. Зуфаром. Ему принадлежит, как то следует из цитат, компоновка глав;

ему же принадлежат целые главы, составленные из выдержек, заимствованных из предшествующих или последующих глав. Им же со- [169] ставлено предисловие, и только ему могут принадлежать слова: “Быть может, высокий Маджлис, - да продлится его величие, - соизволит оказать честь счастья прочтения (книги), - да продлится (это) счастье, - и соизволит взглянуть (на нее) взором благожелательности, если того пожелает Аллах” (см. приложение). Из приведенной цитаты следует, что дошедшая до нас обработка текста “Истории Бухары” принадлежит Мухаммеду б. Зуфару, а не Кубави. При сокращении текста Кубави этот второй “редактор” “Истории Бухары” не сумел или не успел отредактировать новый текст, что повлекло за собой не только нарушения синтаксиса, но и несогласованность отдельных отрывков, взятых из разных мест “Истории”, и они оказались механически соединенными друг с другом. Естественно, что такие места критикой текста исправлены быть не могут, что и придется учесть при дальнейшей работе над ним.

Неизвестному редактору (третьему) принадлежит рассказ о Джуи Мавалиан и рассказ о бухарской цитадели, относительно которой приводятся известия, касающиеся не только 560/1164-65 г., но и 604/1207-08 и 619/1222-23 гг., а также известия о рабаде Бухары, о котором сообщаются сведения, касающиеся последовательно событий, которые имели место в те же годы: 560, 604 и 616 (1219-20)гг.х., и, следовательно, в том и в другом случае часть этих глав датируется не ранее первой четверти XIII в. Поскольку есть основания полагать, что последний редактор, которому эти сведения принадлежат, привлечен в качестве дополнительного источника труд Джувайни (1226-1283), то время четвертой редакции еще несколько отодвигается.

В главе о разделе Бухары между арабами и неарабами имеются вставки в виде отдельных рассказов (хикайат) об Абу Хафсе Кабире и его сыне. В одном из них имеется ссылка на сочинение “Фасл ал-хитаб”. Под таким названием был известен сборник изречений, приписываемых халифу Омару. Известно несколько вариантов этого сборника с персидскими комментариями. Одно из них принадлежит ал-Ватвату (ум. в 573/1177 или 578/1182 г.) Неизвестное лицо сделало на полях одного из списков “Истории” приписку, что составителем сборника (мусанниф) является Мухаммед Парса (см. Р.Н.Фрай, ук.соч. стр.57*). Мухаммад Парса был известным представителем ордена накшбан-диев и играл в свое время значительную роль в политической и культурной жизни Средней Азии. Он родился в 1348/49 г. в Бухаре, покинул ее в 1419 г. и скончался в Медине 13 января 1420 г. Учитывая, что он является автором нескольких трудов, в том числе ***, своего рода энциклопедии по суфизму²⁴, возможно, речь в наших списках действительно [170] идет о его книге. В таком случае время последней обработки (и последних вставок) еще приближается и она относится к концу второй половины XIV в. - началу XV в., а редактором ее мог быть сам Мухаммад Парса²⁵. в этой связи определенный интерес вызывают два списка нашего сочинения (о них упоминалось выше), в колофоне которых указано (списано со старого колофона), что оба они сделаны со списка такого-то времени. К сожалению, дата последнего не разобрана переписчиками, и ее можно толковать по-разному: как 800 г.х. или как 802,или, наконец, как 83? г.х. Но все три даты определяют список как принадлежащий к самому началу XV в. Так, в колофоне рук. ИВ АН УзССР 4355/II (л. 103а) написано: *** что соответствует колофону рукописи Лыкошина, кроме даты списка: “Окончена дошедшая до нас часть Истории Наршахи в джумада II 800 (?) года от бегства пророка, - да благославит и да приветствует его бог. Рукопись переписана в 1213 (1798) году”²⁶. Таков же, только более искажен текст колофона рук. ИВ АН УзССР 1862 (л.59а), который мы воспроизводим ниже: *** Таким образом, после Мухаммада б. Зуфара текст был все же значительно дополнен (продолжен), вероятнее всего в конце XIV в., причем лицо, его дополнившее, как было указано, в свою очередь привлекло новые источники, ему же принадлежит вышеприведенный колофон. Наконец, может быть

выдвинута гипотеза, что именно этому лицу, четвертому редактору, а не Мухаммеду б. Зуфару принадлежит компоновка глав. В таком случае придется счи- [171] тать, что им же составлены первая и вторая главы и что часть известий этих глав заимствована им же из книги Муллазада. Отметим, что эти главы по своему языку и стилю крайне близки к сочинению Муллазаде, что может свидетельствовать об их какой-то поздней переработке.

Изменения текста “Истории Бухары”, имевшие место после четвертой редакции, носят характер своеобразного комментария переписчиков мест, остающихся им непонятными. Комментарий идет по двум линиям. Во-первых, поясняется географическая и топонимическая номенклатура, и указываются (на полях или в самом тексте) современные переписчику названия; так, например, Вардана поясняется как Варданзи, Нур как Нурата. Для местности Паргини Фирах, собственно - обширный водосброс, даются его поздние тюркские названия Дангиз (собственно - озеро) и Каракуль (Черное озеро), о Табаисе сообщается, что он находится в тюмене Дангизи; добавляются сведения о том или ином лице, о котором переписчику известно что-нибудь, по его мнению, новое; такие добавления иногда особенно обширны. Вторая линия комментария заключается в развертывании непонятого предложения или в дополнительном его разъяснении, зачастую многословного и уводящего в сторону от основного текста. В некоторых случаях такие пояснения помогают понять текст. Так, например, получает объяснение загадочное место о существовании во внутреннем городе (шахристане) кварталов, отдаленных друг от друга подобно селениям, и пашен²⁷, тогда как в тексте в действительности речь идет об участках, расположенных вне шахристана. Варианты написания слов, названий, имен, имеющих в рукописях, дают возможность внести ряд существенных коррективов в текст и восстановить [172] его. Так, в разделе о ярмарке, собиравшейся два раза в год, сообщается, что она называлась Махруз (***)²⁸. Одна из рукописей дает чтение Махруч (***); последнее представляет буквальную передачу согдийского ***, т. е. “день (посвященный божеству) Луны”; таково было название двенадцатого дня согдийского месяца. В таком случае следует думать, что эта ярмарка открывалась два раза в год, каждый раз в двенадцатый день месяца, но какого - из текста не следует. У Бируни мы находим известие, что ярмарка собиралась два раза в год в месяц нисанч и в месяц фасак(анч), т.е. в первый и четвертый месяцы согдийского календаря. Подробнее на этом вопросе останавливаться здесь нет необходимости.

Отмечу еще одно место. В “Истории Бухары” мы находим подробные известия о бухархудатах и о первых походах арабов на Бухару. Сведения об этих походах разбросаны по разным главам. Некоторые из этих известий представлялись искаженными и не заслуживающими доверия. К ним относится версия рассказа о походе военачальника Муслима (Салма) б. Зида на Бухару. Среди лиц, объединившихся против него в помощь бухарской царице, упоминается ее муж, известный бухархудат Бидун (или Бандун), который, как повествует источник, явился “на помощь бухарцам из Туркестана с большим войском”. Вместе с тем в тексте сообщается, что бухарская царица в награду за помощь обещает царю Согда Тархуну стать его женой²⁹. По словам Балазури, Бидун был убит Муслимом (Салмом) б. Зийадом (681-683 гг. н.э.). Вместо имени Бидун у Наршахи (арабской графикой ***) следует читать тудун - титул (звание) правителя Чача (Шаша) конца VII и начала VIII в. (арабской графикой ***). Согдийская формула титула *** засвидетельствована в мугских документах и на монетах и передает тюрк. tutun, tudun, из кит. tu = t'ung, дословно “начальник гражданской администрации”. Участие правителя Чача вместе с тюркскими войсками в указанных событиях находит себе подтверждение в других источниках. Таких примеров, иллюстрирующих недостатки существующих изданий “Истории Бухары”, можно привести немало. Для нашей цели достаточно двух разобранных выше.

Итак, “История Бухары” в свое время несомненно, привлекала к себе внимание общественности Бухары. Об этом рассказывает Кубави в своем предисловии; о том же говорит и то, что к ней последовательно возвращались разные лица, связанные общими интересами. Написавший для Саманида Нуха “Историю Бухары” выходец из бухарского селения Наршах Мухаммад б. Джафар ан-Наршахи связал свою книгу с расцветом Бухары при этой [173] династии. Кубави, выходец из ферганской Кубы, расцвет которой связан с той же династией, составил для своих друзей новый по существу труд, вероятно, посвятив его одному из Караханидов - Мухаммаду Арслан-хану, и добавил разные известия, в том числе касающиеся этой династии. В конце XII в. в Бухаре правит местная небольшая династия Садров, объединившая в своих руках светскую и духовную власть. Новая обработка (по существу новое сочинение) “Истории Бухары” подносится Мухаммедом б.Зуфаром представителю этой династии Абд ал-Азйзу II. Таковой же в общем была история другого аналогичного сочинения Кандии (“Китаб ал-канд фи тарихи Самарканд”).

Из ранних списков “Истории Бухары” до нас не дошел ни один. Все дошедшие до нас списки представлены в основном списками XVI и списками XVIII-XIX вв., некоторые из которых восходят к списку XIV в. Последнее обстоятельство говорит о том, что в XIV в. в Бухаре опять появляется интерес к произведению. К этому же времени относится появление нового труда, посвященного Бухаре, - сочинения Муллазаде.

В смутный период, предшествовавший нашествию монголов, Бухара постепенно теряет свое значение. В 1220 г. она была разрушена Чингиз-ханом. Естественно, что ни Чингизиды (1227-1370), ни Тимуриды (1370-1500), перенесшие свою резиденцию в Самарканд, не могли способствовать процветанию Бухары, ни тем более развитию подобной литературы. Однако, видимо, в XIV - начале XV в. эта литература оживает. После падения Тимуридов и укрепления власти Шейбанидов (1500-1599), основавших Узбекское государство, Бухара снова становится столицей. С этого времени намечается новый период в истории Бухары и новый ее расцвет как культурного центра страны. Естественно, что интерес к литературе такого рода, как “История Бухары”, снова возникает, и к этому времени относится ряд ее списков. Отметим, что интерес к истории Бухары должен был быть стимулирован еще и тем обстоятельством, что ее известия о вакфах Исмаила Самани и других являлись тем материалом, на который можно было опираться при “восстановлении” вакуфных грамот и рассмотрении спорных вопросов, в частности связанных с так называемыми вакуфными угодьями Исмаила Самани. Как сейчас известно, традиция, приписывавшая ряд селений к вакуфным угодьям Исмаила Самани, восходит к началу XVI в. [174]

(В квадратные скобки заключен текст, опущенный в существующих изданиях и переводах, в круглые - наши дополнения.)

ПЕРЕВОД

предисловия, введения и первых двух глав

“Истории Бухары”

“ Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Признательность и хвала всевышнему господу, - да возвеличится имя его, - ибо он создатель мира и ведающий тайное, дарующий пропитание всему живому и хранящий землю и небо!

Привет и приветствие избранному среди людей, последнему из пророков, Мухаммаду Избраннику, - да благословит Аллах его, и его семью, и его сподвижников, и последователей, и приверженцев, и да будет доволен Аллах ими всеми!

[Изложил в сокращенном виде для высокого Маджлиса мавлана садра садров мира хаджи имама, величайшего, благороднейшего, виднейшего, славнейшего, великого, милостивого, аргумента общины (Мухаммада) и веры, меча ислама и мусульман, лезвия меча имамов в обоих мирах, украшения царства и султанов, султана шариата, прибежища общины (Мухаммада), руководителя последователей (пророка), пособника сунны, покорителя ереси, опоры халифата, помощника имама (общины Мухаммада), покровителя людей, царя света, благороднейшего (из людей) этого мира, просвещеннейшего из рода человеческого, вождя народа земли, имама обеих святынь (Мекки и Медины), муфтия Запада и Востока, украшения рода обеих сторон (отцовской и материнской), благородного рода по отцу и по матери, венца совершенств и добродетелей, достоинств и превосходства, Абд ал-Азиза, сына садра садров, имама (Бурхан ад-дина Мухаммада, сына садра), превеликого, шахида, блаженного Хусам ад-дина Умара, сына садра имама преславного Бурхан ад-дина Абд ал-Азиза, - да осветит Аллах души его предшественников и да благословит (его) в жизни преемников в славе, и в величии, и в блаженстве, и хвала тем, кто пребывает на земле и на небе, - (я), ничтожнейший из рабов, Мухаммад, сын Зуфара, сын Умара. Быть может, высокий Маджлис, - да продлится (его) величие, - соизволит оказать честь счастья (ее) прочтения, - да продлится (это) счастье, - и соизволит взглянуть (на нее) взором благожелательности, если того пожелает всевышний Аллах].

[Начало книги]

Так говорит Абу Наср Ахмад, сын Мухаммада, сына Насра, ал-Кубави: Абу Бакр Мухаммад, сын Джафара ан-Наршахи сочинил книгу в честь (ба [175] нам) Эмира Хамида Абу Мухаммеда Нуха, сына Насра, сына Ахмада, сына Исмаила ас-Самани, - да благословит его всевышний Аллах, — относительно Бухары и ее достоинств и преимуществ, и о том, что имеется в ней из приносящего пользу (марафик) и благ (манафи), и о том, что к ней относится, относительно преданий о преимуществах Бухары, которые дошли (до нас), о посланнике, — да благословит (его) Аллах и да приветствует, — о (его) сподвижниках и последователях и о богословах (уламаи дин), да будет ими всеми доволен Аллах. Эта книга была составлена на арабском языке превосходным слогом в триста тридцать втором году (943-44 г. н.э.). Так как большинство людей не проявляет охоты к чтению арабской книги, то друзья попросили меня, что ты-де эту книгу переведи на персидский язык. Согласившись, я (факир) перевел (ее) в (месяце) джумада I пятьсот двадцать второго года (1128 г. н.э.). Так как в арабской рукописи были упомянуты вещи, которые были ненужными, да к тому же и чтение их нагоняло скуку на человека, то об этих вещах не рассказывается.

А в пятьсот семьдесят четвертом году (1178-79 г. н.э.) ничтожнейший из рабов, Мухаммед, сын Зуфара, сын Умара изложил (эту книгу) в сокращенном виде для высокого Маджлиса садра садров мира хаджи имама, славнейшего, почтеннейшего, аргумента общины (Мухаммеда) и веры, меча ислама и мусульман, лезвия меча имамов в обоих мирах, султана шариата, опоры халифата, имама обеих святынь (Мекки и Медины) муфтия Запада и Востока, украшения рода обеих сторон (отцовской и материнской),

обладателя достоинств и превосходств, Абд ал-Азиза, сына садра (Бурхан ад-дина Мухаммада, сына) садра - превеликого, шахида, блаженного Хусам ад-дина Умара, сына садра имама превеликого Бурхан ад-Дина Абд ал-Азиза, — да осветит Аллах души (его) предшественников и да благословит (его) в преемниках в почете и в величии!

[О преданиях относительно достоинств и совершенств Бухары]

[Повествуется о пророке, - да благословит его Аллах и да приветствует, - и о сподвижниках (его) и последователях, - да будет доволен Аллах всеми ими.

(Текст двух следующих абзацев арабский.)

Сказал: Абу Наср Ахмад, сын Мухаммада, сын Насра ал-Кубави, - да помилует его Аллах, - сказал: рассказал нам казий имам, славнейший, уstad Мухаммед Шамс ад-дин Абу Бекр, сын Мухаммада, сына Али, сына ал-Фазла аз-Заранджари, - да помилует его Аллах.

Он сказал: рассказал нам шейх имам Абу Абд ал-Малик, сын Абд ар-Рахмана ат-Тустари; сказал: рассказал нам шейх имам Абу Абдаллах Му- [176] хаммад ал-Хафиз, известный как ходжа Гунджар; сказал: рассказал нам Абу Хафз Ахмад, сын Хамдана, сына ал-Факиха; сказал: рассказал нам Абу Амр, сын Башира, сына Асафа, сына Мансура в двести восемьдесят шестом году.

Сказал Мухаммад, сын Сахма, сказал Утба, сын ал-Хаджжаджа ал-Ансари: сказал Мухаммад, сын Кайда со (слов) Абу Харуна ал-Абди со (слов) Рабиа, сына ас-Саади, со (слов) деда Хузайфы, сына ал-Йамана, - да будет доволен Аллах всеми. Подлинно посланник Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует, - сказал: “После меня город будет завоеван в Хорасане за рекою, которую называют Джайхун, именуемый Бухара, земля, объятая милостью (Аллаха), окруженная ангелами, споспешествуемая (Аллахом), возлежащий на постели в этом (граде) подобен павшему за веру на стезе Аллаха”. Само (нафс) это предание привел в своей книге Мухаммад, сын Джафара, но слов своих ссылкой на свидетельства не подкрепил, мы же привели ссылки на свидетельства, дабы имелось доказательство его истинности. Мы также привели и то, что до нас дошло со ссылкой на свидетельства о великих сподвижниках (пророка), - да будет доволен всевышний Аллах ими всеми.

Мугайра, сын Шуба (ас-Сакафи), - да будет доволен им Аллах, - передает, что я-де вошел к эмиру правоверных Усману, сыну Аффана, - да будет доволен им Аллах. А он усадил перед собой Ахнафа, сына Кайса, и говорил: ты должен пойти в Хорасан и сделать так-то и так. Тут он сказал: “Бог, - да возвеличится его имя - дарует победу над Хорасаном, и ты войдешь в город Бухару. Ты должен быть милостивым к жителям Бухары, ибо (это город) священный”.

До нас также дошло со ссылками на свидетельства со слов Хузайфы, (сына) ал-Йамана, - да будет доволен им Аллах, - что он сказал: “Однажды эмир правоверных Умар, сын Хаттаба, - да будет доволен им Аллах, - говорил о Хорасане и хулил Хорасан. Эмир правоверных Али, сын Абу Талиба, - да будет доволен им Аллах, - сказал: Остановись, Умар, ибо у всевышнего бога в Хорасане есть город, который называется Бухара. Знаешь ли ты, что за место (махалла) эта Бухара? В судный день всевышний бог избавит бухарцев от страха перед страшным судом. И когда другие люди будут (пребывать) в страхе перед судным днем, к (бухарцам) придет весть о рае. Тогда (Умар) сказал: хорошо, если бы бог, - да возвеличится его имя, - еженошно милостиво взирал на бухарцев и простил тех из них, которых пожелает”.

Эти два предания Мухаммад, сын Джафара, не передает, но казий имам Абу Бакр Заранжари передает с точными ссылками на свидетельства, а мы привели (их) без ссылок.

Эмир правоверных Умар сын ад-Хаттаба, - да будет доволен им Аллах, - снял с них (бухарцев) харадж и дал им множество льгот. Мухаммад, сын [177] Исмаила, сказал: “Абдаллах, сын Абд ар-Рахмана сказал, что я-де напомнил ему о Самарканде и самаркандцах”.

Передают (предание) со (слов) Вахба, сына Мунаббиха, что он сказал: “Я прочел в книге древних, что один из пророков колена Израилева пошел на восток. Он дошел до места, которое называется Бухара. Бухарцы оказали ему почет. Он вознес три молитвы за них, сказав: О владыка! Благослови их в потомках, и даруй им победу над врагом, и удали от них смуту”.

Абу Абдаллах ал-Хафиз, ал-Гунджар , - да помилует его Аллах, - передает со (слов) Мухаммеда, сына ал-Хасана аш-Шайбани ал-Факиха, - да помилует Аллах их обоих, - что пророк Аййуб, - мир ему, - обрел кончину в Бухаре, и гробница его в Бухаре. Рядом с ней находится один из райских источников.

Абу-л-Хасан Абд ар-Рахман, сын Мухаммеда ан-Нишапури повествует в книге “Сокровищницы знаний” (“Хазайн ал-улум”), что святой пророк, - мир ему, - прибыл в Бухару, (и жители) ему оказали гостеприимство; он помолился за них.

Передают со (слов) Кутайбы, сына Саида, что он сказал: “Я слышал от Абдаллаха, сына Мухайи, что его спросил какой-то человек: “Приходил ли какой-нибудь пророк в Бухару?” Он сказал: “Приходил Аййуб, попавший в беду, в место, которое именуется Бухара. Бухарцы оказали ему гостеприимство. Он помолился за них и испросил у всевышнего бога для них благословения и сказал: “О владыка! Не подвергай бухарцев испытанию голодом и не погуби их до судного дня”.

Передают со слов Хафза, сына Дауда, что он сказал: “Одного из пророков колена Израилева предали земле в Бухаре, в черте города. Это место называют Кушки кафшгаран. У места погребения пророка имеется примета: там есть дерево, которое никогда не лишается листы — ни зимой, ни летом”. Хафз сказал: “я видел это дерево: листы его похожи на листья джидды. Это место нынче представляет кладбище у ворот Мабада, которое было (прежде) заселенным местом; касаба города Бухары была там. Прежде (пишин) там были тимы кафшгаров. По этой причине оно называется Кушки кафшгаран. Симдузы Бухары жили в той махалла. В той стороне канал Навканда. Теперь эта махалла пришла в разрушение и превратилась в кладбище. Рассказ (кисса) об этом будем упомянуть на своем месте”.

Передают со (слов) Хасана Басри, - да помилует его Аллах, - он сказал: “Пророк Аййуб, - да благословит его Аллах, - пришел в Бухару. Ему оказали гостеприимство. Он помолился и испросил (для бухарцев) благословения. Бухарцы в силу благодати его молитвы стали гостеприимными и великодушными. Он там остался. Из города отправились в Мекку на богомолье. Паломники украли его осла. Он не призвал на них божьего благословения”.
[178]

От Абдаллаха, сына Мубарака, - да будет доволен им Аллах, - передают, что он сказал: “Когда подымется смута, вам нужно пребывать в городе Бухаре, ибо (никакая смута) долго не будет продолжаться”.

Ахмад, сын Мухаммеда, сын Насра, передает это все со (слов) казия имама Заранджари со ссылками на свидетельства.]

[Память о людях, пришедших в Бухару из (числа) последователей (пророка)]

[Когда Кутайба, сын Муслима пришел с арабами в Бухару, одним из улемов и последователей, которые были вместе с ним, был Мухаммад, сын Васи. Он был и благочестивым человеком, и просвещенным богословом. Он принадлежал к числу последователей (пророка), и улемы (того) времени обращали лицо к (таким, как он) святым.

В то время, когда Кутайбу окружили неверные, Мухаммад, сын Васи, - да помилует его Аллах, - помолился и сказал: “О боже! Окружили нас несчастья, а ты нанес поражения им!” И неверные в силу благодати его молитвы рассеялись.

Затем был Зийад, сын Михрана ал-Азди, - он видел Анаса, сына Малика, - да будет доволен им и Аллах. Затем Лайс, сын Абу Муслима, и Халид, сын Хасана ал-Карзи, и Мукатил, сын Хайяна, и Убайда, сын ал-Куми. Затем сопутствовали Кутайбе сподвижники Хасана Барри. К ним принадлежал Абу Амир ал-Хамадани из последователей устада Суфйани Саври. Суфйани Саври пришел в Бухару спустя некоторое время после них.

Он совершил намаз в Мечети муджтахидов в шахристане. В этой мечети находился мужчина, араб; он предстоял на общественной молитве; имя его Абу Райхана. Он читал во время утреннего намаза молитву. Суфйани Саври ему воспрепятствовал. Суфйан жил в Бухаре.

Абдаллах, сын Абд ар-Рахмана ад-Даскати, передает (предание) со (слов) своего деда Сада, мавла Хакима Сабазмуни, который сказал: “Я пришел в Бухару. Некий муж сидел на верблюде; на его голове была надета чалма из черного шелка. Он рассказывал, что мне-де надел чалму посланник божий, - да возвеличится его имя - своими руками. И сказал: я узнал -это был Кусам, сын Аббаса, - да будет доволен ими Аллах”.

Затем из последователей был Абд ал-Малик, сын Амира. Он (в свое время) пришел в Бухару вместе с Саидом, сыном Усмана, сына Аффана, - да будет доволен им Аллах. Саид предстоял на общественной молитве в пятницу. Абд ал-Малик, сын Амира, был вместе с ним; он не повторял (службы) за Саидом. Саид, сын Усмана, - да будет доволен им Аллах, - отправил относительно этого письма к Муавию, сыну Абу Суфйана. Муавия в свою очередь послал относительно этого письмо Абд ал-Малику, сыну Амира, а в письме сказал: “Твой отец предавался молитве, и его отец, си- [179] речь - Усман, сын Аффана. И тот также должен предаваться (ей), и его сын, сиречь Саид, сын Усмана”.

После этого Абд ал-Малик совершал намаз за Саидом и повторял (службу за ним).]”

В дальнейшем текст обеих отмеченных редакций расхождений (редакционных) не имеет.

Из изложенного следует, что дошедший до нас текст “Истории Бухары” представляет позднейшую обработку не сохранившегося оригинала, прошедшего через руки по меньшей мере трех редакторов, и перед нами по сути дела новое сочинение, которое по традиции сохранило за собой название своего оригинала. В этой связи перед будущим

издателем не встанет задача восстановить текст Наршахи или его переводчика и редактора Кубави, ибо для проверки такой реконструкции у нас нет пока критерия. Задача, как нам представляется, состоит в том, чтобы установить с достоверностью время последней обработки сочинения, а затем и текст этой обработки, очистив его от последующих пояснений и интерполяций переписчиков. При этом важно будет указать и выделить по возможности наиболее древние части текста и установить последовательность обработки оригинала. Перевод Кубави Истории Наршахи, равно как и перевод Балами летописи Табари, представляет более или менее искусную компиляцию извлечений из разных источников, основой для которой служит арабский оригинал. Как уже приходилось отмечать, Балами, как и его арабские предшественники, традициям которых он следует, обычно указывает источник заимствования. То же делает Кубави. Таков же прием следующих двух редакторов “Истории Бухары”. Это обстоятельство, как известно, позволяет проследить работу разных редакторов над текстом “Истории”, а следовательно, и принадлежность различных ее частей. Известным критерием для этой цели может также служить язык отдельных мест сочинения (синтаксис, терминология). Таким образом, работа над текстом предстоит чрезвычайно сложная. Однако только такой филологический анализ позволит установить текст, который сможет быть положен в основу исследования.

28. V. 1962 г.

Комментарии

1 И.Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М.-Л., 1957, стр. 162 и сл.

2 Там же, стр. 164.

3 Н.В.Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

4 А.Вамбери, История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени, т.1-11, СПб., 1873.

5 П.И. Лерх, Монеты бухар-худатов, СПб., 1909 (отд. отт. из “Трудов Восточного отделения Имп. Русского археологического общества“, ч. XVIII).

6 “Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy. Texte persan publie par Ch. Schefer”, Paris, 1892

7 Мухаммед Наршахи, История Бухары. Перевел с персидского Н.Лыкошин под ред. В.В. Бартольда, Ташкент, 1897.

8 Н.Ф. Ситняковский, Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, - “Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества”, т. I, Ташкент, 1899, вып. 2, стр. 121-178.

9 В.В.Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900. — К тем же вопросам он возвращается в своей работе “История орошения Туркестана”, СПб., 1914, и в специальной статье “Bukhara”, EI, I (1913).

10 The history of Bukhara. Transl. from a persian abridgment of the arabic original by Narshakhi R.N.Frye, Cambridge, Mass., 1954.

- 11** См. его работы: “Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса”, Ташкент, 1940, и “Архитектурные памятники Бухары”, Ташкент, 1936.
- 12** О.А. Сухарева, К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв., - “Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР”, т. XXVII, Сталинабад, 1954; она же, К исторической топографии Бухары первой половины XVI в., - “Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР”, вып. V, Сталинабад, 1954; она же, К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки), Ташкент, 1958.
- 13** R.N. Frye, The history of Bukhara, Introduction, pp. XII-XIII.
- 14** О.А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, стр. 10,
- 15** R. N. Frye, The history of Bukhara, Introduction, p. XIV.
- 16** Р. Л. Гафурова, Китаби Муллазаде как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ленинград, 1961, стр.9. Ср. у О. А. Сухаревой, согласно которой книга Муллазаде была написана в конце XV - начале XVI в. (“К истории городов Бухарского ханства”, стр. 11).
- 17** Р. Л. Гафурова, Источники, использованные автором Китаби Муллазаде, - “Общественные науки в Узбекистане”, Ташкент, 1961, стр. 10; ср. Р.Н. Фрай, ук. соч., прим. 104.
- 18** R. N. Frye, The history of Bukhara, Introduction, p. XIII.
- 19** H. A. Gibb, The arab conquests in Central Asia, London, 1923, p. 33.
- 20** R. N. Frye, The history of Bukhara, комментарий, p. 173.
- 21** Табари, II, 1292. 1420.
- 22** Так, Кубави, рассказывая о книге Наршахи, говорит *** что понимают следующим образом (цитирую по переводу Лыкошина, которого придерживаются до сих пор) “Абу Бакр Мухаммад, сын Джафара, Наршахи написал книгу... о состоянии Бухары, ее достоинствах, прелестях, обо всем, что есть в Бухаре и ее окрестностях из удобств жизни и что вообще к ней относится” (“История Бухары”, стр. 7), переводя таким образом слова *** и *** как “удобства жизни”; Р.Фрай переводит те же слова “conveniences and advantages”, что собственно то же самое. Между тем оба слова (в том же множественном числе) входят в основную терминологию вакуфных документов и значат: *** “приносящие пользу” (в смысле приносящие доход предприятия) и *** “пользы” (в смысле продукция). Указанные значения терминов не отмечены исследователями и для вакуфных документов.
- 23** И.Ю.Крачковский, Избранные сочинения, Т.IV, стр. 50-51.
- 24** А.А. Семенов (ред.), Собрание рукописей АН Уз. ССР, т. III, стр. 264, № 2421 (дата списка 871/1466 г.).
- 25** В этой связи можно предположить, что под составителем (мусанниф) нашего сочинения имеется в виду тот же Мухаммад Парса. По Р.Н.Фраю - автор сочинения упомянутый у Наршахи Мухаммад б.Талут Хамадани (ук. соч., стр. XIII).

26 Н. Лыкошин, История Бухары, стр. 123.

27 К такому выводу пришла О.А.Сухарева, которая пишет относительно городской застройки следующее: “Как показывает “История Бухары”, даже и эта незначительная территория (т.е. шахристан) далеко не вся была занята застройкой: некоторые кварталы (вероятно окраинные) были отделены и удалены друг от друга, подобно селениям” (см. ее работу “К истории городов Бухарского ханства”, Ташкент, 1958, стр.28). В действительности же в “Истории Бухары” в данном месте речь идет о городе (шахре), а не о внутреннем городе (шахристане) и о пригородных кварталах (махалла), которые в то время были обособленными и зачастую действительно отдаленными друг от друга. Что касается пашен, то последние, по мнению того же автора, подразумеваются под термином мустагалла, обозначавшим-де земельные участки, используемые под зерновые культуры (см. там же, стр. 29, 30), что неточно. К значению мустагалла как термина, обозначающего приносящую доход собственность (землю, воду, недвижимость), см. ВГА, I, стр. 158; сводку данных источников см. глоссарий к Балазури, стр. 78.

28 “История Бухары” (изд.Шефера), стр. 18.

29 Там же, стр. 40-41.